КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXII.

1891 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 15-го января 1891 г.

Лубенскій полковникъ Максимъ Илляшенко.

ИЗЪ ИСТОРІИ СЕЛЪ и СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ.

Послѣ освобожденія Малороссіи отъ польской зависимости, народъ рѣшилъ, что прежнія крѣпости на земельныя имѣнія „козацкою шаблею скасованы“ и что засимъ земля можетъ принадлежать только народу, прогнавшему поляковъ и завоевавшему себѣ свободу. Дѣйствительно, всѣ крѣпости, по которымъ поляки владѣли имѣніями въ Малороссіи, были „скасованы“, потому что сами владѣльцы частью были прогнаны, частью убиты, а принадлежавшія имъ земли перешли въ неограниченное владѣніе сидѣвшаго на нихъ крестьянства. Но кромѣ поляковъ были въ Малороссіи и другіе владѣльцы: монастыри и отчасти—православная шляхта. Монастырское землевладѣніе Хмельницкій началъ подтверждать чуть не въ первый годъ начатой съ поляками войны. Православная шляхта выждала нѣкоторое время, пока прошло первое возбужденіе народа, и тоже обратилась къ Хмельницкому за подтвердительными универсалами. Но маетностей, подтвержденныхъ монастырямъ и православной шляхтѣ, было сравнительно немного. Огромное большинство селъ оставалось послѣ изгнанія поляковъ все таки свободнымъ отъ владѣльцевъ и народъ мнилъ себя нѣкоторое время единственнымъ владѣльцемъ земельныхъ богатствъ... Но такое положеніе вещей долго продолжаться не могло. Козацкая старшина, освоившись съ тою властью, которая начала сосредоточиваться въ ея рукахъ, стала эту власть расширать и съ помощью ея стала захватывать и свободныя земли, и сидѣвшихъ на нихъ крестьянъ. Послѣдніе уступали не безъ со-

противленія. Старшинскіе захваты стали узаконяться гетманскими универсалами и къ концу XVII в. старшинѣ было роздано столько маетностей, что Мазепа, въ виду „пререканія посполства“, началъ было отбирать ихъ отъ лицъ безвліятельныхъ назадъ. По этому поводу гетманъ писалъ въ Москву, въ 1692 г.,—„о отданныхъ маетностяхъ разнымъ особамъ такъ у себя мы, гетманъ, съ старшиною и съ полковниками разсудили: которые особы (изъ старшины) еще въ войску и въ народѣ мнятся быть къ службѣ негодны, а за нашими универсалами къ маетностямъ приобщилися, тѣхъ угодно бы отъ того владѣнія отставити... И какъ уже нѣкоторыхъ такихъ въ полтавскомъ полку отъ маетностей оставили есмы... и тѣ маетности въ общую городовую власть привратили, *угождая тому, дабы посполство пререканія не чинило...*“ Но такія распоряженія ограничивались единичными случаями. Видно, что Мазепа вынужденъ былъ такъ дѣйствовать подъ давленіемъ угрозъ, которыя слало ему Запорожье...[1]). Между тѣмъ старшина, не ограничиваясь землями, на которыхъ сидѣли крестьяне, стала простирать руки и къ землямъ козачьимъ... Протестъ козаковъ вызвалъ интересный универсалъ Мазепы, написанный въ ноябрѣ 1691 г., въ которомъ гетманъ пояснялъ старшинѣ, далѣе какихъ предѣловъ не должны простираться ея вожделѣнія. Донесено намъ, писалъ Мазепа, что нѣкоторыя какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, получивъ, по милости Божьей и монаршей и нашему изволенію, маетности, не обращаютъ вниманія ни на здѣшнія малороссійскія обыкновенія, ни на войсковые порядки и неугодливо поступаютъ съ жителями тѣхъ маетностей: тяглыхъ крестьянъ безъ мѣры отягчаютъ повинностями, а козаковъ приневоливаютъ въ крестьянство... И если который козакъ силится остаться въ войсковыхъ спискахъ, такого владѣлецъ маетности начинаетъ разными способами тѣснить, стараясь или приневолить его къ переходу въ „мужицство“ или совсѣмъ вытѣснить изъ своей маетности. А кромѣ того, слышимъ мы, что нѣкоторые владѣльцы маетностей, развѣдавъ—какія изъ козачьихъ земель въ ихъ селахъ принадлежали за польской дер-

[1]) Подробности см. у Костомарова, Мазепа и Мазепинцы, стр. 93 и слѣд.

жавы „панамъ“, стали отбирать эти земли подъ свою власть. Эти дѣйствія владѣльцевъ маетностей противны и праву войсковому, и волѣ нашей гетманской, потому что тѣ земли, которыя отвагою „рыцарства войска запорожскаго“ отняты въ войну Хмельницкаго у польскихъ пановъ и немалое время уже находятся въ козацкомъ владѣніи, не могутъ быть у козаковъ отнимаемы. Всѣмъ извѣстно, что война Хмельницкаго и начата была какъ за вѣру святую и церкви православныя, обращенныя въ „римскую“ унію, такъ и за войсковыя вольности, которыя ярмомъ тяжкимъ были придавлены. По этому одному нельзя отнять права у нашихъ „отважниковъ“ на владѣніе всѣмъ тѣмъ, что̀ ими тогда было завоевано саблей и кровью... Въ силу этого симъ нашимъ универсаломъ приказываемъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина людямъ, чтобы они власть свою при владѣніи маетностями выражали „мѣрно“, какъ слѣдуетъ по „малороссійскому обыкновенію“, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей, особливо дабы козаковъ, изстари въ тѣхъ маетностяхъ живущихъ, не притѣсняли и земель, издавна ими владѣемыхъ, не отнимали, хоть бы и доказано было, что тѣ земли при полякахъ были „панскія“ [1]).

Гетманъ публично признавалъ безспорность права половины народа (козаковъ) на находившуюся въ его владѣніи землю, но тѣмъ не менѣе это признаніе обращалось въ мертвую букву, потому что всѣ гетманскія распоряженія въ защиту народа должны были оставаться безъ результата, такъ какъ за исполненіемъ этихъ распоряженій должна была наблюдать та самая старшина, противъ которой направлялись подобные приведенному универсалы.

Процессъ порабощенія народа старшиною продолжался безостановочно, несмотря на всѣ распоряженія власти какъ мѣстной, такъ и центральной. Съ одной стороны захватъ маетностей съ жившими въ нихъ крестьянами, а съ другой—„скупля“ козачьихъ

[1]) Универсалъ Мазепы, изъ котораго взятъ приведенный отрывокъ, записанъ въ бориспольскихъ „мѣскихъ“ книгахъ XVII в., рукописью которыхъ, находящеюся въ собраніи барона Шодуара (м. Ивница, житомирскаго уѣзда), мы пользовались при обязательномъ посредствѣ Н. И. Петрова. См. Извѣстія Цер. арх. общ. за 1888 годъ, стр. 21.

земель и обращеніе ихъ владѣльцевъ въ „подсосѣдковъ“, составляютъ едва не главное содержаніе той части исторіи Малороссіи въ періодъ гетманщины, которая остается еще не написанною... Какъ извѣстно, процессъ подчиненія народа старшинѣ закончился указомъ 3 мая 1783 года.

Какъ производился старшиною захватъ маетностей, въ какое отношеніе становилась она къ народу и какое сопротивленіе оказывалъ при этомъ народъ—объ этомъ и говорятъ приводимые здѣсь эпизодическіе очерки изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи.

---

1. Село Грицовка [1]).

Село Грицовка, расположенное по берегу незначительной рѣчки Лисогора, возникло въ первой половинѣ XVII в. и первое время, при гетманахъ, находилось въ „послушаніи“ ратуши сотеннаго мѣстечка Срѣбнаго, т. е. грицовскіе крестьяне помогали своему сотенному мѣстечку въ исполненіи разнаго рода „общенародныхъ повинностей“. Затѣмъ, при Мазепѣ, село это попало во владѣніе какого-то Аѳанасія Мокіевскаго, вѣроятно родственника Мазепы, котораго мать была изъ рода Мокіевскихъ [2]). Но послѣ измѣны Мазепы, всѣ родичи его были устранены отъ владѣнія маетностями и Грицовку сейчасъ же послѣ этого (въ 1709 г.) выпросилъ у новопоставленнаго гетмана Скоропадскаго прилуцкій полковой писарь Андрей Себастіановичъ; а послѣ его смерти (въ 1718 г.) Грицовка, вмѣстѣ съ другими маетностями, перешла къ сыновьямъ Андрея—Ивану, Василію и Матвѣю. По малолѣтству послѣднихъ двухъ, старшій братъ Иванъ захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Грицовку, и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. Вотъ въ это время и случились тѣ „пререканія“ гри-

---

[1]) Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

[2]) Можетъ быть Аѳанасій Мокіевскій былъ сынъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, сыну котораго Мазепа могъ дать маетность по родству, „за службы отца“, какъ тогда говорилось.

цовскихъ жителей съ владѣльцемъ ихъ села, о которыхъ мы здѣсь разскажемъ.

Учрежденіе Петромъ В., въ 1722 г., малороссійской коллегіи возбудило въ народѣ большія надежды на улучшеніе его соотношеній съ старшиною. Въ данной царемъ президенту коллегіи инструкціи, между прочимъ, говорилось: „ежели усмотрѣно будетъ, что генеральная старшина и полковники козаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ нихъ козаковъ и челобитья не будетъ, и оное коллегіи, съ совѣту г. гетмана, пристойнымъ образомъ отвращать, а поспольству въ томъ помогать по истинѣ“. Этотъ и другіе пункты той же инструкціи возбудили во многихъ мѣстахъ Малороссіи крестьянскія волненія. Болѣе замѣтныя волненія возникли въ тѣхъ селахъ, державцы которыхъ отличались суровостью своихъ отношеній къ крестьянамъ. Иванъ Себастіановичъ былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ державцевъ; сама мать его писала, что онъ „бивалъ своихъ подданныхъ кіями, безъ всякой пощады“. Въ Грицовкѣ было нѣсколько крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ. Они первые попробовали—нельзя ли, при помощи коллегіи, вернуться въ козачество и тѣмъ избавиться отъ насилій Себастіановича. Между ними былъ и Степанъ Быховецъ, который подалъ въ апрѣлѣ 1727 г. въ генеральную канцелярію такое прошеніе: „будетъ тому нѣсколько годъ, якъ я въ с. Грицовкѣ, маетности бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича, сталъ жить и всякія подданническія повинности отбывать даже до сихъ поръ. А нынѣ, когда я пожелалъ себѣ козацкую отбывать повинность съ грунта козацкаго, для того, что дѣдъ мой и отецъ козаковали и въ компутахъ (спискахъ) полковыхъ прилуцкихъ вписаны, то владѣлица с. Грицовки, Ивана Себастіановича жена, о томъ извѣстившись (самъ Себастіановичъ былъ въ это время въ гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову розбили. Да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота товару рогатаго—9, овецъ 24 и коня одного“. Въ заключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій ком-

путь". По этому прошенію генеральная канцелярія навела справку—какъ записанъ Быховецъ по ревизіи 1723 г., и когда оказалось, что онъ записанъ „между посполитыми подданными бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича", то въ просьбѣ Быховцу отказала. Тогда Быховецъ обратился въ коллегію, жалуясь, что генеральная канцелярія неправильно отказала ему въ козачествѣ, не справившись съ старыми компутами и руководствуясь одною лишь ревизіею 1723 г. Коллегія навела лучшія справки и въ іюнѣ 1727 г. выдала Быховцу копію своего указа на имя прилуцкаго полковника, что „по справкѣ съ козацкими компутами прошлыхъ 1695 и 1715 гг., въ полковой прилуцкой сотнѣ, куреня мульковскаго (с. Молекъ) написанъ отецъ Степана Быховца, Иванъ Быховецъ—атаманомъ, а братъ родной Петръ—козакомъ. А по именному указу 1722 г., велѣно таковыхъ, по справкѣ съ прежними давними и нынѣшними козацкими реестрами, по ихъ челобитью, писать въ козаки по прежнему; и того ради о написаніи Степана Быховца въ козацкіе компуты и о выключеніи изъ подданства, и чтобъ владѣлецъ впредь до него въ подданническихъ повинностяхъ не интересовался, послать къ тебѣ, полковнику прилуцкому, указъ..." Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него Себастіановичкою скота. Получивъ этотъ указъ, Быховецъ отказался отъ „послушенства" Себастіановичамъ. По этому случаю младшій братъ Ивана Себастіановича, Матвѣй (служившій въ это время канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи), въ концѣ 1727 г., жаловался Апостолу: „изъ посполитыхъ селянъ сельца Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнясь какимъ то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего-жъ году, того жъ сельца Грицовки житель Степанъ Быховецъ, смотря на реченныхъ самовластниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генеральную канцелярію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, тутъ же въ генеральную канцелярію подалъ мировое челобитье, выразивши

именно, что останется по прежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ отсюда (изъ Глухова) въ домъ свой и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за тое, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и мимо генеральной канцеляріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякаго розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки...“ Затѣмъ Себастіановичъ проситъ гетмана произвести слѣдствіе какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ Себастіановичей. По этой просьбѣ высланы были въ Грицовку, полковой есаулъ Панкевичъ и бунчуковый товарищъ Прокоповичъ, изъ произведеннаго которыми слѣдствія—приводимъ здѣсь лишь то, что оказалось по дѣлу Быховца. Когда слѣдователи спросили послѣдняго—почему онъ считаетъ себя козакомъ, то онъ отвѣчалъ, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ селѣ Молькахъ, да и братъ меньшій, Петръ, записанъ въ компутѣ полковомъ полковника Дмитрія Горленка; а онъ Степанъ Быховецъ, передъ дорогимъ годомъ [1]), отъ отца въ с. Харитоновкѣ женился и „прислушалъ до ратуши срѣбрянской, потому что Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда перезвалъ его въ Грицовку, Аѳанасій Мокіевскій, бывшій владѣлецъ грицовскій, и поставилъ его надъ своею маетностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Быховецъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. А живя въ Грицовкѣ, купилъ онъ себѣ тамъ грунтъ, у грицовскихъ посполитыхъ Дробковъ...“ Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій тотъ грунтъ около ста лѣтъ назадъ. Распросили затѣмъ слѣдователи и о тѣхъ побояхъ, которые нанесены были Быховцемъ людямъ Себастіановича. Ѳедоръ Василенко, войтъ грицовскій, объ этомъ разсказалъ такъ: какъ приказала мнѣ „панѣ“, чтобъ я изготовилъ на панщину шесть подводъ,

---

[1]) Часто упоминаемый въ актахъ первой половины XVIII в. „дорогой годъ“ былъ, кажется, 1690-й.

пошелъ я и до Быховца, чтобы и онъ ѣхалъ; но Быховецъ мнѣ отвѣтилъ: „не пойду я на панщину, бо я теперь босый, чоботъ нема!“ А когда я донесъ панеи объ отказѣ Быховца, такъ она велѣла взять за то у Быховца двое коней; а какъ привели тѣхъ коней въ дворъ, такъ пани приказала еще для коней взять у Быховца и сѣна. За сѣномъ былъ посланъ староста верхомъ на быховцовомъ конѣ, и—какъ пріѣхалъ онъ къ Быховцу, тотъ коня сейчасъ отнялъ, а старосту, взявъ за волосы, ударилъ ó-земь и билъ его кулаками, сколько захотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ панеи: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ!“ Тогда пани приказала старостѣ идти къ Быховцу уже съ людьми, чтобъ позвать его самаго во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли къ Быховцу снова. Но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ людей цѣпами... И избили Быховцы людей тѣхъ сильно: старостѣ и еще одному разбили головы, другому посланному — перебили руку, да и остальнымъ досталось... Спросили слѣдователи и Быховца, чтобы тотъ самъ разсказалъ кàкъ было дѣло; но тотъ не захотѣлъ отвѣчать, а только сказалъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливаго вѣтру!“ На другой день снова былъ позванъ Быховецъ, которому предложили указать хотя свидѣтелей драки. „Нѣтъ у меня свидѣтелей“, отвѣчалъ Быховецъ, „а дѣло было такъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы пограбить [1]), то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Михайло Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя йхъ на улицу“. Къ этому Быховецъ добавилъ, что въ то время, когда происхо-

[1]) Слово „грабить“ употреблено здѣсь въ смыслѣ—насильно взять въ подлежащемъ „грабежу“ дворѣ что-нибудь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая „гонителей“ (нѣчто въ родѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, „пограбить“ недоимщиковъ, т. е. взять у нихъ какую нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

дила эта драка, у него еще не было указа коллегіи объ исключеніи изъ крестьянства. А потомъ была еще и другая драка, когда, выхлопотавши указъ о козачествѣ, онъ, Быховецъ, вернулся изъ Глухова, такъ снова присылалъ за нимъ самъ Иванъ Себастіановичъ, вернувшійся изъ гилянскаго похода, чтобъ шелъ во дворъ и показалъ указъ, по которому онъ отказывался „отдавать послушаніе". Присланному за нимъ войту Быховецъ отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю!" За такой отвѣтъ Себастіановичъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду" (стадо) „пограбить" пару воловъ Быховца. Услыхавъ объ этомъ, Быховецъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ сосѣдей, побѣжалъ къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного, потому что отпросила войта дочь Быховца, говоря: „не бей, тату! человѣкъ этотъ передъ нами ничѣмъ не виненъ!"

Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Быховца, слѣдуетъ отказать въ козачествѣ, Быховца же, признавъ козакомъ, наказать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа коллегіи. Заключеніе слѣдователей было утверждено Апостоломъ.

Только что кончили Себастіановичи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ, другое дѣло, уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское посполитство, не дождавшись отъ коллегіи никакихъ облегченій въ „работизнахъ", рѣшило просить этихъ облегченій у новаго гетмана, Апостола. Въ октябрѣ 1728 г., всею „громадою" Грицовки подано было гетману слѣдующее прошеніе: „мы, грицовскіе подданные пана Ивана Себастіановича, доносимъ вашей ясневельможности, о причиняемыхъ намъ отъ него обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ, потому что панскіе дозорцы—домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнива" накидаетъ на каждую семью—сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А

когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дано было немного времени—накосить сѣна и нажать хлѣба на своемъ полѣ, такъ дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погніетъ, лишь бы панское было собрано!“ А староста панскій грозитъ намъ: „велитъ мнѣ панъ, чтобъ я выгонялъ изъ хаты каждый день по работнику; и—если хоть годъ проживу я у пана, то всѣхъ васъ поровняю, богатыхъ съ бѣдными!“ Каждый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанетъ зима, то отдаетъ панъ для прокорму на дворъ—по коню или по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. Такъ Василь Сущенко за кобылку-двухгодовалку, которую задавилъ волкъ въ хлѣву, заплатилъ шесть копъ, Ѳедоръ Рудь за украденнаго бычка, заплатилъ четыре съ половиною копы... Пригнаны были разъ изъ другаго села въ Грицовку панскіе волы; на другой день будто не досчитались одного вола, такъ панъ взялъ за того вола съ войта Кузьменка восемь копъ, а войтъ въ то время и въ дворѣ не былъ и совсѣмъ не зналъ былъ ли тотъ волъ и пригнанъ, за котораго панъ взялъ деньги. Да съ тѣмъ же Кузьменкомъ помѣнялся панъ на коней и договорился дать въ придачу два талера (1 р. 20 к.), но и копѣйки не далъ. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса. У Прохоренка срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго—въ шинокъ къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у срѣбрянской жительки Калинки сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій дворъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану,

который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привезли то сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ и разсказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жаданенка, а другаго—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей.

Спрошенный по этой жалобѣ Себастіановичъ большею частію отрицалъ обвиненія крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялъ, что такъ дѣлается „по давнему обыкновенію". О сѣнѣ, взятомъ у Калинки, онъ отвѣтилъ: „я не зналъ о сѣнѣ, взятомъ у Калинки; а когда срѣбрянская ратуша выслала своего войта, чтобы разслѣдовать дѣло, такъ войтъ обвинилъ моего „господаря", которому я назначилъ заплатить за сѣно, 80 золотыхъ; а когда деньги заплатили Калинкѣ, такъ и лошади были возвращены крестьянамъ..." Изъ этого отвѣта видно, что за украденное для Себастіановича сѣно заплатили деньги крестьяне; а что украдено было сѣно у Калинки съ вѣдома Себастіановича, видно изъ жалобы одного козака Яненка, который былъ избитъ Себастіановичемъ за то, что будто онъ разсказалъ Калинкѣ—что украденное у нея сѣно свезено къ Себастіановичу, въ дворъ. Никакой вины въ дѣйствіяхъ Себастіановича гетманъ не усмотрѣлъ, почему и распорядился, чтобы прилуцкій полковникъ, вызвавъ изъ Грицовки въ Прилуку „возмутителей", сначала бы ихъ „по приличію", наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать Себастіановичей. За „возмутителями" полковникъ послалъ въ Грицовку сотеннаго хоружаго; но грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и—не поѣхали. Полковникъ послалъ въ другой разъ значковаго товарища Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ грицовцами гетманскій приказъ. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у Себастіановичей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа; но крестьяне не только не пошли, а собравшись „громадою", вооружились цѣпами и стали ждать чтó дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ гро-

мадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе на ихъ жалобу.—„Не будемъ слушать Себастіановича“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана!“ Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ позвать войта, чтобы тотъ распорядился—дать козакамъ его харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго вилами. Донецъ приказалъ взять этого крестьянина и „забить въ колодки“. Услыхавъ объ этомъ, громада подошла къ панскому двору и стала требовать освобожденія забитаго въ колодки; а когда Донецъ отказалъ, то громада направилась къ священнику попросить благословенія бить набатъ, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) попробовалъ было успокоить народъ, но онъ, ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Грицовскій козачій атаманъ, услыхавъ, что бьютъ набатъ, прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобъ тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Тогда толпа сама подошла къ панскому двору и требуя забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять его изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки. Чѣмъ кончился протестъ грицовскихъ крестьянъ, подробностей изъ архивныхъ бумагъ не видно, но, конечно, гетманскій приказъ бытъ исполненъ и грицовцы стали отдавать Себастіановичамъ надлежащее послушаніе...

---

2. Село Озеряне [1]).

Озеряне возникли, повидимому, во второй половинѣ XVII в., такъ какъ только въ 1703 г. строилась здѣсь первая церковь. Будучи незначительнымъ сельцомъ, Озеряне до начала XVIII в.

---

[1]) Лохвицкаго уѣзда, полтавск. губ.

оставались свободными. Намѣтилъ ихъ только Игнатій Галаганъ, ставъ прилуцкимъ полковникомъ, и въ продолженіе десяти лѣтъ окончательно завладѣлъ Озерянами при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказали сами озерянцы въ 1724 г.

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ [1]) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Озерянахъ только „оранду“ (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до оранды“ своей (т. е. въ корчму), сталъ просить, чтобъ позволили ему—„занять леваду“ надъ Мамотовымъ ставомъ, на вольной сельской землѣ, и хуторокъ тамъ построить. При этомъ, Себастіановичъ обѣщалъ дать зато на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Озерянахъ тогда была еще не достроена. Озерянцы и позволили ему занять ту леваду. Занавши леваду, Себастіановичъ денегъ на церковь не давалъ да и леваду недолго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай его позвалъ“ и онъ въ это же время, по сосѣдству, въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать“. И запустѣла та левада, пока не насталъ полковникомъ панъ Игнатій Галаганъ. А какъ сталъ Галаганъ полковникомъ и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Озерянахъ (это было въ 1718 г.) съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полковымъ судьею. И какъ пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слыхали, какъ панъ полковникъ просилъ пана судью—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Озерянахъ. Судья исполнилъ просьбу полковника, говоря, что хоть озерянцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я „вашецѣ добродію, дарую!“ И тогда же панъ полковникъ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ“, о томъ оповѣстилъ намъ, озерянскимъ обывателямъ. Эта левада и послужила для Галагана основою для завладѣнія всѣмъ селомъ. Какъ видно, стоило только вліятельному старшинѣ пріобрѣсть въ селѣ одинъ участокъ и посадить на немъ подсосѣдка, чтобы начать потомъ, съ помощью по-

[1]) См. выше, село Грицовку.

саженнаго своего человѣка, „скуплю" козачьихъ и крестьянскихъ дворовъ и обращеніе бывшихъ хозяевъ ихъ въ подсосѣдковъ. Съ одной стороны льготы отъ „общенародныхъ" повинностей, которыя вліятельный старшина обѣщалъ козаку или крестьянину, если тотъ продастъ ему свой дворъ и изъ свободнаго хозяина обратится въ „панскаго" подсосѣдка, а съ другой стороны—незаконное пользованіе правомъ суда, когда тотъ или другой селянинъ „впадалъ въ проступство" (большею частію—воровство и прелюбодѣяніе) и долженъ былъ судиться у своей старшины, были главными средствами, съ помощью которыхъ старшина производила „скуплю" преимущественно козачьихъ дворовъ и заселеніе ихъ подсосѣдками—будущими „подданными". Для избѣжанія нареканій за „скуплю" со стороны гетмана или замѣнявшихъ его правителей, старшина старалась селить подсосѣдковъ на новыхъ мѣстахъ, а не въ старыхъ дворахъ. Купивъ въ селѣ участки, еще не бывшіе подъ поселеніемъ, новый пріобрѣтатель строилъ тутъ хаты, селилъ въ нихъ подсосѣдковъ, а потомъ—утверждалъ передъ властями, что онъ никакихъ дворовъ не скупалъ, а „посадилъ новую слободку". Такъ старался дѣлать и Галаганъ, такъ сдѣлалъ онъ и въ Озерянахъ. Получивъ отъ Себастіановича въ этомъ селѣ леваду, Галаганъ года въ три-четыре, поселилъ въ Озерянахъ нѣсколько подсосѣдковъ и сдѣлалъ первую попытку подчинить себѣ и все остальное крестьянское населеніе Озерянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маетности которыми Галаганъ уже владѣлъ передъ тѣмъ, по универсаламъ гетмана, онъ включилъ въ число ихъ и Озеряне. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—принадлежатъ ли Галагану перечисленныя въ его челобитной маетности, то гетманъ объ Озерянахъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣетъ". По этому отвѣту гетмана, грамоты на Озеряне выдано не было. Между тѣмъ умеръ Андрей Себастіановичъ, вдова его вспомнила о подаренной въ Озерянахъ мужу левадѣ и стала заявлять претензію на поселенныхъ тамъ Гала-

ланомъ подсосѣдковъ. Въ февралѣ 1724 г., она жаловалась правителямъ генеральной канцеляріи: „въ прошломъ 1719 г., полковникъ Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Озерянами, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою покойный гетманъ Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа; но онъ, полковникъ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣетъ ею съ того времени самъ..." Спрошенный по этой жалобѣ, Галаганъ отвѣчалъ: „леваду въ Озерянахъ, а не слободку, покойный судья Себастіановичъ, мужъ жалобщицы, подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ озерянскихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же прилагаю (изъ него и взятъ приведенный разсказъ озерянцевъ), а я на той левадкѣ позволилъ тамошнимъ же жителямъ озерянскимъ, *не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать*". Въ этомъ объясненіи и состоялъ весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться. Галаганъ здѣсь какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все крестьянское населеніе Озерянъ.

Приведеннымъ отвѣтомъ безсильные правители генеральной канцеляріи должно быть удовлетворились, потому что просьба вдовы Себастіановича не получила дальнѣйшаго движенія. А когда въ 1727 года. Галаганъ сталъ просить у новопоставленнаго гетмана Апостола дать ему одно изъ прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ и въ томъ числѣ 154 двора въ Озерянахъ. Отсюда и видно, что въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ было себѣ въ Озерянахъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ этого универсала и отъ Апостола, хотя послѣдній, какъ видно, признавалъ фактъ принадлежности ему Озерянъ. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о выдачѣ царской грамоты на пріобрѣтенныя безъ гетманскихъ универсаловъ владѣнія. Узнавъ объ этой просьбѣ Галагана, Апостолъ поручилъ находя-

щемуся въ Петербургѣ срѣбрянскому сотнику Троцинѣ узнать—на какія именно маетности Галаганъ проситъ грамоту?—Троцина отвѣчалъ, что ему удалось прочитать челобитную Галагана и онъ нашелъ нужнымъ подать туда же „спорную челобитную", въ которой, какъ прилуцкій полчанинъ, заявилъ, что названный Галаганомъ *хуторъ* Озерянскій есть старинное село Озеряне, въ которомъ болѣе 150 хатъ, которыми онъ, полковникъ, самовластно завладѣлъ... Такимъ образомъ Галагану снова помѣшали укрѣпить за собою Озеряне. Удалось ему укрѣпить за собою это село только въ 1737 г., когда Галаганъ выпросилъ себѣ на Озеряне не грамоту, а универсалъ отъ тогдашняго правителя Малороссіи А. И. Румянцева... Получивъ этотъ универсалъ, Галаганъ успокоился, зная, что актъ, выданный такимъ сильнымъ человѣкомъ, укрѣпляетъ за нимъ Озеряне безповоротно.

---

3. Село Дегтяри [1]).

Въ ревизіи 1729 г., о крестьянскомъ поселеніи села Дегтярей сказано: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ" и „*въ томъ же селѣ—слободка* п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ". Видно, что ревизію 1729 г. писали люди умѣлые, умѣвшіе защитить интересы старшины. Ревизоры написали, что Галаганъ *поселилъ слободку въ селѣ*. Такъ нужно было написать, чтобы узаконить захватъ полковникомъ цѣлаго села. Хотя „слободъ" и нельзя уже было садить въ XVIII в., безъ гетманскаго разрѣшенія, но разъ слобода была посажена—некуда было ее дѣвать и она оставалась за тѣмъ, на чьей землѣ садилась; но захватить село въ свое владѣніе безъ гетманскаго универсала—было дѣло хлопотливое, какъ это мы видѣли на селѣ Озерянахъ. Ревизія 1729 г. произведена была исключительно съ цѣлью разслѣдовать правильность старшинскаго владѣнія маетностями (поэтому въ

[1]) Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

ревизіи 1729 г. козаки и не показаны); отсюда и понятно—почему для Галагана важно было, чтобы Дехтяри показаны были его слободою. Разумѣется, что старое село нельзя было все назвать слободою,—подлогъ былъ бы очевиденъ; поэтому умѣлые ревизоры и показали нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ Дехтяряхъ за сотенною ратушею. Въ дѣйствительности, никакой Галагановской „слободки“ въ Дехтяряхъ не было, а были скупленные крестьянскіе и козачьи дворы, съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ“ въ Дехтяряхъ Галаганъ началъ уже съ 1716 г. [1]), и скупалъ здѣсь какъ козачьи, такъ и крестьянскіе дворы,—безразлично. Для образца проводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писанемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Дехтяряхъ п. полковнику прилуцкому за гроши, за полчварта золотыхъ (3½ з.=70 к. ас.), а тотъ гай она, Ковалиха, имѣетъ съ того еще времени какъ были вольные гаи; и дала она мировѣ за той гай: сало и десять квартъ горѣлки; и вольно обладать его мил. п. полковнику тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ“ (1733 г.). Другая купчая показываетъ, какъ скупались козачьи дворы: „мы, нижей именованные, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писанемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однакожъ теперъ, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козачей отбывать, продали мы его м. п. Игнатію Галагану, полковнику прилуцкому, дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито, а не козацко,* и всякія повинности отбывать и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. полковника прилуцкаго выдаемъ. Степанъ Манджуренко, Кирикъ Гриценко, жители дехтяревскіе“.—По ревизіи 1740 г., крестьянское населеніе въ Дехтяряхъ показано такъ: 1, посполитые свободные, скупленные полковникомъ прилуцкимъ Игнатіемъ Галаганомъ, въ 1736 г.,—4 двора и 2, „сло-

---

[1]) Прилуцкимъ полковникомъ Галаганъ сталъ въ 1715 г

бодка Дехтяровка полковника прилуцкаго Галагана, на купленной его землѣ осаженная",—39 дворовъ.—Здѣсь мы видимъ, что ревизоры крестьянское населеніе Дехтярей уже поголовно записали за Галаганомъ, но все таки обозначая несуществовавшую „слободку", на всякій случай, такъ какъ, вѣроятно, въ это время Галаганъ еще не имѣлъ крѣпости на это село...

Ал. Лазаревскій.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ВОЛЫНИ И УКРАИНЫ.

3. Превелебный сватъ [1]).

I.

Верстахъ въ 17-ти отъ Луцка, на рѣчкѣ Полонкѣ, среди холмистой мѣстности, лежитъ убогое село Несвичъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсами, оно стыдливо прячется въ глубокой впадинѣ, словно сознавая, что его нынѣшній захолустный видъ нимало не соотвѣтствуетъ его историческому прошлому. Вѣдь было же время, когда это убогое село было родовымъ гнѣздомъ знаменитыхъ въ лѣтописяхъ Волыни князей Несвицкихъ, несомнѣнныхъ потомковъ одного изъ древнихъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ! Въ XV ст. князья Несвицкіе настолько разбогатѣли и родъ ихъ такъ разроссятся, что изъ него выдѣлились четыре новыхъ княжескихъ фамиліи: Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе и Воронецкіе. Тогда съ ними случилось то, что нерѣдко приходится наблюдать въ мірѣ растительномъ: молодые побѣги со временемъ росли и крѣпли, а старый стволъ сталъ хирѣть

---

¹) Настоящій очеркъ представляетъ точный пересказъ судебнаго дѣла, отысканнаго нами въ луцкихъ актовыхъ книгахъ 1648 и послѣдующихъ годовъ (№ 2490, лл. 222, 291, 436; № 2492, л. 104 и др.). Сверхъ того мы пользовались очеркомъ А. Пршездѣцкаго „Nieświcz. Omelanik“, помѣщеннымъ въ 1 № „Atheneum“ 1844 г. и составленнымъ на основаніи копій тѣхъ же самыхъ документовъ, найденныхъ имъ въ коростышевскомъ фамильномъ архивѣ. Полубеллетристическая форма изложенія, отчасти заимствованная нами у Пршездѣцкаго, наиболѣе соотвѣтствуетъ обилію бытовыхъ подробностей, заключающихся въ самихъ матеріалахъ,—О. Л.

и чахнуть, и къ концу XVI ст. Несвицкіе окончательно выродились въ мелкихъ шляхтичей и утратили свой княжескій титулъ. Имъ не удалось удержать даже въ своихъ рукахъ древнее родовое свое гнѣздо: въ половинѣ XVII ст. Несвичъ принадлежалъ уже брацлавскому каштеляну Гавріилу Стемпковскому—человѣку пришлому, представителю той стаи польскихъ выходцевъ, которые такъ быстро умѣли богатѣть на южнорусской почвѣ.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ (6 февраля, 1648 г.), панъ каштелянъ хоронилъ свою мать. По этому случаю въ Несвичъ съѣхалась огромная масса и крупной, и въ особенности мелкой шляхты со всего волынскаго воеводства. Ждали самого воеводу, князя Адама Сангушка-Коширскаго, но его удержалъ въ Локачахъ злой приступъ подагры; за то прибылъ изъ Луцка его племянникъ ясне-превелебный ксендзъ - бискупъ аргивенскій, суффраганъ (викарій) луцкій, инфулатъ олыцкій, Николай Красицкій, который лично, въ сослуженіи нѣсколькихъ канонниковъ, правилъ похоронную службу въ несвицкомъ костелѣ, построенномъ уже новымъ владѣльцемъ.

Окончился печальный обрядъ, тѣло предали землѣ, и шляхта толпой повалила въ замокъ на поминальный обѣдъ.

Въ обширной столовой, на самомъ почетномъ мѣстѣ возсѣдаетъ ксендзъ бискупъ, человѣкъ еще не старый, высокаго роста и умѣренной полноты. Орлиный носъ, плотно сжатыя губы, густыя сросшіяся брови, поминутно вспыхивающіе стальнымъ блескомъ черные глаза—свидѣтельствуютъ о присутствіи въ этомъ человѣкѣ желѣзной воли или, лучше сказать, несокрушимаго упорства, невѣдающаго препятствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ непріятное, отталкивающее впечатлѣніе, еще болѣе усиливающееся благодаря рѣзкому голосу и быстрымъ, порывистымъ движеніямъ бискупа, такъ мало соотвѣтствующимъ его сану. За тѣмъ же столомъ размѣстились канонники и болѣе почетныя лица изъ гостей: вельможный панъ Генрихъ Кашовскій, каштелянъ венденскій; князь Владиславъ-Доминикъ Заславскій, староста луцкій; князь Григорій Четвертинскій, подкоморій луцкій; панъ Андрей Линевскій, судья земскій луц-

кій; п. Филонъ Еловицкій, войскій владимірскій; Юрій Гораинъ, писарь земскій владимірскій, и другіе primores. Самъ хозяинъ не садился за столъ и поминутно переходилъ отъ одного стола къ другому.

Среди застольной бесѣды панъ Линевскій выразилъ удивленіе, что въ числѣ присутствовавшихъ не видно никого изъ пановъ Станишевскихъ, шляхтичей довольно богатыхъ и близкихъ сосѣдей хозяина. При одномъ упоминаніи этого имени въ глазахъ бискупа зажглись искры, и онъ такъ порывисто откинулся на спинку кресла, что дубовая мебель слабо заскрипѣла.

— Я хорошо знаю, почему нѣтъ здѣсь ихъ-мостей Станишевскихъ! Нечистая совѣсть не позволяетъ имъ являться туда, гдѣ они могутъ встрѣтиться со мной.

Всѣмъ присутствовавшимъ хорошо было извѣстно, на что намекалъ ксендзъ-бискупъ. Когда то онъ жилъ въ дружбѣ съ покойнымъ Яномъ Станишевскимъ, ключникомъ луцкимъ и секретаремъ королевскимъ, и послѣдній, умирая, назначилъ его, совмѣстно съ литовскимъ канцлеромъ княземъ Альбрехтомъ-Станиславомъ Радзивилломъ, опекуномъ своей малолѣтней дочери, удаливъ отъ права опеки родныхъ братьевъ, въ виду ихъ молодости. Бискупъ помѣстилъ малолѣтнюю сироту въ кляшторъ луцкихъ бригитокъ, а самъ принялся хозяйничать въ ея наслѣдственныхъ имѣніяхъ. Такъ прошло лѣтъ пять-шесть. Но вотъ братья Станишевскаго возмужали и поженились: Петръ взялъ Гальшку Гулевичевну [1]), а Войтехъ панну Подгороденскую. Они заявили свои законныя права на опеку надъ племянницей, и Петръ, какъ старшій, взялъ ее изъ кляштора и отобралъ въ свое распоряженіе ея имѣнія. Ганнуся (такъ звали сироту) какъ нельзя болѣе была довольна совершившейся перемѣной въ ея положеніи. Она успѣла выроcти въ молодую дѣвушку, и къ ней стали навѣдываться уже и женихи. И теперь было два искателя ея руки: панъ Константинъ Гулевичъ и п. Янъ Линевскій, сынъ луцкаго судьи. Ходили слухи, будто первый пользовался преи-

---

[1]) Родственницу одноименной съ нею извѣстной благотворительницы кіевскаго Братскаго монастыря.

мущественнымъ расположеніемъ невѣсты и ея опекуна и что въ скоромъ времени, до наступленія великаго поста, должна состояться его свадьба. Слухи эти чрезвычайно волновали пановъ Линевскихъ и не столько самого жениха, сколько его отца, луцкаго земскаго судью. Упрямый и тщеславный старикъ не хотѣлъ ни-за-что примириться съ мыслью, что его сыну предпочтенъ какой-то мелкій шляхтичъ. Онъ самъ намѣтилъ панну Станишевскую въ невѣсты для своего сына, заранѣе оцѣнилъ всѣ выгоды, какія должны произойти, если присоединить ея наслѣдственныя имѣнія къ его собственнымъ маетностямъ (благо, ихъ земли были смежными) и заранѣе былъ увѣренъ, что Станишевскіе сочтутъ за особую честь породниться съ нимъ. И вдругъ, всѣ его разсчеты грозили разсѣяться дымомъ! Онъ рѣшился добиться своего не тѣмъ, такъ другимъ путемъ—и вошелъ въ сдѣлку съ бискупомъ. Какъ юристъ, Линевскій понималъ, конечно, что опекунскія права Красицкаго весьма шатки: литовскій статутъ категорически устранялъ отъ опеки лицъ духовныхъ, въ особенности же такихъ, которыя не имѣли недвижимой собственности въ томъ повѣтѣ, гдѣ жили опекаемые [1]); но онъ болѣе всего разсчитывалъ на рѣшительный характеръ бискупа, ибо зналъ по опыту, что отвага и рѣшительность иной разъ больше значили, чѣмъ отвлеченное право, и что законъ сплошь и рядомъ пасовалъ передъ принципомъ beati possidentes. Сегодняшняя встрѣча его съ бискупомъ въ домѣ Стемпковскаго, который, въ качествѣ двоюроднаго брата Линевскаго, заранѣе былъ посвященъ въ его планы и обѣщалъ ему полное содѣйствіе, представляла весьма удобный случай подбить, наконецъ, Красицкаго на что-нибудь болѣе рѣшительное, чѣмъ одни обѣщанія, и условиться относительно плана дѣйствія. Въ этихъ видахъ онъ и завелъ рѣчь о Станишевскихъ, и надо было видѣть, какимъ лукавствомъ свѣтились его глаза на заплывшемъ жиромъ лицѣ по мѣрѣ того, какъ горячился бискупъ.

— Мнѣ, а не братьямъ, небожчикъ панъ ключникъ довѣрилъ въ опеку свою дочь, гремѣлъ, между тѣмъ, суффраганъ

---

[1]) Лит. Статутъ 3-й ред., разд. VI, арт. 3.

луцкій,—и только потому, что мой духовный санъ не позволяетъ мнѣ держать при себѣ въ домѣ женщинъ, я равнодушно отнесся къ тому, что панъ Петръ Станишевскій насильно похитилъ ее изъ кляштора. Къ тому же, въ то время она была ребенкомъ. Но теперь, когда панна уже невѣста, я одинъ имѣю право распорядиться ея судьбой, и горе тому, кто захочетъ стать мнѣ поперекъ дороги! Панъ судья луцкій! при всемъ честномъ собраніи я торжественно повторяю свое прежнее обѣщаніе: рука панны Станишевской будетъ принадлежать вашему сыну и никому болѣе!

— Кланяюсь въ ноги ксендзу-бискупу и до гроба не позабуду его милостиваго ко мнѣ и къ моему дому расположенія,— умильнымъ тономъ и съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ старикъ Линевскій. Но, ваша превелебность, позвольте напомнить, что до наступленія великаго поста остается всего лишь нѣсколько дней, между тѣмъ до меня доходятъ слухи, будто панъ Станишевскій выбралъ для племянницы другого жениха, схизматика, который не постыдился пообѣщать ему за то двадцать тысячъ злотыхъ, и что на дняхъ панна насильно будетъ съ нимъ обвѣнчана.

— О, на счетъ этого можете быть совершенно спокойны, любезнѣйшій. Я такъ же, какъ и вы, не спускаю глазъ съ того, что дѣлается въ Омеляникѣ, и съ своей стороны принялъ нѣкоторыя мѣры противъ всевозможныхъ случайностей. Почтеннѣйшій ксендзъ-кустошъ и каонникъ Гоголинскій, здѣсь присутствующій, можетъ удостовѣрить вашу милость, что на дняхъ, по моему настоянію, луцкая консисторія выдала тайную ингибицію (запрещеніе), дабы никто изъ ксендзовъ, подъ угрозою низверженія, не смѣлъ вѣнчать панны Станишевской, такъ какъ она сдѣлала тайное признаніе своему духовнику, что имѣетъ склонность посвятить свою жизнь на служеніе Богу въ одномъ изъ монастырей, а въ такихъ случаяхъ св. Тридентскій соборъ повелѣваетъ, чтобы подобныя „девотки“ не были вѣнчаемы до окончательнаго испытанія ихъ намѣреній со стороны мѣстнаго бискупа. Не пугайтесь, однако, почтеннѣйшій панъ судья, прибавилъ со смѣхомъ Красицкій, замѣтивъ, что при послѣднихъ

его словахъ на лицѣ Линевскаго выразилось что-то въ родѣ пугливаго недоумѣнія: моя pupilla [1]), сколько мнѣ извѣстно, не отличается, къ моему прискорбію, особенною набожностію, и отъ вашего сына будетъ зависѣть отклонить ее отъ благочестивыхъ намѣреній, если еще правда, что подобныя намѣренія могли зародиться въ ея легкомысленной головкѣ. Вспомните, что говоритъ поэтъ о женщинѣ:

Nec cras, nec heri
Non credas mulieri.

— Ваша превелебность рѣшаетесь давать слишкомъ смѣлыя обѣщанія,—вмѣшался подошедшій хозяинъ,—пока панна Станишевская не въ вашихъ рукахъ, ея дядя-опекунъ можетъ завтра же распорядиться ея рукой, какъ захочетъ. Какую же цѣну для пана Линевскаго можетъ имѣть ваше торжественнѣйшее обѣщаніе?

— Какъ какую?! вскричалъ бискупъ. Развѣ въ нашемъ королевствѣ право потеряло уже всякую силу? Да вы слышали, что говорилъ я сейчасъ объ ингибиціи?

— Слышалъ, слышалъ; но вѣдь ваша ингибиція можетъ имѣть силу только для ксендзовъ (и то, если плохо съ ними торговаться), а вы слышали, что нареченный вашей pupillae—схизматикъ. Вотъ ихъ русскій попъ и окрутитъ задешево хоть въ страстную пятницу. Правду ли я говорю, князь-подкоморій? обратился онъ со смѣхомъ къ благообразному, довольно плотному старику въ аксамитной зеленой ферезіи съ рубиновыми пуговицами, который до сихъ поръ не вмѣшивался въ общій разговоръ и тихо бесѣдовалъ со своимъ сосѣдомъ паномъ Кашовскимъ.

Старикъ (то былъ князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій, дѣятельнѣйшій членъ православнаго луцкаго братства и человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ за свой умъ, безупречную честность и мягкій, мирный характеръ) съ улыбкой посмотрѣлъ на хозяина и на гостей, видимо ждавшихъ, какъ онъ найдется отпарировать колкую шутку Стемпковскаго, и добродушно отвѣтилъ:

---

[1]) Pupilla (лат.)—сиротка.

— Не знаю, рѣшится ли нашъ попъ на такое дѣло; развѣ перейдетъ сначала въ вашъ законъ и предварительно купитъ индульгенцію на предположенный еще къ совершенію смертный грѣхъ,—тогда, пожалуй, можетъ отважиться и не на такое дѣло.

— Браво, князь! Вы никогда не останетесь въ долгу,—съ любезной улыбкой похвалилъ хозяинъ. Но revertamur ad propositum. Какое ручательство имѣетъ представить reverendissimus ксендзъ-бискупъ въ томъ, что панъ Линевскій можетъ положиться на торжественное обѣщаніе его превелебности?

— Если панъ каштелянъ осмѣливается сомнѣваться въ моемъ епископскомъ словѣ,—вскричалъ разъяренный Красицкій, то я докажу на дѣлѣ, что не привыкъ, подобно ему, бросать слова на вѣтеръ. Объявляю всѣмъ присутствующимъ, что завтра же панна Станишевская будетъ возвращена къ законному ея опекуну, а послѣ завтра ее будутъ величать паніей Линевской.

— Optime! но позвольте узнать, какимъ способомъ вамъ удастся достигнуть этого? допытывался неугомонный хозяинъ.

— Это уже мое дѣло! зарычалъ красный, какъ кармазинъ, бискупъ.

— А вотъ какимъ способомъ—вмѣшался Юрій Гораинъ: слѣдуетъ позвать пана Станишевскаго въ земскій судъ съ требованіемъ, чтобы онъ, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, возвратилъ племянницу въ кляшторъ, подъ власть ея опекуна; а въ такомъ случаѣ ужъ отъ пана судьи (приэтомъ онъ улыбнулся въ сторону пана Линевскаго) будетъ зависѣть дать то или другое направленіе дѣлу.

— Пустой совѣтъ! безцеремонно рѣшилъ Стемпковскій.— Пока будутъ разнесены позвы, Станишевскій успѣетъ десять разъ выдать племянницу замужъ. Нѣтъ, что касается меня, я никого не позываю: мой нѣмецъ Ганнусъ за вознаго мнѣ служитъ и всегда—съ полнымъ успѣхомъ! многозначительно прибавилъ каштелянъ, и его румяное, выхоленное лицо засвѣтилось недоброй улыбкой.

— Не всякій имѣетъ такого исправнаго вознаго, хихикнулъ панъ Линевскій. Вашъ слуга—вамъ вѣрно и служитъ.

— О нѣтъ, не одному мнѣ! Мой Ганнусъ съ такимъ же усердіемъ служитъ иногда и моимъ друзьямъ, процѣдилъ сквозь зубы Стемпковскій.

Бискупъ вскинулъ на него свои глаза, въ которыхъ свѣтилось недоброе. Казалось, онъ что то обдумывалъ.

— Панъ господарь! вдругъ обратился онъ къ хозяину дѣловымъ тономъ, значительно понизивъ голосъ, имѣю нужду сказать вамъ наединѣ два слова.

— Къ вашимъ услугамъ! съ ловкимъ поклономъ отвѣтилъ хозяинъ, и оба они скрылись во внутреннихъ покояхъ замка.

Гости многозначительно переглянулись. Линевскій сидѣлъ какъ на иголкахъ и черезъ нѣсколько минутъ, подъ говоръ возобновившейся застольной бесѣды, незамѣтно ускользнулъ изъ столовой.

А въ сосѣднихъ комнатахъ стоялъ дымъ коромысломъ: тамъ угощалась мелкая шляхта, густыми рядами обсѣвъ „лавы“ подъ стѣнами и „ослоны“ передъ столами. Служатъ ей драгуны и гайдуки пана каштеляна, а распоряжается ими высокій, сухощавый мужчина, съ блѣднымъ лицемъ, рыжими усами и глазами на выкатѣ: это и есть нѣмецъ Ганнусъ, капитанъ надворной милиціи пана каштеляна.

Ужъ шляхта изрядно выпила и начала заводить обычныя въ такихъ случаяхъ свары. Шумъ стоялъ невообразимый. Въ одномъ углу замѣтно было особенное оживленіе.

— Нечего сказать, надсаживался какой-то пьяный ораторъ. панъ каштелянъ—панъ на всю губу! Въ его погребахъ неистощимые запасы меду и вина, въ амбарахъ много провизіи, и каждаго шляхтича онъ угощаетъ, какъ равнаго. Vivat панъ каштелянъ брацлавскій!

— Vivat et pereat, кто не желаетъ ему добра! поддержалъ панъ Янъ Вальда, слуга князя воеводы Сангушка.—Однакожъ, счастье ваше, панове, что панъ каштелянъ состоитъ обывателемъ волынскаго воеводства и, значитъ, нуждается въ вашихъ голосахъ на сеймикахъ; будь иначе—не одинъ изъ васъ гулялъ бы ужъ безъ ушей, какъ то и случилось со многими изъ нашей братьи въ Полѣсьи.

— Ужъ это вѣрно: панъ каштелянъ никому не позволитъ наступить себѣ на ногу! подтвердилъ нѣкто панъ Витвинскій.— Кто на сеймикахъ идетъ противъ него, пусть не взыщетъ, если такъ плохо кончитъ, какъ панъ Остафій Облапскій или панъ Филиппъ Левковичъ Гуляницкій.

— А чтоже съ ними было?—спросили разомъ нѣсколько любопытныхъ.

— Давнее это дѣло, панове! равнодушнымъ тономъ началъ Витвинскій.—Лѣтъ семь тому назадъ возвращались они однажды съ Козина въ Гуляники и повстрѣчалъ ихъ на пути панъ Балтазаръ Раецкій, что былъ у пана каштеляна капитаномъ, пока не выискался этотъ нынѣшній нѣмецъ. Слово за слово и дошло у нихъ дѣло до драки, да какъ-то такъ случилось, что обоихъ ихъ мостей и посѣкли въ куски.

— И чѣмъ же дѣло окончилось? спросилъ какой-то молодой шляхтичъ.

— Чѣмъ окончилось? продолжаетъ Витвинскій. А чѣмъ же обыкновенно оканчиваются подобныя дѣла? Родственники убитыхъ позвали пана каштеляна на судъ, но его слуги присягли, что на нихъ напали, а они только лишь защищались.

— Худое дѣло,—заключилъ панъ Вальда, наливая меду въ кружки собесѣдниковъ,—когда въ шляхетскія „справы“ вмѣшивается всякая дрянь. Пусть подерется шляхтичъ съ шляхтичемъ—это въ порядкѣ вещей; но связываться съ такимъ вотъ молодцомъ (Вальда кивнулъ въ сторону Ганнуса)—совсѣмъ неблагородное дѣло. Поглядите-ка, панове, какъ принарядился этотъ верзило: ферезія полъ-гранатовая, доломанъ атласный, шапка подбита соболями! Сказалъ-бы—настоящій шляхтичъ, а на дѣлѣ—нѣмецкій бѣсъ! А узнаете, панове, чье на немъ убранье? Нѣтъ? То я вамъ напомню: покойника пана Войны!

Слушатели оживленно переглянулись, какъ-бы припоминая что-то полузабытое.

— Да, небожчика пана Войны! подтвердилъ Вальда заплетающимся отъ хмеля языкомъ. Не нравилось пану каштеляну, что панъ Война проживалъ, какъ близкій пріятель, въ домѣ его сестры пани Вылежинской, подчашиной волынской, въ с. Вербнѣ.

Ну, проживалъ, такъ проживалъ—что за бѣда такая! Должно быть, однако, панъ каштелянъ заподозрилъ тутъ что-нибудь неладное. Ну, и радоваться бы ему, что панъ Война выѣхалъ наконецъ, изъ Вербны въ белзское воеводство, къ своему дядѣ, чашнику белзскому! Не тутъ то было! На дорогѣ, у Перемильской корчмы, нападаютъ на него каштелянскіе драгуны. Былъ тамъ и Ганнусъ, но главное предводительство надъ ними имѣлъ панъ Станиславъ Стемпковскій, родственникъ каштеляна! Схватили пана Войну, бросили въ сани и связаннаго привезли сюда, въ Несвичъ. И что же вы думаете, панове? Панъ каштелянъ приказалъ нѣмцу-собакѣ утопить Войну, и Ганнусъ преспокойно пустилъ его подъ ледъ! За то и досталось ему въ награду „убранье“ небожчика, а въ доломанѣ, навѣрное, нашелъ онъ сверхъ того сотню—другую червонцевъ. Чтобъ онъ, собака, подавился ими! А негдѣ правды дѣть и панъ каштелянъ крѣпко нечистъ въ этомъ дѣлѣ!

— Что онъ тамъ мелетъ о панѣ каштелянѣ? разомъ закричало нѣсколько совершенно пьяныхъ шляхтичей, хватаясь за сабли. Ужъ не думаетъ ли водить насъ за носъ этотъ Сангушковецъ? Подайте его сюда! вскричали болѣе горячіе сторонники Стемпковскаго.

Нашлись и такіе, что вступились за пана Вальду, и во мгновеніе ока столы были опрокинуты, засверкали сабли и столовая превратилась въ адъ.

Прибѣжалъ сюда встревоженный хозяинъ съ бискупомъ, канониками и со всѣми почетными гостями, и немалаго труда стоило всѣмъ имъ усмирить эту безсмысленную „бурду“.

II.

Кто изъ жителей Луцка не знаетъ дер. Омеляника—любимѣйшаго мѣста ихъ загородныхъ прогулокъ! Это дѣйствительно одно изъ самыхъ прелестныхъ мѣстъ между окрестностями Луцка. На довольно возвышенномъ холмѣ, отлого спускающемся къ долинѣ р. Стыра, растетъ старинный липовый паркъ, съ тѣнистыми аллеями и съ развалинами какихъ-то причудливыхъ

построекъ. Съ его опушки открывается чудный видъ на городъ, на широкій просторъ рѣчной долины, на разсѣянныя вдоль нея села и деревни. Къ парку примыкаетъ опустѣвшая панская усадьба съ полуразвалившимися строеніями. Старинный барскій домъ съ облупившейся штукатуркою и забитыми окнами мрачно выглядитъ среди обступившей его зелени кустарниковъ, будто хранитъ въ своихъ стѣнахъ какую-то страшную тайну; широкій подъѣздъ весь заросъ сиренью и шиповникомъ, а съ покосившихся перилъ балкона ниспадаютъ ярко-зеленыя гирлянды хмеля. Чѣмъ-то романтичнымъ вѣетъ отъ этого, словно заколдованнаго, дома и тихо шумящаго, вѣковаго парка. Сохранилось преданіе, что здѣсь когда-то гостилъ Петръ Великій съ княземъ Меншиковымъ и даже вырѣзалъ будто-бы свое имя на одномъ изъ деревьевъ парка[1]). Но вѣковыя липы омеляницкаго парка бывали свидѣтелями не однихъ торжественныхъ зрѣлищъ: чаще на ихъ глазахъ совершались страшныя, кровавыя исторіи. Еще въ 1599 г. здѣсь произошло возмутительное по своей жестокости убійство паномъ Мартиномъ Сѣмашкомъ пана Демьяна Гулевича и съ нимъ 30-ти человѣкъ его родственниковъ, пріятелей и слугъ. Не менѣе возмутительное дѣло совершилось въ Омеляникѣ и 8-го февраля 1648 года, т. е. на третій день послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ несвичскаго поминальнаго обѣда.

Какъ и теперь, въ Омеляникѣ въ то время стояла панская усадьба, примыкавшая къ парку, только паркъ этотъ именовался тогда по-просту „гаемъ“. Быть можетъ, на мѣстѣ нынѣшняго заколдованнаго дома стоялъ въ то время панскій „будынокъ“ среди широкаго двора, кругомъ обстроеннаго службами. Невазистъ былъ наружный видъ этого „будынка“: низкія стѣны, высокая „гонтовая“ кровля, узкія окна и обширное, съ точеными

---

1) По предположенію Ал. Пршездѣцкаго, это посѣщеніе могло произойти въ 1698 г. во время возвращенія Петра съ Равы-Русской (въ Галичинѣ), гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ польскимъ королемъ Августомъ II; Стецкій-же („Łuck“, стр. 114) категорически утверждаетъ, что это было въ 1707 г., когда Петръ возвращался изъ Варшавы и, не найдя въ Луцкѣ приличнаго помѣщенія (по случаю недавняго пожара), принялъ приглашеніе тогдашняго владѣльца Омеляника графа Олизара и гостилъ у него три дня.

„балясами“ крыльцо, или „кганокъ“—все это свидѣтельствовало о томъ, что домъ выстроенъ былъ кѣмъ-либо изъ предковъ нынѣшняго владѣльца, въ „старосвѣтскомъ“ вкусѣ, когда строители заботились болѣе о теплѣ и прочности жилья, нежели объ архитектурной красотѣ. Внутреннее убранство дома также мало отступало отъ старинной простоты, но было богаче предковскаго: по стѣнамъ развѣшаны персидскіе ковры яркихъ цвѣтовъ; „лавы“ покрыты турецкими „килимами“, вмѣсто старинныхъ „полавниковъ“ изъ краснаго сукна. Въ спальномъ „покоѣ“, гдѣ мы застаемъ теперь хозяевъ, стояла массивная дубовая кровать съ пурпуровымъ полòгомъ, а на ней постель, вышитая шелками и золотомъ.

Хозяинъ, человѣкъ еще молодой, въ зеленомъ жупанѣ, подбитомъ рысьимъ мѣхомъ, сидитъ у стола и держитъ на колѣняхъ трехъ-лѣтнюю дѣвочку, которая играетъ эфесомъ его сабли. На его мужественномъ лицѣ лежитъ печать задумчивости, и онъ, видимо, плохо слышитъ, что болтаетъ его любимица, и не впопадъ отвѣчаетъ на ея вопросы. По другую сторону стола, въ покойномъ креслѣ сидитъ молодая женщина лѣтъ 25-ти. Круглая бархатная шапка, отороченная темнымъ мѣхомъ, красиво оттѣняетъ бѣлизну ея блѣднаго лица и ласковый блескъ карихъ глазъ, въ которыхъ свѣтится какая-то скорбная мысль. Простое домашнее платье красивыми складками маскируетъ довольно полный станъ молодой дамы, а ея ножки, обутыя въ красныя сафьяновыя туфли съ золотымъ шитьемъ, кокетливо прячутся въ густомъ медвѣжьемъ мѣху, разостланномъ на полу. Возлѣ нея стоятъ пяльцы съ неоконченнымъ „гаптованьемъ“, но ей трудно склоняться надъ работой, и она съ видомъ крайней усталости отдыхаетъ, довольная тѣмъ, что шалунья-дочка, съ приходомъ отца, перекочевала къ нему на колѣни, а ее оставила въ покоѣ.

Въ глубинѣ комнаты молодая дѣвушка качаетъ въ люлькѣ годовалаго ребенка, тихо напѣвая колыбельную пѣсню. На ней голубой бархатный „саянъ“ съ большимъ вырѣзомъ на груди, изъ подъ котораго видна „кошулька“—родъ шемизетки изъ батиста, съ красными шелковыми прошвами, расшитая жемчугомъ;

густые каштановые волосы заплетены въ одну косу и перевиты цвѣтными лентами. Чѣмъ-то крайне юнымъ и свѣжимъ дышетъ стройная фигура молодой особы съ узкими плечиками, тонкой шейкой и чисто дѣтскою миловидностью свѣжаго лица; и только въ голубыхъ глазахъ ея, красиво оттѣненныхъ бархатными бровями и густыми, темными рѣсницами, свѣтится отблескъ какой-то недѣтской думы, дающей понять, что эта пятнадцатилѣтняя дѣвочка-подростокъ уже пережила пору беззаботнаго дѣтства, и въ ея красивой головкѣ давно совершается трудная работа. Да, въ тѣ времена дѣвушкамъ нельзя было долго оставаться дѣтьми, если въ 12 лѣтъ ихъ отдавали замужъ. Вотъ и Ганнусѣ Станишевской есть о чемъ задумываться: она вѣдь тоже невѣста, и не сегодня-завтра ей предстоитъ стать подъ вѣнецъ съ человѣкомъ, въ выборѣ котораго участвовало и ея сердце, а не одна воля дяди-опекуна. Сейчасъ, до прихода дяди, она много говорила съ теткой о женихѣ. Тетка одобряетъ ея выборъ: она вѣдь сама Гулевичевна, и панъ Константинъ Гулевичъ приходится ей двоюроднымъ братомъ. Смущаетъ Ганнусю лишь то, что ея женихъ православный, а въ кляшторѣ бригитокъ ей внушали: если католичка выйдетъ за „схизматика“, то по смерти душа ея навѣки застрянетъ въ чистилищѣ. Тетка увѣряетъ, что монахини нарочно говорили ей такъ, по наущенію бискупа-суффрагана, чтобъ легче было склонить ее выйти за этого толстаго и рыжаго Линевскаго, котораго ксендзъ-бискупъ выбралъ ей въ женихи, а что отцы іезуиты совѣтуютъ даже католичкамъ выбирать мужей между знатными схизматиками, чтобы впослѣдствіи и ихъ склонить къ св. вѣрѣ.

Можетъ быть, тетка и права: она вѣдь сама добрая католичка, хотя родомъ русинка, изъ схизматицкой семьи. Вотъ и п. Константинъ—тоже русинъ; но это ни мало не смущаетъ Ганнусю: она лучше говоритъ по-русски, нежели по-польски, и любитъ все русское; не даромъ говорятъ, что ея мать была русинка (сама она очень мало помнитъ ее). И теперь, убаюкивая маленькаго Михайлика, она напѣваетъ пѣсню, которую пѣли и надъ ея колыбелью:

Ой ты, котко, не ходы,
Спыть дытына, не збуды...

и думаетъ: былъ ли бы доволенъ ея женихъ, когда бы слышалъ, что она поетъ поетъ русскую пѣсню? Еще подумалъ бы, пожалуй, что это дѣлается нарочно ему въ угоду; а она право же не знаетъ другихъ пѣсенъ, кромѣ русскихъ (дядя называетъ ихъ „хлопскими"). Не пѣть же ей надъ ребенкомъ костельныя пѣсни, которымъ научили ее у бригитокъ!

Ганнуся такъ углубилась въ свои думы, что и не слышала, о чемъ говорили дядя съ теткой. Ее вдругъ поразилъ необыкновенно скорбный тонъ, какимъ послѣдняя произнесла:

— Ты хорошо сдѣлалъ, милый, что отложилъ поѣздку къ князю-воеводѣ. О побудь со мною! Мнѣ такъ страшно безъ тебя!

— Да хранитъ тебя Езусъ и Марія!—воскликнулъ встревоженный п. Станишевскій, схватывая руку жены.—Что же пугаетъ тебя, моя ласточка?

— Не знаю. Я видѣла дурной сонъ. Мнѣ снилось, будто мы выдавали замужъ Ганнусю, и въ домѣ у насъ было много гостей. Ты вышелъ въ свѣтлицу, чтобъ поблагословить молодыхъ. Я иду за тобой... И вдругъ, откуда ни возьмись, огромный черный медвѣдь съ разинутой пастью бросается на тебя... Я хочу крикнуть—и не могу. Хватаю тебя за руки... но вдругъ свѣтлицу заливаетъ море крови, и я чувствую, что захлебываюсь въ ней и тону вмѣстѣ съ тобой... О милый! я и теперь дрожу, будто все еще вижу страшную пасть звѣря...—и молодая женщина съ рыданіемъ припала къ плечу мужа.

Петръ Станишевскій замѣтно поблѣднѣлъ: его также съ самаго утра терзали мрачныя предчувствія, подъ впечатлѣніемъ которыхъ онъ рѣшился даже отложить условленную раньше поѣздку къ князю Сангушку. Зловѣщій сонъ жены показался ему недобрымъ предзнаменованіемъ, и ощущеніе ужаса закралось въ его сердце. Призвавъ на помощь всю силу самообладанія, онъ разсмѣялся какъ то ненатурально и по возможности спокойнымъ тономъ отвѣтилъ женѣ:

— Успокойся, милая! Въ твоемъ снѣ я вижу для себя не болѣе, какъ доброе предостереженіе, которымъ постараюсь воспользоваться. Видишь ли, я хотѣлъ сегодня поразвлечься немного охотой: мнѣ доложили, что въ нашемъ лѣсу отыскали берлогу

медвѣдя. Очень вѣроятно, что тамъ ждетъ меня большая опасность, отъ которой Богу угодно предостеречь меня твоимъ сномъ. Не бойся, милая, я приму мѣры, чтобы онъ не исполнился, и останусь дома. Надѣюсь, что съ тобой я внѣ всякой опасности.

— Да, да! останься здѣсь со мною. И знаешь ли, я возьму тебя вотъ такъ за руку и весь день не отпущу отъ себя ни на шагъ,—смѣясь сквозь слезы, сказала нѣсколько успокоенная пани Станишевская.

— Дѣлай со мною, что хочешь, подъ защитою твоей любви я чувствую себя болѣе безопаснымъ, чѣмъ за стѣнами королевскаго замка—со смѣхомъ заключилъ разговоръ п. Станишевскій, цѣлуя жену.

— Знаешь ли, милая, что я думаю?—продолжалъ онъ далѣе, видимо стараясь перевести бесѣду на другую, болѣе радостную тему.—Когда Господь осчастливитъ насъ третьимъ ребенкомъ, то, если это будетъ дочка, я хочу назвать ее *Гальшкой*. Ты согласна на это, мое сердце?

— Согласна, мой коханый! Но я больше желала бы, чтобъ это былъ мальчикъ и чтобъ его звали *Петрусь*...

Интимная бесѣда супруговъ была прервана появленіемъ „пахолка", доложившаго, что на дворъ въѣхалъ какой то ксендзъ верхомъ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ слугъ.

— Вотъ ужъ именно: не въ пору гость хуже татарина!— сказалъ съ досадой Петръ Станишевскій.—Не тревожься, мой другъ!—прибавилъ онъ съ улыбкой, замѣтивъ на лицѣ жены выраженіе испуга: надѣюсь, что между медвѣдемъ и служителемъ алтаря Божія нѣтъ ничего общаго...

Вышелъ хозяинъ на „ганокъ" и не могъ удержаться отъ улыбки, при видѣ того, какъ тучная фигура гостя безпомощно барахталась на конѣ, не будучи въ силахъ высвободить ноги изъ стременъ, а слуги и не думали спѣшить на помощь господину, видимо забавляясь потѣшнымъ зрѣлищемъ.

— Чтожъ вы стоите, лайдаки!...—гаркнулъ пріѣзжій и поднялъ красное отъ гнѣва и потугъ лицо. Тутъ только Станишевскій узналъ, что ему предстоитъ принять у себя старшаго каноника и кустоша луцкаго, ксендза Францишка Гоголинскаго.

Онъ учтиво привѣтствовалъ его и съ поклономъ пригласилъ въ свѣтлицу.

Ксендзъ оказался очень милымъ гостемъ; едва переводя духъ отъ усталости, онъ такъ и сыпалъ любезностями по адресу хозяина: похвалилъ домъ, усадьбу, упомянулъ о необыкновенной будто бы древности и знатности шляхетскаго рода Станишевскихъ, похвалилъ ихъ исконную приверженность къ св. католической вѣрѣ и почтительность къ ея пастырямъ и въ заключеніе прибавилъ:

— А сегодня утромъ заѣзжалъ ко мнѣ п. Вальда, служебникъ князя воеводы, и хвалился, что князь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ видѣть вашу милость у себя въ Локачахъ. Признаюсь, я и не надѣялся уже застать дома шановнаго господаря.

— Да, я точно обѣщалъ князю быть сегодня у него, но моя жена не совсѣмъ здорова, и я вынужденъ былъ отложить это посѣщеніе на другое время.

— О, ваша милость будете всегда желаннымъ гостемъ въ Локачахъ: князь такъ любитъ и почитаетъ васъ! Сколько разъ онъ высказывалъ это своему родственнику ксендзу-суффрагану!... Кстати, разъ ужъ о немъ зашла рѣчь: ксендзъ-бискупъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать его глубокое къ вашей милости уваженіе и сообщить вамъ нѣкоторые пункты...

— Не трудитесь, велебный отче; ксендзъ-бискупъ, вѣроятно, сейчасъ лично сообщитъ ихъ: вотъ онъ и самъ жалуетъ ко мнѣ,—перебилъ хозяинъ, подходя къ окну. Красное лицо Гоголинскаго сдѣлалось багровымъ, а хозяинъ замѣтно поблѣднѣлъ и поспѣшилъ выйти на встрѣчу неожиданному гостю.

Въ дворъ въѣзжала цѣлая кавалькада и остановилась у „ганка“. Два „машталѣра“ поспѣшно бросились къ сидѣвшему верхомъ бискупу и почтительно помогли ему сойти съ лошади. Бискупъ молодцовато соскочилъ съ сѣдла и, оборотившись, увидѣлъ низко кланяющагося ему хозяина.

— Какъ! вы дома?—тономъ недовольнаго изумленія привѣтствовалъ его бискупъ. А мнѣ сказали, что вы приглашены въ Локачи, къ моему дядюшкѣ.

Станишевскій объяснилъ, почему остался дома.

— Напрасно не поѣхали—наставительно замѣтилъ бискупъ. Коли знатные люди оказываютъ вамъ высокую честь своимъ приглашеніемъ, надо пользоваться ею, а не сидѣть пришитымъ къ юбкѣ жены... Ну, какъ поживаетъ моя pupilla, панна ключниковна?

Блѣдный Станишевскій едва владѣлъ собой. Съ его устъ готова была сорваться рѣзкая отповѣдь дерзкому гостю; но въ это время изъ-за опушки лѣса выѣхала карета бискупа, окруженная драгунами каштеляна брацлавскаго, во главѣ которыхъ ѣхалъ страшный Ганнусъ, держа въ рукѣ обнаженную саблю. Закусивъ губу, хозяинъ сдержанно отвѣтилъ.

— Племянница моя, хвала Богу, здорова. Не угодно ли вашей превелебности пожаловать въ домъ? Можетъ быть, съ дороги соблаговолите откушать водочки или закусить, чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Послѣ объ этомъ. Идемъ въ покои, я хочу видѣть панну,—и бискупъ скорыми шагами направился въ домъ.

— А, и ксендзъ кустошъ здѣсь!—притворно удивился онъ при видѣ Гоголинскаго.—Привѣтствую вашу милость! Чтожъ это, однако! Свѣтлица пуста? Гдѣ жъ Ганнуся?—и бискупъ рѣшительно направился къ дверямъ, ведущимъ во внутреннія комнаты.

— Прошу прощенія!—не вытерпѣлъ хозяинъ, загораживая дорогу.—Жена моя больна, при ней малыя дѣти. Племянницу я сейчасъ вышлю.

— Ну, что скажешь, ксендзъ-кустошъ?—со смѣхомъ обратился бискупъ къ Гоголинскому по уходѣ хозяина.—Не такъ трудно справиться съ паномъ Станишевскимъ, какъ тебѣ раньше казалось? Готова ли, однако, карета?

— Вотъ она въѣзжаетъ во дворъ—отвѣтилъ кустошъ. Нехорошо лишь одно, что панъ Станишевскій оказался дома: это можетъ осложнить дѣло.

— Да, лукавый надоумилъ его остаться сегодня дома! Впрочемъ, это пустяки—справимся и съ нимъ! А это что?—прибавилъ онъ, подходя къ окну.—Въѣзжаетъ панъ Ганнусъ съ своими драгунами. Да, панъ каштелянъ умно выразился: лучше

Ганнусъ съ драгунами, нежели возный съ позвами. А вотъ и панна!

Въ дверяхъ показался Петръ Станишевскій, ведя за руку дрожавшую отъ страха дѣвушку.

— Здравствуй, дитя мое! Какъ твое здоровье? Ты такъ блѣдна! Что же ты смутилась? Или не узнаешь меня? Я—твой опекунъ и къ тому бискупъ; перестань же пугаться меня, Ганнусю... А, я догадываюсь, кто здѣсь причина смущенія бѣдной моей дѣвочки—дядя! Панъ господарь, прошу васъ оставить насъ на минуту: мнѣ нужно поговорить съ нею наединѣ; а безъ васъ навѣрное уже скучаетъ ваша больная супруга. До свиданія!—и движеніемъ руки бискупъ указалъ Станишевскому дверь.

Тотъ блеснулъ глазами и безсознательно схватился за эфесъ сабли; но, взглянувъ случайно въ окно, онъ увидѣлъ драгунъ, окружившихъ домъ, и благоразуміе одержало въ немъ верхъ надъ природной горячностью. Послѣ минутнаго колебанія онъ молча вышелъ изъ комнаты, чтобы успокоить жену и собрать своихъ людей.

Между тѣмъ ксендзы усадили между собою едва помнившую себя отъ страха дѣвушку и принялись убѣждать ее довѣриться во всемъ бискупу, какъ ея законному опекуну.

— Помни, дитя мое — наставлялъ послѣдній — что твой отецъ, умирая, со слезами просилъ и даже заклиналъ меня вѣчнымъ спасеніемъ взять тебя на свое попеченіе. Я исполнилъ свой долгъ, но не до конца. Я помѣстилъ тебя въ монастырь бригитокъ, гдѣ ты имѣла возможность получить приличное твоему званію, истинно-христіанское воспитаніе, и не моя въ томъ вина, что твой дядюшка, изъ своекорыстныхъ видовъ, вырвалъ тебя оттуда прежде времени. Теперь ты невѣста, и мой долгъ до конца исполнить священную волю твоего родителя, т. е. пріискать для тебя приличную партію.

— Ахъ, я еще не хочу замужъ!—перебила его Ганнуся, вспомнивъ со страхомъ рыжеусаго п. Линевскаго.—Мнѣ и такъ хорошо у дяди и тети...

— Какъ это „не хочу замужъ?“—разомъ набросились на нее ксендзы.—Бракъ —это первая обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ

истинное счастіе женщины-христіанки. Такъ повелѣваетъ мыслить слово Божіе.

— Слушай же, глупенькая!—продолжалъ ксендзъ-бискупъ, видимо начинавшій терять терпѣніе: я уже позаботился о твоей судьбѣ и пріискалъ тебѣ въ мужья человѣка знатнаго, родовитаго и богатаго; съ нимъ ты будешь счастлива. Это — сынъ луцкаго судьи п. Линéвскій. Нравится ли тебѣ мой выборъ?

— Не хочу, не хочу за него! Не лежитъ къ нему мое сердце!—вскричала дѣвушка, дрожа отъ ужаса.

— Не лежитъ твое сердце?—сурово протянулъ бискупъ. При чемъ же здѣсь сердце? Развѣ такъ должна отвѣчать честная дѣвушка-христіанка? Твое сердце всецѣло должно принадлежать Богу и Его святому закону, а не прилѣпляться къ людямъ. Такъ вотъ зачѣмъ вырвалъ тебя милый дядюшка изъ кляштора— чтобы вскормить еретическими бреднями? Не о сердцѣ идетъ рѣчь, а о послушаніи. Кайся, несчастная заблудшая овца, и съ покорностью внимай рѣшенію твоей судьбы: карета моя наготовѣ; я отвезу тебя сейчасъ въ кляшторъ бригитокъ—и ты не выйдешь оттуда иначе, какъ женой п. Линевскаго!

Какъ ужаленная, вскочила Ганнуся съ мѣста и хотѣла убѣжать во внутреннія комнаты. Ее, однако, успѣлъ схватить за руку ксендзъ Гоголинскій, а за другую бискупъ, и потащили къ выходнымъ дверямъ. На крикъ дѣвушки прибѣжалъ взволнованный п. Станишевскій.

— Что вы дѣлаете, святые отцы? Опомнитесь! Вѣдь это насиліе! Я не позволю позорить мой шляхетскій домъ!—и онъ изо всей силы оттолкнулъ въ сторону тучнаго ксендза-кустоша и вырвалъ у него руку дѣвушки.

Какъ разъяренный тигръ подскочилъ къ Станишевскому бискупъ и съ крикомъ: „Бей, кто цнотливы!“ нанесъ ему ударъ по лицу. Въ ту же минуту ксендзъ-кустошъ сильнымъ ударомъ въ затылокъ свалилъ его съ ногъ. На крикъ бискупа вбѣжало нѣсколько человѣкъ его слугъ и козаковъ п. Стемпковскаго и принялись бить Станишевскаго чеканами. Обливаясь кровью, онъ судорожно вцѣпился въ племянницу и, какъ ни били его по рукамъ, не хотѣлъ выпустить ее. Тутъ вбѣжала челядь хозяй-

ская—кто съ кіемъ, кто съ рогатиной, а поваръ съ ножемъ. Завязалась свалка—и рогатина едва не угодила бискупу въ животъ. Эта опасность окончательно лишила его разсудка: быстро разстегнувъ на себѣ сутану, онъ выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и съ крикомъ: „такъ пусть же льется кровь, коли нáчала!"—разсѣкъ имъ черепъ п. Станишевскому. „Бый—забый, хто цнотливый!" неистово оралъ онъ, потрясая окровавленнымъ клинкомъ. Вбѣжалъ, наконецъ, страшный Ганнусъ съ драгунами и, не замѣчая, что его содѣйствіе не нужно болѣе, ткнулъ рапиромъ въ високъ Станишевскаго и раскроилъ ему голову до затылка. Несчастный не издалъ даже звука, такъ какъ еще послѣ перваго удара у него отнялся языкъ. Бискупъ, какъ будто понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. „Кто цнотливый, перерѣжь горло паннѣ!"—вдругъ скомандовалъ онъ въ умоизступленіи... Но въ эту минуту на порогъ показалась жена Станишевскаго съ годовымъ ребенкомъ на рукахъ и трехлѣтнею дѣвочкою, вцѣпившеюся въ подолъ ея платья. Съ нечеловѣческимъ воплемъ упала она на окровавленнаго мужа, какъ бы желая укрыть его отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ ударовъ. Эта потрясающая сцена на минуту ошеломила самихъ палачей. „Уберите ее отсюда!" командовалъ бискупъ; но никто не спѣшилъ исполнить его приказаніе. Тогда онъ самъ подбѣжалъ къ несчастной, ударилъ ее ногою по головѣ, сбилъ съ нея шапку и, схвативъ за волосы, старался оттащить въ сторону, а челядь била ее чеканами и рвала на ней платье. Въ это время изъ сосѣдней комнаты кто-то выстрѣлилъ и ранилъ слугу бискупа. Драгуны отвѣтили ружейнымъ залпомъ. Заслыша выстрѣлы, стоявшіе вокругъ дома козаки и гайдуки Стемпковскаго начали стрѣлять въ окна. Зазвенѣли стекла, пули градомъ сыпались въ кафельную печь, комната наполнилась дымомъ и противники перестали различать другъ-друга.

— „Довольно! выходи на дворъ!"—скомандовалъ Ганнусъ своему отряду.

— „А гдѣ же панна? Ищите панну!"—метался бискупъ.

Но панны и слѣдъ простылъ; пользуясь суматохой, она незамѣтно проскользнула въ сосѣднюю комнату и словно канула

въ воду. Ксендзы метались, какъ угорѣлые. Перерыли весь домъ и дворъ, разграбили при этомъ не мало добра—но панны не нашли.

Между тѣмъ начинало смеркаться. Ганнусъ нашелъ, что ему здѣсь нечего больше дѣлать и, собравъ свою команду, выступилъ въ сосѣднее село Гнидаву, гдѣ находился въ то время его принципалъ Стемпковскій въ ожиданіи привоза невѣсты, чтобы везти ее тотчасъ въ Несвичъ и на другой день обвѣнчать съ Линевскимъ. Туда же уѣхали и бискупъ съ кустошемъ въ той самой каретѣ, которая предназначалась для Ганнуси. Панъ судья Линевскій, находившійся неподалеку въ с. Забороле, какъ ближайшемъ наблюдательномъ пунктѣ, узнавъ о томъ, что произошло въ Омеляникѣ, поспѣшилъ уѣхать домой, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность отречься отъ всякаго, хотя бы косвеннаго, участія въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Сошлись изъ деревни крестьяне на панскій дворъ—и ахнули при видѣ того, что оставили послѣ себя превелебные гости! Среди свѣтлицы, въ лужѣ крови, лежалъ ихъ панъ съ едва примѣтными признаками жизни, а на немъ избитая, „ошарпанная“, полумертвая пани; возлѣ нихъ пищали полузатоптанныя дѣти, а по угламъ комнаты и въ сѣняхъ стонали раненые слуги. Съ плачемъ и громкими причитаніями женщины принялись оказывать всѣмъ пострадавшимъ первую помощь. Тотчасъ послали въ городъ за „цeруликомъ“ (фельдшеромъ) и дали знать о случившемся панской роднѣ. Вспомнили и о Ганнусѣ. Одинъ изъ раненыхъ челядинцевъ видѣлъ, какъ она убѣгала черезъ пекарню въ огородъ. Долго искали ее тамъ и наконецъ нашли—въ „пашеной“ ямѣ, куда прятали хлѣбъ на зиму. Несчастная дѣвушка впослѣдствіи и сама не могла припомнить, какъ она попала въ это опасное мѣсто, откуда нельзя вылѣзть безъ посторонней помощи. Ее вынули совершенно окоченѣвшею отъ холода, и едва къ утру удалось привести ее въ чувство.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

Авторъ печатаемыхъ ниже воспоминаній лучшую пору своей жизни провелъ внѣ Россіи. Послѣ неудачнаго исхода польскаго движенія 1831 года, Чайковскій состоялъ въ роли политическаго агента при извѣстномъ дѣятелѣ эмиграціи кн. Адамѣ Чарторыйскомъ, но всѣ усилія его оказывались безплодными; перспектива вѣчнаго скитанія, безъ всякой опоры среди окружающихъ, была печальна неизмѣримо, и возможность встрѣтить въ Турціи почву для сколько нибудь опредѣленной дѣятельности казалась заманчивою для нѣкоторыхъ эмигрантовъ. Турецкое правительство не прочь было воспользоваться этой силой для своихъ политическихъ цѣлей, но не больше. О какомъ либо прямомъ содѣйствіи цѣлямъ эмигрантовъ турецкіе государственные люди, конечно, и не думали, и разсчеты, основанные на такомъ хрупкомъ фундаментѣ, оказались въ дѣйствительности только наивными. Проходя сперва различныя ступени службы въ качествѣ турецкаго гражданскаго чиновника и оффиціально принявъ мусульманство, М. Чайковскій или Мехмедъ-Садыкъ-паша былъ поставленъ во главѣ такъ наз. козацкаго полка, навербованнаго изъ представителей самыхъ разнообразныхъ славянскихъ и полуславянскихъ національностей. Вообще говоря, отряды, находившіеся подъ командой Садыкъ-паши, отправляли обыкновенную гарнизонную службу, и лишь при извѣстной путаницѣ понятій можно было считать такую дѣятельность полез-

ной общеславянскому дѣлу. Какъ бы ни былъ расшатанъ турецкій государственный строй, но онъ былъ достаточно проченъ, чтобы переработать въ своихъ цѣляхъ организованные такимъ образомъ чужеродные элементы—или выбросить ихъ за бортъ, какъ и случилось въ дѣйствительности. Что переработка сдѣлала большіе успѣхи—въ значительной степени подтверждается личнымъ примѣромъ Садыкъ-паши. Весьма нерѣдко и самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявлялъ покойный печатно, что онъ былъ вѣрнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ предначертаній, исходившихъ изъ Стамбула. Въ этомъ отношеніи турецкая служба Садыкъ-паши ничѣмъ, въ сущности, не отличалась отъ службы прочихъ турецкихъ генераловъ изъ иностранцевъ, принявшихъ мусульманство или даже независимо отъ послѣдняго условія, которому турецкое правительство никогда не придавало особеннаго значенія. Нѣкоторый подъемъ уровня военной дисциплины, объясняемый привходившими этимъ путемъ культурными вліяніями, безъ сомнѣнія могъ имѣть благопріятное значеніе, но только въ пользу того самаго порядка, при которомъ интересы славянскихъ національностей не находили правильнаго удовлетворенія.

Не лишеннымъ интереса отзвукомъ такого запутаннаго положенія дѣлъ служитъ изданная въ 1857 г. въ Парижѣ на польскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ: „Козаччина въ Турціи“ (Kozaczyzna w Turcyi, przez X. K. O. W druk. L. Martinet). Здѣсь приводятся оффиціальные документы объ организаціи козацкихъ ополченій, нѣкоторыя историческія справки о связяхъ организованныхъ въ турецкихъ предѣлахъ козацкихъ поселеній съ запорожскими козаками, странныя выдержки изъ памятниковъ мѣстнаго пѣсеннаго и музыкальнаго творчества. Отбрасывая спеціально-политическую сторону этого труда, авторъ котораго задался цѣлью возвеличить Садыкъ-пашу, нельзя не признать однако, что книга производитъ крайне смутное и тягостное впечатлѣніе. Стремленіе нѣкоторыхъ остатковъ стараго козачества въ турецкіе предѣлы имѣетъ свое естественное историческое объясненіе; обрисовать тѣ новыя условія, въ которыхъ оказалось пришлое населеніе въ Турціи, разъяснить особенности его быта и обста-

новки—задача, нерѣдко привлекавшая къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей; съ этой стороны, ничего нельзя возразить противъ попытокъ въ этомъ направленіи, съ какой бы стороны онѣ ни исходили. Но издатели помянутой книги взглянули на дѣло нѣсколько иначе — съ узко-политической точки зрѣнія. Историческій обзоръ малорусской колонизаціи въ турецкихъ предѣлахъ занимаетъ въ книгѣ второстепенное мѣсто. Стремленіе народныхъ группъ отыскать свойственныя имъ условія существованія не находитъ правильной оцѣнки въ книгѣ, которая такимъ образомъ имѣетъ цѣну обыкновеннаго политическаго памфлета, т. е. цѣну весьма относительнаго достоинства.

Такъ какъ связанные съ указаннымъ явленіемъ вопросы далеко еще не выяснены надлежаще, то казалось, что всякій новый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ самостоятельный интересъ, независимо отъ спеціальнаго освѣщенія его съ точки зрѣнія опредѣленной политической партіи. Соображеніе это побуждаетъ редакцію дать мѣсто на страницахъ „Кіев. Старины“ воспоминаніямъ заслуженнаго турецкаго дѣятеля, принимавшаго близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ сопредѣленныхъ съ нашимъ отечествомъ славянскихъ областей Турціи. Факты личной дѣятельности покойнаго Садыкъ-паши представляютъ сами по себѣ интересъ второстепенный, но по ходу разсказа выясняются обстоятельства, которыя заслуживаютъ вниманія любителей историческаго чтенія, облегчая знакомство съ событіями и лицами малоизвѣстными или и вовсе неизвѣстными.

Квартируя съ своими отрядами главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи, Садыкъ-паша, естественно, становился иногда въ самыя непримиримыя коллизіи съ своимъ славянскимъ призваніемъ, на которомъ онъ настаиваетъ неизмѣнно. Самая теорія его о роли козачества, какъ основной формирующей и организующей силы славянскаго племени, имѣетъ значеніе развѣ въ смыслѣ оправданія личной непослѣдовательности поведенія автора и неясности конечныхъ цѣлей дѣятельности. Какъ одно изъ своеобразныхъ теченій мысли, выбитой изъ логической колеи, теорія эта тѣмъ не менѣе представляетъ свой интересъ въ смыслѣ историческаго изученія. Небезъизвѣстно, что

факты суровой дѣйствительности возникаютъ не въ силу теорій, а, наоборотъ, послѣднія обыкновенно примыкаютъ къ фактамъ, почерпая изъ нихъ матеріалъ для спекулятивныхъ построеній. Быть можетъ, никогда еще не возникало построеній столь произвольныхъ и смутныхъ, какъ теорія, которую развивалъ покойный турецкій военачальникъ. Между тѣмъ, теорія имѣла притязаніе опереться на историческихъ посылкахъ. Здѣсь будетъ у мѣста обратить вниманіе на то обстоятельство, что для правильной постановки этихъ посылокъ требовалось бы подробное историческое изученіе, а такого изученія именно не доставало покойному Садыкъ-пашѣ. Его экскурсіи въ область польско-русской исторіи до такой степени элементарно-неумѣлы и произвольны въ самыхъ основаніяхъ своихъ, что представляется излишнимъ каждый разъ возстановлять истинной смыслъ и характеръ историческаго явленія, на которое ссылается авторъ. Посвятивъ свои силы, въ качествѣ литератора, главнымъ образомъ беллетристикѣ, Садыкъ-паша считалъ себя не слишкомъ связаннымъ требованіями историческаго безпристрастія, и беллетристическую манеру свою перенесъ на обсужденіе вопросовъ чисто-историческихъ и культурныхъ. Здѣсь не мѣсто входить въ ближайшую оцѣнку беллетристическихъ работъ покойнаго. Принадлежность ихъ къ т. наз. украинской школѣ въ польской литературѣ, т. е. къ циклу работъ, связанныхъ съ именами Мальчевскаго, Іосифа Залѣсскаго, Северина Гощинскаго и др. польскихъ литераторовъ, не можетъ быть установлена на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ. По выраженію одного изъ историковъ литературы, Чайковскій въ своихъ украинско-польскихъ повѣстяхъ „опошлилъ“ козачество Украины и ея преданія, и такой суровый приговоръ едва ли можно оспаривать безусловно. Лишь незначительная часть повѣстей и разсказовъ покойнаго переведена на русскій языкъ, а что переведено, то забыто навѣки. Поэтому, быть можетъ, будетъ умѣстнѣе не возвращаться къ этому вопросу. Въ посмертныхъ запискахъ покойнаго имѣется богатый матеріалъ для объясненія характера его литературныхъ работъ.

Къ концу 1870 г. служебныя обстоятельства Садыкъ-паши сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ, онъ долженъ

былъ выйти въ отставку, а въ декабрѣ 1872 года возвратился, съ разрѣшенія властей, въ Россію. Быть можетъ, многимъ еще памятна его политическая исповѣдь (напеч. въ газ. „Кіевлянинъ“ за 1873 г., № 4), имѣвшая цѣлью объяснить поворотъ во взглядахъ, который казался нѣсколько неожиданнымъ для многихъ его соратниковъ и друзей. Полемика, завязавшаяся у Чайковскаго съ заграничной прессой въ связи съ тѣмъ же вопросомъ, кромѣ общей принципіальной основы своей, имѣла цѣлью выяснить также и нѣкоторые факты личной дѣятельности его въ Турціи въ качествѣ генерала и человѣка, близкаго къ эмигрантамъ по своимъ стремленіямъ. Нѣкоторыя выдержки изъ этой полемической переписки были напечатаны въ газ. „Кіевлянинъ“ 1873 г. (№№ 134—136). Въ той же газетѣ Чайковскій помѣстилъ небольшую повѣсть „Съ устьевъ Дуная“ („Кіевл.“ 1873 г. №№ 9—27). Кромѣ того, въ „Рус. Вѣстникѣ“ за 1873 г. была напечатана большая повѣсть его „Болгарія“ (№№ 6—11). Повидимому, покойный намѣренъ былъ остаться на жительствѣ въ Кіевѣ и продолжать литературную дѣятельность въ духѣ своей политической исповѣди, но обстоятельства сложились неблагопріятно для литературной работы сколько нибудь замѣтной и вліятельной. Въ уединеніи черниговской деревни покойный собралъ свои воспоминанія съ самаго ранняго дѣтства и вплоть до окончанія служебной карьеры въ Турціи, постарался разсказать свою жизнь въ связной формѣ и вмѣстѣ съ этимъ выяснить обстоятельства и характеризовать лицъ, среди которыхъ ему приходилось вращаться. Въ извѣстной степени, автобіографія Чайковскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его profession de foi, и его самооправданіе. Огромный рукописный трудъ покойнаго нерѣдко затрогиваетъ лица и событія, характеристика которыхъ не входитъ въ задачи журнала. Поэтому, извлеченъ былъ главнымъ образомъ матеріалъ, имѣющій значеніе для историческаго изданія. Воспоминанія изъ дней юности, повидимому, утратили въ умѣ покойнаго свою первоначальную свѣжесть, и пробѣлы памяти иногда пополняются поэтому нѣсколько поспѣшно, но самыя ошибки эти представляютъ нѣкоторый интересъ для характеристики настроенія

писателя, жизнь котораго сложилась столь необычнымъ образомъ.

Отдѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ существенное отъ случайнаго, навѣяннаго настроеніемъ и предвзятой доктриной, весьма нетрудно; поэтому записки печатаются въ неизмѣненномъ видѣ, за исключеніемъ необходимыхъ выпусковъ.

Вопросу о такъ называемомъ козакофильствѣ и роли М. Чайковскаго въ этомъ движеніи была посвящена особая статья въ „Кіевской Старинѣ", выходившей въ то время подъ редакціей покойнаго Ѳ. Г. Лебединцева („Кіевская Старина" 1886 г. № 4, стр. 763—777—изложеніе статьи Фр. Равиты въ №№ 7 и 8 польскаго журнала „Нед. Обозрѣніе" за 1886 г.).

I.

Мое рожденіе и воспитаніе.—Отецъ моей матери.—Хроника Брюховецкаго.—Моя мать.—Учебное заведеніе Вольсея.—Учителя; ихъ политическій сеймъ.

Я родился въ селѣ Гальчинцѣ, волынской губ. житомирскаго уѣзда, въ кодненскомъ приходѣ, въ 13 верстахъ отъ Бердичева, этого торговаго Іерусалима израиля, въ приднѣпровской Руси, въ 9 верстахъ отъ „святой" Кодни, гдѣ карали гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка мечемъ, коломъ и висѣлицей во славу короля польскаго и Рѣчи Посполитой. Такой страхъ былъ наведенъ тогда на украинскій людъ, что до сего дня этотъ людъ, произнося угрозу или проклятіе, повторяетъ: „щобъ тебе свята Кодня не мынула!".

Отецъ мой, Станиславъ Чайковскій, былъ почетнымъ городничимъ кіевскимъ, старостой даничевскимъ, подкоморіемъ житомирскимъ и посломъ на сеймъ 3 мая отъ воеводства кіевскаго. Мать моя была дочь Михаила Гленбоцкаго, войскаго овручскаго и маршалка того же повѣта, и Елены, урожденной Брюховецкой, отъ ея второго брака. Она была внучкой извѣстнаго запорожскаго атамана Ивана Брюховецкаго, который послѣ сорока четырехъ походовъ на Крымъ, Молдавію, московское государство и Польшу, всегда побѣдоносныхъ и ознаменованныхъ убійствами

и пожарами, умеръ отъ горя и гнѣва, что долженъ былъ вернуться отъ Перекопа, сжегши только три города и десятка три селъ и взявши въ ясыръ лишь около трехъ тысячъ татаръ. Онъ не дошелъ до Сѣчи, сердце его разорвалось отъ боли и онъ скончался въ пустынной степи. Козаки насыпали надъ его тѣломъ высокую могилу.

Послѣ него моей матери досталось въ наслѣдство семь огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ, исписанныхъ имъ собственноручно прозой и стихами по польски, по русски и по латыни. То была странная мозаика разсказовъ, сентенцій, сужденій, рецептовъ, правилъ, исполненныхъ остроумія и мудрости, очень любопытныхъ. Когда я научился азбукѣ и читалъ уже по печатному, я любилъ разбирать по складамъ, а потомъ и читать въ такихъ родовыхъ хроникахъ эти драгоцѣнныя писанья. Это было вторымъ Евангеліемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Отецъ моей матери, Михаилъ Гленбоцкій, былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей на Волыни и Украинѣ шляхты, занятой озорничествомъ и наѣздами. Онъ былъ грознымъ шляхтичемъ для козаковъ, гордымъ козакомъ для ляховъ и завзятымъ полякомъ для русскихъ и нѣмцевъ. Хоть человѣкъ стариннаго покроя, онъ былъ не дуракъ, умѣлъ и скопить, и пожить.

Назначенный вмѣстѣ съ региментаремъ Стемпковскимъ судить и карать гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка, имѣя въ своихъ рукахъ jus gladii (право жизни и смерти), онъ разсудилъ такъ: „если убьешь или повѣсишь человѣка, онъ не будетъ уже отрабатывать ни „панщины", ни „даровизны". Онъ поилъ токайскимъ и портвейномъ регментаря Стемпковскаго, а гайдамаковъ по десятку и по два выпускалъ на свѣтъ Божій, и отправлялъ на слободы, чтобы они каялись въ грѣхахъ, отбывая панщину во славу Божію и на пользу пана войскаго овруцкаго. Такимъ образомъ онъ населилъ шесть селъ: Солотвинъ, Гальчинецъ, Зарбинцы, Сѣмаки, Агатовку и Раскопаную Могилу.

Кодня и три села принадлежали стольнику Гленбоцкому, племяннику войскаго. Послѣ смерти первой жены, отъ которой онъ имѣлъ троихъ дѣтей: мою мать, Михаила и Фелиціана Гленбоцкихъ, войскій женился на вдовѣ племянника, имѣвшей

отъ перваго мужа двухъ дочерей: Станиславу и Анну, и прижилъ съ этой второй женой двухъ сыновей: Яна-Канта и Іосифа Гленбоцкихъ. Тогда то онъ завладѣлъ Кодненщиной, а послѣ первой жены получилъ Пархимовщину въ дальней Украинѣ, Зороковщину въ житомирскомъ повѣтѣ; отъ предковъ же онъ унаслѣдовалъ Голубовщину въ лѣсахъ овруцкихъ, и Видыборъ и Жадки въ радомысльскомъ повѣтѣ, словомъ онъ былъ, какъ говорится, *панъ на всю губу.* И вездѣ хозяйство его шло наилучшимъ образомъ.

Когда я сталъ уже одѣваться по козацки, Гленбоцкій, хотя войска Наполеона уже ушли изъ Россіи, безпрестанно собирался на войну, на помощь великому Наполеону, но самъ то онъ едва могъ двигать ногами. Русское правительство, принимая во вниманіе возрастъ, значеніе среди мѣстныхъ помѣщиковъ и состоятельность моего дѣда, а также въ виду заслугъ одного изъ моихъ дядей въ русскомъ императорскомъ войскѣ, смотрѣло сквозь пальцы на несбыточныя фантазіи стараго войскаго.

На его дворѣ было 300 вооруженныхъ конныхъ козаковъ подъ предводительствомъ усатаго атамана, по прозванію Пшеничнаго. Было у дѣда много „резидентовъ“ или личныхъ адъютантовъ, а именно: ротмистръ драгунскаго полка королевы Ядвиги панъ Дрозджевскій, панъ Игнатій Стржемецкій, придворный поэтъ панъ Кожуховскій, который писалъ стихи безъ риѳмы и безъ соблюденія размѣра, нѣсколько длинные для уразумѣнія содержанія, и русскій статскій совѣтникъ панъ Шилькнехтъ, лѣкарь-курляндецъ, который лѣчилъ пана войскаго и редактировалъ для него газетныя извѣстія о побѣдахъ Наполеона и воззваніяхъ этого богатыря къ пану войсковому овруцкому, и за это получилъ въ подарокъ хорошенькое сельцо изъ ключа, тянувшаго къ Зорокову, гдѣ проживалъ мой дѣдушка.

Людно было у пана войскаго, и все онъ собирался на войну: трубы трубили подъ окнами, козаки Пшеничнаго на украинскихъ скакунахъ гарцовали по двору, вороной конь пана войскаго, на котораго онъ никогда не садился, богато осѣдланный, ржалъ у крыльца, а самъ панъ войскій поглаживалъ пистолеты и саблю, хотѣлъ подняться, не поднялся, упалъ въ

кресло и закричалъ: „Ну, бѣда не велика. Василько! дай ромашки, завтра поѣдемъ, пускай Пшеничный велитъ завтра готовиться въ походъ, а пана совѣтника Шилькнехта попроси написать великому Наполеону отъ меня, что я мигомъ поспѣшу!“

И эти сборы, и это откладыванье похода на завтра повторялись ежедневно.

Когда мой отецъ прислалъ къ дѣдушкѣ гонца съ увѣдомленіемъ, что у него родился внукъ, панъ войскій обрадовался и воскликнулъ: „пускай его назовутъ Михаиломъ и не прибавляютъ больше ни одного имени, пускай Архангелъ будетъ его хранителемъ и никто другой, такъ будетъ хорошо!“.

Удивительный человѣкъ былъ панъ Михаилъ Гленбоцкій. Гордый шляхтичъ, оригиналъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ и хозяйственный умъ, и сердце, любилъ Польшу, но по своему, и когда гордость овладѣвала имъ, все отходило на второй планъ; какъ настоящій лѣсной вепрь, онъ фыркалъ и разилъ клыкомъ направо и налѣво, куда попало, и безпрестанно повторялъ:

„Я шляхтичъ, но не нынѣшній; еще при Ягеллонахъ славны были Доливы (гербъ Гленбоцкихъ); когда имъ не хватило мѣста, они пошли козаковать на Днѣпръ и за пороги. Гленбоцкій заложилъ Глубокое, и полкъ глубоцкій былъ такъ же славенъ, какъ полтавскій, нѣжинскій. Когда Мазепа наварилъ пива, Гленбоцкіе пили его до дна вмѣстѣ съ Войнаровскими, Киселевскими, Городинскими. То были Гленбоцкіе, а не кто другой!

Такъ онъ настраивалъ себя, ворча подъ носъ, а потомъ кричалъ по своему обыкновенію.

Генералъ Корженевскій, въ то время бригадиръ литовской народной кавалеріи, владѣлецъ трехъ городовъ и нѣсколькихъ десятковъ селъ, добивался руки моей тетки Станиславы Гленбоцкой. Такъ какъ войскій слышалъ, что бригадиръ былъ противникомъ барской конфедераціи и имѣлъ сношенія съ гетманомъ Браницкимъ, то не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ. Дѣвушка, съ согласія и вѣдома матери и братьевъ, убѣжала; послѣ вѣнца молодые пріѣхали и пали въ ноги войскому. Войскій схватилъ

палку и до тѣхъ поръ билъ лежавшаго бригадира, пока палка не сломалась. Тотчасъ однако далъ за дочерью Кодню, сдѣлалъ пышное приданое, не жалѣлъ денегъ, но до смерти не хотѣлъ видѣть этихъ супруговъ.

Таковъ то былъ мой дѣдушка, любимцемъ котораго я сталъ съ самаго рожденія. Умирая, отецъ оставилъ меня почти груднымъ ребенкомъ, а мать, молодая, одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ на Украинѣ, умная, богатая, не хотѣла вступить въ новый бракъ, хотя ея руки искали многіе. Она хотѣла выростить изъ единственнаго сына настоящаго козака. По волѣ дѣда, меня одѣли по козацки, на голову надѣли козацкую шапку, къ которой было прикрѣплено перо цапли, какъ у давнихъ гетмановъ украинскихъ и запорожскихъ.

Разъ дѣдъ пригласилъ мѣстнаго старосту, и двухъ почтенныхъ помѣщиковъ сосѣдей, въ качествѣ свидѣтелей, и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ записалъ мнѣ все свое значительное имѣніе, выдѣливъ своимъ четыремъ сыновьямъ части, которыми они владѣли, а дочерямъ то, что было уже отдано имъ въ приданое. Взявъ меня за подбородокъ, онъ сказалъ:

„По мнѣ козакъ—это и есть шляхтичъ!“ и, показывая гербовую печать отца, прочиталъ на ней девизъ: „Богъ и я со мною!“

„Видишь, ваша милость, ни на кого не надѣйся, какъ только на Бога и на себя, а Богъ тебя не оставитъ!“

Все это врѣзалось мнѣ въ память.

Это завѣщаніе мать моя, по смерти дѣда, возвратила роднымъ и на мою долю не досталось ничего, кромѣ настроенія на высокій тонъ, да козацко-шляхетскаго воспитанія, какое было мнѣ дано.

Мать моя, помимо любви и привязанности, которыя она питала къ своему единственному сыну, всѣми силами старалась сдѣлать изъ меня козака и по духу, и по плоти. Гончихъ, лошадей, соколовъ — всего было у меня въ избыткѣ. Первымъ моимъ учителемъ былъ панъ А., страстный украинецъ — козакъ, и большую часть своихъ уроковъ я бралъ, сидя на конѣ. Кромѣ этого учителя, у меня былъ старикъ дядька, по имени Левко, который разсказывалъ мнѣ сказки о знахаряхъ и чаро-

дѣяхъ, передавалъ казацкія преданія, показывалъ въ окрестностяхъ урочища, гдѣ происходили различныя битвы, и пѣлъ козацкія думки. Мать мнѣ всегда повторяла: „Не трогай чужого имущества и не вмѣшивайся въ чужія дѣла, но и не позволяй мѣшаться въ твои; совѣта слушай, но имѣй свое мнѣніе, а если что началъ дѣлать, то дѣлай, не позволяй себѣ бросать начатаго дѣла ни изъ-за трудности его, ни изъ страха; никому на навязывайся со своимъ мнѣніемъ, но никому не позволяй пренебрегать имъ; въ своей жизни будь не тростью, а дубомъ; въ сто разъ лучше позволить сломить себя, разбить въ дребезги, чѣмъ гнуться то въ ту, то въ другую сторону; предъ низшими не задирай головы, а предъ высшими не гнись въ дугу; на людскія дѣянія не смотри, а за свои отвѣчай предъ Богомъ и самимъ собою. Живи по божески.

Кромѣ меня у моихъ родителей было пять дочерей. Старшая, Маріанна, вышла замужъ за Карла Ружицкаго; Анна умерла на седьмомъ году; Пелагея, умершая на 18-мъ, была чрезвычайно красива; Катерина вышла за Іосифа Сосницкаго, надворнаго совѣтника; и Алоиза, которая, по неосторожности мамки, осталась калѣкой. Въ семьѣ мы очень любили другъ друга. Я былъ любимцемъ не только моихъ сестръ, но и всей фамиліи Чайковскихъ, а особенно Ѳеодосіи Чайковской, впослѣдствіи жены маршалка Третьяка, женщины съ горячимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ, рожденной быть женщиной — богатыремъ прежнихъ временъ; родъ Ястрембцевъ былъ для нея святыней; слава и значеніе этого рода были для нея навѣрное дороже ея личнаго счастья. Она и моя сестра Ружицкая дали мнѣ наиболѣе доказательствъ своей привязанности; моя сестра любила меня, какъ брата, а Ѳеодосія Третьякова, какъ Чайковскаго-Ястрембца.

На девятомъ году меня отдали въ школу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны 1812 г. нѣкто Вольсей, изъ знатной англійской фамиліи, въ награду за преподаваніе великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, братьямъ императора Александра I, былъ назначенъ директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Наплывъ учениковъ былъ большой и лицей пользовался отличной репутаціей, вполнѣ заслуженной. Ве-

ликороссы, поляки и украинцы различныхъ фамилій присылали своихъ дѣтей въ это заведеніе. По ничтожному поводу возникло разногласіе между княземъ Воронцовымъ, намѣстникомъ Новороссіи, и Вольсемъ; гордый англичанъ подалъ въ отставку и переселился въ Бердичевъ, гдѣ князь Матвѣй Радзивиллъ далъ ему обширный домъ съ прекраснымъ паркомъ и 300,000 злотыхъ польскихъ на устройство лицея.

Три четверти учениковъ и почти всѣ учителя перешли изъ Одессы въ Бердичевъ.

Вольсей очень любилъ разсказывать о причинѣ своего перехода и проводить параллель между кн. Воронцовымъ и кн. М. Радзивилломъ.

Обыкновенно въ Одессѣ при Вольсеѣ каждое воскресенье десять учениковъ по очереди бывали на обѣдѣ и на вечерѣ у новороссійскаго намѣстника. Однажды, по случаю прибытія гетманши Браницкой, кн. Воронцовъ прислалъ къ Вольсею адъютанта, скорѣе, вѣроятно, съ просьбой, чѣмъ съ приказаніемъ, чтобы въ числѣ 10 учениковъ находился и молодой Воронцовъ. Вольсей отвѣтилъ, что за лѣность молодой Воронцовъ не пойдетъ на вечеръ. Адъютантъ явился вторично, но уже съ прика-казаніемъ, чтобы молодой Воронцовъ былъ на вечерѣ. Тогда Вольсей велѣлъ ему вывернуть мундиръ подкладкой наружу и такъ одѣтаго привезъ самъ во дворецъ и сдалъ на руки отцу, вручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе объ отставкѣ. Ничто не могло отклонить его отъ этого шага, даже настоянія кн. Воронцова и другихъ лицъ.

Въ Бердичевѣ въ школѣ Вольсея былъ родной племянникъ князя Матвѣя, князь Францискъ Радзивиллъ. Онъ питалъ величайшее отвращеніе ко всякой наукѣ. Послѣ всевозможныхъ попытокъ и наказаній, Вольсей отослалъ его къ дядѣ съ письмомъ, гдѣ говорилъ, что было бы безсовѣстно брать деньги за такого олуха, котораго нельзя ничему научить. Князь Матвѣй оставилъ племянника у себя, а Вольсею послалъ новую запись на 50,000 злотыхъ польскихъ, долженствовавшихъ служить вѣчнымъ фундушемъ для воспитанія двухъ Ржевускихъ, разысканіе которыхъ между бѣдными Ржевускими возлагалъ на Вольсея, говоря, что

старая польская пословица гласитъ: „никто еще не видѣлъ умнаго Радзивилла такъ же, какъ никому не случалось встрѣтить глупаго Ржевускаго“, поэтому, если Радзивиллы не хотятъ учиться, а имѣютъ деньги, то пусть платятъ, а Ржевускіе пусть учатся, потому что Польшѣ нужны умные люди.

Заведеніе Вольсея было совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ, какія существовали въ краѣ и какія мнѣ приходилось встрѣчать въ моихъ путешествіяхъ по чужимъ странамъ.

Въ основаніи его лежали военные порядки въ полномъ смыслѣ этого слова. Приходящихъ не было, были только одни интерны. Въ училищѣ было шесть классовъ; каждый классъ отличался отъ другихъ выпушками различныхъ цвѣтовъ на гранатовомъ мундирѣ уланскаго покроя. Въ первомъ классѣ воротникъ, обшлага, лампасы и выпушки были ярко зеленые, во 2-мъ — свѣтло-голубые, въ 3-мъ — желтые, въ 4-мъ — бѣлые, въ 5-мъ—пунсовые, въ 6-мъ—малиновые. У всѣхъ были пики со значками и деревянные палаши. Воспитанники по очереди исполняли обязанности унтеръ-офицеровъ, а въ каждомъ классѣ былъ инспекторъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности офицера.

Ночью, по очереди, отбывали караулы въ разныхъ мѣстахъ у воротъ. Обходы и патрули ходили по огромному дубовому парку, чтобы воспитанники привыкали къ службѣ и отвагѣ.

Обязательно учили обращаться съ оружіемъ и ѣздить на конѣ. Кто хотѣлъ, могъ держать своего коня, а у кого коня не было, тотъ ѣздилъ на лошадяхъ заведенія.

Въ каждой комнатѣ жило по десяти учениковъ, и къ нимъ былъ приставленъ особый инспекторъ; по очереди каждый ученикъ въ комнатѣ былъ служителемъ; на немъ лежала обязанность заботиться о чистотѣ комнаты и самихъ учениковъ; каждый ученикъ долженъ былъ самъ стлать постель и держать въ порядкѣ свои вещи; служителя должны были только чистить сапоги и одежду и приготовлять воду для умыванья.

Одѣвшись, всѣ выходили въ большую залу, а въ хорошіе и теплые дни на крыльцо въ садъ, гдѣ за столами съ приборами для кофе и чаю сидѣла г-жа Вольсей и другія по-

чтенныя дамы, которыхъ въ заведеніи было нѣсколько, и наливали кто чего хотѣлъ, кофе или чаю. Съ учениками обходились какъ со взрослыми людьми. Если кто чѣмъ нибудь злоупотреблялъ или велъ себя неприлично, то его не наказывали тотчасъ, а инспектора зорко слѣдили за нимъ и все, что замѣчали, тотчасъ записывали въ книжечки и вносили въ рапорты.

Послѣ чаю шли учиться.

Въ десятомъ часу утра былъ завтракъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, отлично приготовленныхъ. Было шесть большихъ столовъ. За однимъ предсѣдательствовалъ самъ Вольсей, за другимъ—г-жа Вольсей, за прочими—наиболѣе уважаемые профессора. Передъ завтракомъ всѣ служащіе подавали Вольсею письменные рапорты. Онъ ихъ читалъ, часто вызывалъ какого нибудь ученика изъ-за стола, осматривалъ его одежу, смотрѣлъ, вымыты ли у него уши и руки. Приходили съ рапортами учителя и инспектора. Передъ обѣдомъ читалось о назначенныхъ наказаніяхъ и замѣчаніяхъ или похвалахъ, кто чего заслужилъ. Послѣ обѣда—прогулка въ паркѣ или за городомъ, а послѣ прогулки — въ комнатахъ — чай, разговоры и разныя забавы.

По воскресеньямъ и праздникамъ чаще всего приходилъ пансіонъ пани Вигилиновой, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣвицъ; приходили и разные гости; была музыка, танцы. Каждый ученикъ долженъ былъ учиться танцовать и играть на какомъ нибудь инструментѣ, который самъ себѣ выбиралъ. Иногда ходили на вечера къ пани Вигилиновой и въ частные дома, нѣсколько человѣкъ по очереди. На этихъ собраніяхъ Вольсей больше всего остерегался наказывать учениковъ, но старался обходиться съ ними какъ съ людьми взрослыми, свѣтскими, а ихъ прегрѣшенія заносились въ рапорты, куда записывались успѣхи въ наукахъ, выговоры, наказанія, какія кто заслужилъ.

Тѣлесныхъ наказаній не было, но были разныя другія; о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомяну. На малую порцію, въ больницу— велятъ хворать въ видѣ наказанія; кормили тамъ овсянымъ супомъ, въ учебные часы одѣвали въ мундиръ и отправляли въ

классы, по окончаніи уроковъ опять надѣвали халатъ и колпакъ, и маршъ въ больницу! И такъ иногда держали по цѣлымъ недѣлямъ. Военные аресты, двойная служба, устраненіе отъ забавъ и прогулокъ.

По понедѣльникамъ и вторникамъ мы говорили обязательно по французски, по средамъ по русски, по четвергамъ по польски, по пятницамъ по нѣмецки, по субботамъ по латыни, въ воскресенье кто на какомъ языкѣ хотѣлъ; за нарушеніе правилъ о языкахъ полагались денежные штрафы въ пользу бѣдныхъ.

Науки проходились по программамъ, предписаннымъ коммиссіей, въ которой предсѣдательствовалъ кн. Адамъ Чарторыйскій, а однимъ изъ членовъ былъ Ѳаддей Чацкій.

Преподаватели были выборные. Между ними были: Артымовскій, впослѣдствіе профессоръ польской литературы въ петербургскомъ университетѣ и ректоръ этого университета (?), два Антоновича, одинъ математикъ, другой физикъ, Максимовичъ, которому Украина обязана сборникомъ народныхъ пѣсенъ (?), Падура, пѣвецъ козачества, Кисловскій, издатель бердичевскаго календаря босыхъ кармелитовъ, астрономъ бердичевской обсерваторіи, генералъ графъ де-Линьи, французскій эмигрантъ, Курцъ, знаменитый танцоръ изъ балета короля Станислава, и Черни, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ музыкантъ и композиторъ. Полковникъ Ободынскій давалъ уроки верховой ѣзды, какъ знатокъ искусства.

Науки преподавались такъ хорошо, что послѣ посѣщеній графа Плятера и фельдмаршала Гудовича, попечителя учебныхъ въ юго-западной Россіи Украинѣ, заведеніе Вольсея было сдѣлано губернской гимназіей и получило всѣ права съ этимъ связанныя. Я долженъ сказать, что когда я по смерти Вольсея оставилъ Бердичевъ и отправился въ межирицкій лицей ксендзовъ піаровъ, то все, что я проходилъ въ 3-мъ классѣ въ Бердичевѣ, проходилось на курсахъ въ Межиричѣ и даже въ варшавскомъ университетѣ.

Учениковъ было 180. Поляки и козаки разныхъ фамилій составляли большинство учениковъ, но было много и русскихъ, какъ напр. Козловъ, впослѣдствіе извѣстный поэтъ (?), Лавровъ,

беллетристъ, три брата Игнатьевы, Александръ, Константинъ и Сергѣй, нѣсколько братьевъ Игельстромовъ; изъ поляковъ Баневскій, Проскура, Краевскіе и мн. др.; изъ козаковъ—Иловайскіе, Дмитріевъ, Чернозубовъ, нѣсколько Орловыхъ и Денисовыхъ, Платовъ и два брата Гиреи изъ Крыма. Это была славянская мозаика, но козацкій духъ бралъ верхъ и первенствовалъ потому, что преподаватели были горячими украинцами, и потому, что въ этомъ бердичевскомъ кружкѣ приготовлялись: запорожская старина, дума объ украинскихъ гетманахъ, пѣсни козацкія и малорусскія и столько иныхъ произведеній, которыя позднѣе вышли въ свѣтъ въ Харьковѣ, такъ какъ всѣ эти знаменитые люди, по смерти Вольсея, перешли въ харьковскій университетъ и были его профессорами. Они были творцами украинской школы, которая потомъ перешла за Днѣпръ и дала извѣстныхъ литераторовъ, поляковъ-украинофиловъ, и достойно вниманія, что почти всѣ эти господа были родомъ изъ окрестностей Махновки Мурованой (?) въ нынѣшнемъ бердичевскомъ уѣздѣ.

Какъ въ Бердичевѣ, такъ и въ Гальчинцѣ, куда въ каникулярное время съѣзжались эти профессора посѣтить мою мать, какъ дочь шляхтича-козака, я не разъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговоровъ. По своимъ мнѣніямъ они дѣлились на два лагеря.

Одни были за возстановленіе козачества, какъ рыцарскаго сословія, которое въ славянщинѣ должно быть тѣмъ, чѣмъ крестоносцы и меченосцы были въ Германіи, тампліеры и мальтійскіе рыцари въ странахъ латинскихъ; доказывали, что при посредствѣ козацкаго сословія можно снова облагородить польское и русское дворянство, которое уже начало забывать о воинственности, которое пересаживается съ коня въ экипажи и готовитъ себѣ плохую будущность, упадокъ; доказывали, что въ козачествѣ сила, потому что, когда послѣ пораженія подъ Берестечкомъ Богданъ Хмельницкій, этотъ обновитель Руси, не могъ найти въ ней ни жизненности, ни силы и отчаявался въ Путивлѣ, тогда Иванъ Выговскій написалъ универсалъ: „отъ Донца и низовыхъ степей по Случь и за Случь каждому быть козакомъ!“ Черезъ нѣсколько дней Богданъ имѣлъ 100,000 ко-

заковъ, готовыхъ къ бою, и шелъ подъ Бѣлую Церковь вознаграждать злую случайность Берестечка; потому что козакъ—шляхтичъ, рыцарь, а посполитство—хлопство, община, громада, чернь, сволочь!

Противники отвѣчали, что предъ Богомъ всѣ люди равны, что такъ должно быть и по человѣческому праву, припоминали какіе то порядки великаго Новгорода, древнія учрежденія стараго Кіева. Прочь со шляхетствомъ и съ козачествомъ! говорили они, мы хотимъ свободы общины и основанной на ней свободы народности! Хотимъ Руси!

Первые возражали: безъ козачества, безъ дворянства у васъ будетъ демократія Гонты и Желѣзняка, убійства, пожары и опустошенія. Вотъ ваша Русь!

Тѣ опять отвѣчали: ваше козачество—бичъ на людъ Божій.

Вынимались старыя книги: лѣтописи Нестора, новгородскія, обращались даже къ хроникѣ моего прапрадѣда Брюховецкаго. Спорили, даже ссорились, расходились и снова сходились и остановились на томъ, что сынъ вдовы Остафій, сынъ Дашка Вишневецкаго, Богданъ Ружинскій, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и Иванъ Выговскій были дѣйствительно великіе вожди козацкаго сословія, славные мужи, аристократы рыцарства не только козацкаго, но и всеславянскаго, что Богданъ Хмельницкій, въ пьяномъ видѣ (?), изъ-за личныхъ счетовъ, изъ-за вынесенныхъ обидъ, оживилъ древнюю Русь, которая, разъ добровольно пристала къ Россіи и Литвѣ, не можетъ существовать иначе, какъ подъ скипетромъ царя русскаго или короля польскаго. Тотъ надъ ней господствуетъ, кто сильнѣе и разумнѣе. Русь Хмельницкаго была накипью, которая приводила къ накипи, къ демократіи, которая перевернула столько властей, истребила столько народа въ старое время, что Мазепа нечистыми способами, потому что они были іезуитскими, хотя самъ онъ и былъ православнымъ, хотѣлъ вернуться къ аристократіи, но ему это не удалось и онъ *нашелъ выходъ*, который былъ пагубнымъ для всякой народности; что Гонта былъ явнымъ вождемъ демократіи убійствъ, пожаровъ и истребленія, стремившейся къ уравненію всего.

Наконецъ согласились, что все зло не можетъ быть исправлено ничѣмъ инымъ, какъ всеславянствомъ, столицей котораго долженъ быть старый Кіевъ; что кто будетъ владѣтъ этимъ городомъ, чьей столицей онъ станетъ, тотъ будетъ господиномъ и владыкой стомилліоннаго славянства.

Все это я усердно слушалъ и запомнилъ, какъ Отче нашъ, какъ десять заповѣдей. Съ того дня, я безпрестанно думалъ объ этомъ козацко-славянскомъ союзѣ, ночью видѣлъ его во снѣ. Вся номенклатура: козачество, аристократія, демократія, всеславянство—гвоздемъ засѣла въ моей головѣ; съ этими понятіями я росъ, не отступалъ отъ нихъ въ моей политической жизни, и на мнѣ оправдалась пословица: каковъ съ молоду, таковъ и на старость.

II.

Закрытіе лицея Вольсея.—Фельдмаршалъ Гудовичъ.—Русскіе гусары и польскіе офицеры.—Тампліеры.—Императоръ Александръ.—Графъ Уругъ.—Староста Бахтинскій.—Піары и базиліане.

Учебное заведеніе Вольсея существовало только три года. Этотъ знаменитый человѣкъ умеръ, и его заведеніе, несмотря на правительственное признаніе его гимназіей кіевской губерніи, распалось. Среди людей науки, которыми тогда изобиловала русская земля, можно было найти директора на мѣсто Вольсея, но возникли недоразумѣнія, учебнаго и политическаго характера, между графомъ Плятеромъ, визитаторомъ трехъ губерній отъ имени виленскаго университета, и фельдмаршаломъ Гудовичемъ, главнымъ попечителемъ учебныхъ заведеній въ этихъ губерніяхъ.

Графъ Плятеръ, человѣкъ просвѣщенный и ученый, но воспитанный іезуитами, приверженецъ ихъ доктрины, которая прежде всего имѣла въ виду римско-католическую церковь, единую и всеобщую, укрѣпленіе связи польской народности съ западомъ и отторженіе ея отъ востока, съ опасеніемъ смотрѣлъ на лицей, который въ полномъ смыслѣ слова тянулъ къ востоку и который, вслѣдствіе военныхъ основъ своихъ, прихо-

дился по сердцу польской шляхтѣ, бывшей въ ту пору очень воинственной и нерасположенной къ іезуитскимъ доктринамъ. Первѣйшія семейства посылали своихъ дѣтей въ лицей Вольсея. Кременецъ,—этотъ истинный свѣточъ на Волыни, дѣло князя Адама Чарторыйскаго и Ѳаддея Чацкаго,—который выпустилъ столько людей, славныхъ въ различныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, который вводилъ въ польскіе салоны французскіе обычаи и языкъ, который былъ исключительно польскимъ по своимъ стремленіямъ, безъ всякаго братанья съ прочими славянами россійской имперіи,—сталъ неспокойнымъ окомъ поглядывать на новое заведеніе, на его политическое направленіе и внутренній строй, и вліялъ на усиленіе опасеній графа Плятера, которому училище кременецкое было милѣе бердичевскаго.

Графъ Плятеръ былъ весьма ревностный католикъ, но все же его не такъ тревожило кременецкое вольтерьянство, къ которому онъ такъ привыкъ, какъ бердичевское козачество, напоминавшее ему злые часы Польши и Литвы и вѣшанье іезуитовъ, которыхъ братали съ жидами на висѣлицахъ. По смерти Вольсея онъ хотѣлъ, чтобы директоромъ былъ назначенъ католическій ксендзъ. Кн. Матвѣй Радзивиллъ отказывался отъ записи на лицей подъ управленіемъ ксендза; онъ имѣлъ большія неудовольствія съ католическимъ духовенствомъ, которое вытянуло у него большія суммы за разводъ его племянницы Юліи Радзивиллъ съ маршалкомъ Юдицкимъ и за разрѣшеніе вступить съ нею въ бракъ. Фельдмаршалъ Гудовичъ не утвердилъ ксендза и присоединилъ свой любимый лицей къ харьковскому университету.

Благодаря ревностному католицизму была сдѣлана великая ошибка. Не съумѣли воспользоваться расположеніемъ Гудовича, какъ умѣлъ пользоваться Чацкій.

Фельдмаршалъ Гудовичъ былъ истиннымъ украинскимъ козакомъ, гордый своимъ польскимъ шляхетствомъ, пожалованный за взятіе Анапы, крѣпости на чистомъ пескѣ, фельдмаршаломъ, онъ считалъ себя лучшимъ воиномъ на свѣтѣ. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но почтенный и очень любилъ козачество.

По удаленіи кн. Адама Чарторыйскаго отъ должности попечителя учебныхъ заведеній, на это мѣсто былъ назначенъ

фельдмаршалъ Гудовичъ, а Ѳаддей Чацкій попалъ подъ его начальство.

Разсказывали что когда то въ случайномъ разговорѣ, фельдмаршалъ спросилъ Чацкаго, кого онъ считаетъ первымъ изъ живущихъ теперь полководцевъ.

— Покорителя Анапы.

Фельдмаршалъ вскочилъ съ кресла и обнялъ Чацкаго.

— Вижу, справедливо, что ты первый мудрецъ въ теперешнее время.

Съ этого времени Чацкій что хотѣлъ, то и дѣлалъ, а фельдмаршалъ на все соглашался, все утверждалъ.

Одинъ изъ сыновей фельдмаршала былъ женатъ на Залѣсской, сестрѣ маршалка Северина Залѣсскаго, нашего сосѣда. Фельдмаршалъ, который давалъ банкетъ профессорамъ, уѣзжавшимъ въ Харьковъ, пригласилъ на этотъ пиръ маршалка Залѣсскаго, моего дядю Яна-Канта Гленбоцкаго, бывшаго товарищемъ по полку сыновей Гудовича, и велѣлъ, чтобы и меня привезли съ собою. Въ теченіе нѣсколькихъ дней шли великіе пиры, охоты, рыбныя ловли, танцы, пѣніе, музыка. Вся окрестная шляхта была приглашена. Была большая охота и облава съ гончими и сѣтями на волковъ. Я видѣлъ тогда, какъ старый фельдмаршалъ подходилъ къ мужикамъ, называлъ ихъ по именамъ, припоминалъ прежнія охоты, у одного выпилъ водки, у другого взялъ кусокъ запеченной солонины на пробу, хороша ли. Мальчишкамъ давалъ лакомства, садился у костра, и мужики пѣли ему украинскія думы, а мальчишки плясали передъ нимъ трепака и въ присядку, а онъ приговаривалъ: „туды-сюды", и въ этомъ былъ секретъ привязанности мужиковъ къ фельдмаршалу Гудовичу, которая доходила до обожанія. Фельдмаршальское величіе онъ оставлялъ во дворцѣ къ Чечельникѣ, а на охотѣ Гудовичъ, козакъ-шляхтичъ, братался съ народомъ.

Цѣлые три мѣсяца я оставался у матери и родственниковъ по закрытіи заведенія Вольсея, гдѣ провелъ лучшіе часы моей жизни. Пользовавшійся расположеніемъ директора, оцѣненный моими учителями, любимый товарищами, особенно козаками и русскими, которые впослѣдствіи дали мнѣ доказатель-

ства своей пріязни, горячей и постоянной, сознаюсь, что если я чему нибудь научился и что нибудь теперь знаю, то всѣмъ я обязанъ славнымъ учителямъ этой школы.

Падура, упрошенный дядей Кантомъ Гленбоцкимъ, оставался при мнѣ въ качествѣ учителя. Съ нимъ проводили мы цѣлые часы за перечитываніемъ хроники атамана Брюховецкаго. Остальное время мы охотились и ѣздили къ сосѣдямъ. Въ домѣ моей матери всегда было полно гостей и между ними очень много военныхъ, поляковъ и русскихъ. Это было въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда замѣтно было стремленіе правительства къ сближенію поляковъ и русскихъ, особенно военныхъ. Въ Бердичевѣ была главная квартира гусарской дивизіи, состоявшей изъ 4 полковъ: александрійскаго, ахтырскаго, маріампольскаго и принца Оранскаго. Это были полки, кутившіе, можетъ быть, слишкомъ по гусарски, но состоявшіе изъ офицеровъ, прекрасно воспитанныхъ и принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Россіи, Польши и Курляндіи.

Въ Ковлѣ былъ штабъ отряда польской пѣхоты, пяти конныхъ стрѣлковыхъ полковъ и четырехъ уланскихъ. Тамъ также былъ очень старательный подборъ офицеровъ, это все были люди, отличившіеся въ наполеоновскихъ войнахъ, изъ почтенныхъ семействъ и хорошаго воспитанія.

Въ Житомирѣ была главная квартира корпуснаго командира, генерала Рота, родомъ эльзасца, бывшаго до французской революціи капитаномъ королевскаго нормандскаго полка, впослѣдствіи эмигрировавшаго и вступившаго въ русскую службу. Онъ былъ хорошій генералъ, отлично воспитанный человѣкъ, но суровый и требовательный по службѣ. Поэтому къ нему была прислана третья дивизія гусаръ для исправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было ознакомить другъ съ другомъ и сблизить поляковъ и русскихъ.

Скажу нѣсколько словъ, каковы были эти гусары. Не видано было ничего красивѣе, ничего воинственнѣе, какъ гусары на коняхъ на учебномъ плацу: кивера на бекрень, ментики развѣваются вѣтромъ, кони рвутся подъ всадниками, сабли свистятъ въ воздухѣ, а земля трескалась съ шумомъ и стономъ,

когда кони ударяли по ней копытами, а гусары кричали „ура! ура!“ Первый полкъ былъ маріампольскій, темносиній съ золотомъ, на гнѣдыхъ коняхъ; командовалъ имъ полковникъ Снарскій, литвинъ, зять фельдмаршала Витгенштейна. Другой, ахтырскій, табачнаго цвѣта съ золотомъ, на караковыхъ коняхъ; имъ командовалъ богачъ полковникъ Пашковъ, который покупалъ на свои деньги лошадей для полка. Третій, александрійскій, черный съ серебромъ, на вороныхъ коняхъ, подъ командой полковника Катарджи, бессарабца, дѣятельнаго командира. Четвертый, принца Оранскаго, темносиній, доломаны красные съ серебромъ и красные кивера, на сѣрыхъ коняхъ, подъ командой барона... курляндца, потомка рыцарей-меченосцевъ; полкъ этотъ назывался полкомъ Георгіевъ на коняхъ.

Въ салонахъ гусары, вопреки стихамъ Давидова, танцовали на паркетѣ, разговаривали о Жомини, и конечно ни въ одной странѣ не было болѣе образованныхъ и свѣтскихъ офицеровъ и быть не могло.

Ихъ гусарскія штуки, при всей своей жесткости, заключали въ себѣ много забавнаго, много остроумнаго, много оригинальнаго. Душею этихъ проказъ былъ графъ Штакельбергъ, ротмистръ александрійскаго полка. Разскажу о нѣкоторыхъ.

Феликсъ Залѣсскій, маршалокъ кіевскаго повѣта, имѣлъ обыкновеніе обращать вниманіе на количество лошадей, запряженныхъ въ экипажи пріѣзжавшихъ къ нему гостей и сообразно этому количеству назначалъ гостямъ высшее или низшее мѣсто за своимъ столомъ. Графъ Штакельбергъ зналъ объ этомъ обыкновеніи. Въ день имянинъ, на которыя съѣхались важные сановники—фельдмаршалъ баронъ Сакенъ, генералъ Ротъ, губернаторъ, генералы,—когда всѣ уже были въ гостиныхъ, вдругъ услышали звонъ колокольчиковъ, а на длинной плотинѣ, ведшей ко двору маршалка, увидѣли рядъ троекъ. Впереди десять троекъ, одна за другой и на каждой только ямщикъ, за десятой тройкой ѣхалъ экипажъ, въ которомъ возсѣдалъ, развалившись, ротмистръ Штакельбергъ въ парадной формѣ. Подъѣхавши къ крыльцу, онъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ въ столовую и стремительно сѣлъ на первое мѣсто за накрытымъ столомъ, крича:

— Неуступлю своего мѣста, я добился перваго мѣста по праву и обычаю; прошу провѣрить.

Этому много смѣялись и Штакельбергъ остался на первомъ мѣстѣ.

Однажды въ нашемъ домѣ этотъ ужасный ротмистръ съѣхался съ докторомъ Шлемеромъ, чехомъ по происхожденію, извѣстнымъ въ окрестности не столько своимъ врачебнымъ искусствомъ, сколько остроуміемъ и веселымъ нравомъ. Они сидѣли за однимъ столомъ, но не были знакомы. Шлемеръ началъ разсказывать о бердичевской ярмаркѣ и о гусарскихъ проказахъ.

— Нужно вамъ знать, господа, что все творитъ этотъ бездѣльникъ Штакельбергъ; знаете его?

Штакельбергъ поправилъ усъ:

— Честь имѣю представиться, я и есть тотъ самый бездѣльникъ.

Шлемеръ спокойно сказалъ:

— Дайте стараго вина; выпьемъ за здоровье этого бездѣльника.

Выпили за его здоровье, и съ тѣхъ поръ завязалась сердечная дружба между ротмистромъ и докторомъ.

На ученьи генералъ Ротъ сказалъ Штакельбергу:

— Ротмистръ! ваша лошадь дурна.

Тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ лошадь хорошая, а только ротъ дурной.

Ротъ ничего не отвѣтилъ, но замѣтилъ это себѣ на память. Расхрабрившіеся гусары въ тотъ же самый день устроили печальный кортежъ, неся гробъ, подъ погребальнымъ покровомъ; подполковникъ Милорадовичъ предводительствовалъ процессіей; всѣ были въ полной парадной формѣ съ крепомъ на рукавахъ. Ротъ выслалъ своего адъютанта, Стенбока, узнать, чьи это похороны. Отвѣчали: „хоронимъ генерала Рота“. Ротъ велѣлъ внести гробъ въ домъ. Открываютъ, а тамъ живая свинья. Безъ выраженій гнѣва, безъ крика посадилъ онъ гусаръ подъ арестъ. Состоялся формальный судъ. Восемь офицеровъ, съ подполковникомъ Милорадовичемъ во главѣ, были присуждены къ разжалованію въ солдаты. Штакельбергъ изъ гусарскихъ ротмистровъ

былъ сдѣланъ драгунскимъ капитаномъ. Представившись генералу въ каррикатурной драгунской формѣ, онъ подалъ въ отставку и гусары успокоились, а Ротъ добился своего, сдѣлалъ изъ своевольныхъ баричей дѣльныхъ офицеровъ, потому что эта третья дивизія стала одной изъ лучшихъ кавалерійскихъ дивизій.

Говорили, что своеволіе этого рода проникло во всѣ гусарскіе полки изъ сумскаго полка, у котораго за подобныя своеволія еще въ началѣ царствованія Императора Александра I были отняты темносиніе мундиры и даны сѣрые. Но во время наполеоновскихъ войнъ этотъ полкъ такъ отличился, что получилъ всѣ награды, какія только могли быть даны, и ему опять были возвращены темносиніе мундиры.

Боуеръ, Вѣжалинъ, Нѣстоенскій, Ururгъ, Игельстромъ, Штакельбергъ, Крыжановскіе, Порадовскій, Моргулецъ—были истинными патріархами гусарства. И родъ оружія, и названіе вошли въ моду, а генералъ Давидовъ своими возвышенными и истинно народными стихотвореніями высоко поднялъ славу гусарства. Какъ же было шляхтичамъ, сынамъ высокой фантазіи, не стремиться въ гусары? И стремились. Гусары въ салонахъ волочились за барышнями такъ, что любо было, а мазурку отплясывали такъ, что душа радовалась и сердце замирало. На охотѣ они истребляли звѣриный родъ, на войнѣ были головорѣзами; къ тому же еще хорошо пили и водку и вино, но и о Жомини, и объ Окуневѣ и Броневскомъ говорили; кутили, чтобы не утратить традицій старыхъ гусаръ; читали и учились, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и усовершенствовать новаго гусара.

Иная была физіономія у офицеровъ войска польскаго. Ихъ выборъ былъ сдѣланъ цесаревичемъ Константиномъ. Блендовскій, истинный Баярдъ польскаго рыцарства, Крыжановскій, мужъ непоколебимой доблести, самый щепетильный рабъ военной чести, Маевскій, который мечталъ о Польшѣ и только ту минуту своей жизни считалъ не потерянной, которую посвящалъ работѣ на пользу Польшѣ. Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и Карлъ Ружицкій, который женился на моей старшей сестрѣ.

Всѣ эти польскіе офицеры участвовали въ наполеоновскихъ войнахъ и каждый изъ нихъ, принимая участіе въ трудахъ, пріобрѣлъ часть вполнѣ заслуженной боевой славы. Всѣ почти были люди много читавшіе, много видѣвшіе и не могли не заслужить себѣ уваженія русскихъ офицеровъ. Они сразу вступили тогда въ самыя лучшія отношенія между собой. Я не слыхалъ ни объ одномъ поединкѣ, ни объ одномъ недоразумѣніи между офицерами двухъ славянскихъ народовъ.

Когда въ эту гусарскую дивизію вступили два Муравьева, Артамонъ командиромъ ахтырскаго, а Александръ—александрійскаго полка, Пашковъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, а Лашкаревъ дивизіоннымъ, нѣмцы стали выходить изъ дивизіи, а на ихъ мѣста стали поступать русскіе. Тотчасъ же завязались болѣе тѣсныя отношенія между офицерами русскаго и польскаго войскъ и начались разсужденія о славянскомъ вопросѣ, который русскіе офицеры уже хорошо понимали и о которомъ польскіе офицеры услышали, какъ о вещи для нихъ совершенно новой, чего имъ нельзя ставить въ вину, потому что поляки, отдѣлившись добровольно отъ славянъ въ религіи и политикѣ и отдавшись, такъ сказать, въ услуженіе нѣмцамъ и латинянамъ, утвердились въ своемъ заблужденіи, а въ литературѣ или не говорили о славянахъ, или извращали истину, чтобы не выказать своего заблужеенія, и погрязали все глубже и глубже въ нѣмецкую ложь.

Собранія и разговоры чаще всего происходили у двухъ полковниковъ Муравьевыхъ, къ которымъ съѣзжались офицеры всѣхъ родовъ оружія. За польскими офицерами и помѣщики стали посѣщать и принимать въ своихъ домахъ русскихъ офицеровъ. Началось настоящее братанье, и тогда то Маевскій, капитанъ польскихъ уланъ, одинъ изъ товарищей Козетульскаго, предсѣдатель Корвицкій и два брата Муравьевы, основали общество рыцарей-тампліеровъ, которые, какъ я слышалъ тогда отъ Карла Ружицкаго, имѣли цѣлью, по словамъ русскихъ, привести славянъ къ единству, а по словамъ поляковъ—къ установленію республикъ русской и польской отдѣльно. Хотя, повидимому, они не столковались другъ съ другомъ, но приняли посвя-

щеніе въ рыцари и остались тампліерами. Тогда то въ первый разъ сказалось открыто общее отвращеніе русскихъ и поляковъ къ австрійскимъ и прусскимъ нѣмцамъ. Говорилось о вѣроломствѣ, неблагодарности и злыхъ замыслахъ нѣмцевъ. Позднѣе тампліерство привело къ обществу зеленой книги, увы! не славянской, а американской. Кто знаетъ, быть можетъ, злой духъ ввелъ туда нѣмцевъ, чтобы извратить славянскую мысль? Нѣмцы готовы на все!

Принятіе въ тампліеры и разговоры о тампліерствѣ были такъ явны, что генералъ Гижицкій, волынскій губернаторъ, былъ нѣкоторымъ образомъ того мнѣнія, что цесаревичъ Константинъ видѣлъ въ этомъ тампліерствѣ, средства чтобы сблизить русскихъ съ поляками, такъ что, когда Северинъ Залѣсскій, маршалокъ житомирскій, самъ уже тампліеръ, предлагалъ даже самому Гижицкому вступить въ общество.

Падура и младшій А., который собирался уже выѣзжать въ Харьковъ, сильно противились этому названію тампліеры. Не разъ они спорили объ этомъ съ Карломъ Ружицкимъ и капитаномъ Маевскимъ. Зачѣмъ было не называться козаками, потому что это были единственные славянскіе рыцари. Мнѣ они безпрестанно повторяли: „когда выростешь, не становись тампліеромъ, а стань козакомъ, это истинные славянскіе рыцари!“

Въ тотъ годъ императоръ Александръ I проѣзжалъ чрезъ Житомиръ и соизволилъ принять приглашеніе на балъ, даваемый мѣстными помѣщиками. Губернаторомъ былъ тогда генералъ Гижицкій, зять мѣстнаго сенатора Ильинскаго, любимца императора Павла, маршалкомъ губернскимъ былъ Винцентій Ледоховскій, мужъ моей тетки, предсѣдателемъ перваго департамента генералъ Корженевскій, мужъ моей другой тетки. Мать привезла меня на это великое торжество. Меня одѣли въ мальтійскій мундиръ, потому что, когда я былъ еще въ колыбели, для меня было куплено за 6,000 рублей ассигнаціями мальтійское кавалерство, и я былъ представленъ императору.

До 14 лѣтъ я былъ очень малъ ростомъ и худъ, и выглядѣлъ какъ настоящій вдовинъ сынъ.

Императоръ велѣлъ мнѣ влѣзть на столъ, чтобы ему можно было разговаривать съ такимъ рослымъ помѣщикомъ.

Въ это время вблизи императора, возлѣ гетманши Ржевуской, стояли три прекраснѣйшія дамы на балу: Анеля Прушинская, жена президента Прушинскаго, истинная русалка чародѣйка съ Украйны, панна Пилявская, племянница президента Домбровскаго, и пани Орловская, урожденная Ярошинская.

Императоръ велѣлъ мнѣ пригласить одну изъ этихъ дамъ на мазурку; я, не колеблясь, выбралъ пани Орловскую, признаюсь, ради ея брилліантоваго мѣсяца.

Императоръ улыбнулся и сказалъ по французски Артуру Потоцкому:

— Rien d'étonnant, les chevaliers de Malte ont un culte pour Sainte Madelaine.

Самъ государь пригласилъ пани Прушинскую, Артуръ Потоцкій панну Пилявскую. Мазурка мнѣ удалась прекрасно. За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ пани Орловской, пилъ шампанское и чувствовалъ себѣ очень хорошо.

Я не въ силалъ описать того энтузіазма, съ какимъ принимали императора Александра. Каждый полякъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, имуществомъ, всѣмъ по одному его мановенію, а польки сходили съ ума отъ любезности государя.

Генералъ Уругъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ храбрый воинъ. Въ 1810 г. онъ командовалъ волынскими уланами. Когда подъ Рущукомъ, послѣ купанья въ Дунаѣ, на обозъ напали турецкіе спаги, то онъ и его уланы вскочили въ однѣхъ рубашкахъ на неосѣдланныхъ коней и, схвативъ пики, отразили нападеніе и нанесли страшное пораженіе спагамъ. Мой дядя, Янъ-Кантъ, служилъ въ то время подъ начальствомъ Уруга. Увлеченный необузданной лошадью, которая была изъ табуна моей матери, онъ нечаянно попалъ въ толпу турецкихъ спаговъ. Перепуганные спаги кричали: „аманъ, аманъ!“ а мой дядя, знавшій нѣсколько словъ по турецки, повернулъ коня къ обозу и крикнулъ:—«бераберъ гиль»! (идите за мной), и отпустилъ повода лошади, которая привезла его къ обозу, а спаги слѣдовали за нимъ, и такъ они вступили въ обозъ. Турокъ было 36, но въ

рапортѣ гр. Урургъ велѣлъ написать 360, а когда дядя исправилъ цифру, сказалъ: „не жалѣй бусурмановъ, пиши!“ И дядя за этотъ подвигъ былъ произведенъ въ ротмистры и получилъ саблю за храбрость.

Этотъ годъ былъ у насъ очень удаченъ для бѣлыхъ польскихъ уланъ. Трое ихъ пріѣхало регментарами и всѣ трое поженились. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Ружицкій, женился на моей старшей сестрѣ, Маріаннѣ. На свадьбу сестры съѣхались всѣ родственники отца и матери. Среди всѣхъ ихъ выдѣлялся Каетанъ Чайковскій, староста бехтынскій, богачъ и скупецъ, который превосходилъ мольеровскаго скупца. Изъ за скупости онъ не женился; изъ за той же скупости въ своихъ имѣніяхъ въ роскошныхъ домахъ устроилъ на верхнихъ этажахъ амбары, а въ нижнихъ хлѣвы для телятъ; самъ онъ жилъ въ плохой хатѣ, въ такомъ лѣсистомъ и болотистомъ мѣстѣ, что туда трудно было добраться на повозкѣ. На весь домъ у него былъ одинъ слуга, Данило, который въ одно и то же время исполнялъ обязанности повара, камердинера, кучера и сторожа.

Староста бехтынскій былъ человѣкъ ученый, на древнихъ и новыхъ языкахъ говорилъ какъ по польски, много читалъ, особенно онъ любилъ предаваться историческимъ розысканіямъ и со своимъ намѣстникомъ паномъ Микульскимъ, скарбникомъ нурскимъ, постоянно диспутировалъ о происхожденіи ятвяговъ. Послѣ десятилѣтнихъ изысканій, они пришли къ тому выводу, что ятвяги были народъ кроткій, добрый, какъ всѣ славяне, потомъ въ ихъ край вторглись ляхи,—татарское племя съ Кавказа,—и съ помощью кнута стали заставлять работать и служить имъ. Грозя кнутомъ, они приговаривали: „Гей, двигайся, лѣнтяй, тунеядецъ!“ Какъ завоеватели записали на шкурѣ покоренныхъ, такъ эти послѣдніе записали себѣ въ память, а впослѣдствіи „Гей двигайся“ (Ha dzwigaj się) было передѣлано въ ятвяговъ (Hadzwingów или Iadzwingów) и такъ и осталось.

Староста бехтынскій нашелъ въ Гальчинцѣ огромную псарню, принадлежавшую мнѣ. Онъ сталъ говорить моей матери, что эта саранча много съѣдаетъ, а пользы приноситъ мало, потому что онъ часто слыхалъ отъ пана маршалка Завиши изъ Черни-

хова, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно бы его захватили, а ему еще не случалось видѣть еврея охотника.

Моя мать утверждала, что страсть къ охотѣ развиваетъ рыцарскій духъ—единственную истинно шляхетскую доблесть, что эта страсть можетъ отвлечь отъ другихъ страстей. Всѣ эти поэтическіе и козацкіе аргументы не очень то подѣйствовали на дядю. Въ это время я вошелъ въ комнату съ платкомъ, въ которомъ было 300 рублевиковъ, полученныхъ отъ бердичевскаго еврея Іоселя за шкурки заячьи, лисьи и волчьи, добытыя зимою на охотѣ. Звонкій аргументъ оказался дѣйствительнѣе. Староста сталъ меня распрашивать, а я ему обстоятельно разсказалъ, сколько каждая борзая затравитъ за зиму зайцевъ, лисицъ и волковъ. Я совсѣмъ ошеломилъ разсчетливаго дядюшку. Онъ уже не смѣялся, а серьезно и внимательно смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ обратился къ матери: „Поздравляю, вѣдь знаешь, невѣстка, изъ твоего сына выйдетъ великій экономистъ: онъ разрѣшилъ еще незатронутый до сихъ поръ вопросъ—наложилъ панщину на собакъ“.

Послѣ свадьбы моей сестры, меня отвезли въ Межиричъ Корецкій, въ волынскій лицей, которымъ завѣдывали оо. піары. Когда я пріѣхалъ, ректоромъ тамъ былъ ксендзъ Грабовскій, истинный монахъ, человѣкъ добрый и хорошо воспитанный; вице-ректоромъ былъ ксендзъ Бартошевичъ, большой охотникъ до лисицъ. Кс. Кмита былъ префектомъ лицея; сухой, увядшій, онъ скорѣе походилъ на пергаментнаго іезуита, чѣмъ на піара. Былъ тамъ также кс. Младановичъ, сынъ уманскаго губернатора (управителя) во время рѣзни; онъ былъ крестнымъ сыномъ Гонты и былъ имъ спасенъ. Теперь онъ былъ инвалидомъ монастыря и не несъ никакихъ обязанностей, а все только разсказывалъ объ уманской рѣзнѣ, объ Украинѣ, гайдамакахъ, Запорожьѣ. Онъ все помнилъ и все рисовалъ въ своихъ разсказахъ живыми красками.

Удивительная вещь—онъ не выражалъ ни ненависти, ни раздраженія противъ Гонты. Всю вину преступленія онъ приписывалъ Феликсу Потоцкому и польской шляхтѣ. Вотъ слова, которыя я часто слышалъ отъ него: „выучили его читать, писать

и понемножку всякимъ наукамъ, а потомъ хотѣли его бить, сажать въ „гусакъ“; сдѣлали его полковникомъ,—а полковникъ онъ былъ дѣльный, потому что онъ лучше зналъ военное дѣло, чѣмъ региментари, бригадиры и ротмистры,—а потомъ хотѣли его ошельмовать, какъ хама, мужика; и муравей кусаетъ, если ему досаждаютъ, а что же человѣкъ, да еще такой какъ Гонта? Паны наварили этого пива, а людъ Божій долженъ былъ его пить—и пьетъ, да никакъ не выпьетъ до дна“.

Въ лицеѣ было до 900, а порой и до 1000 человѣкъ молодежи. Я жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Подгороденскимъ, двумя Залѣсскими, съ Дмитріемъ Четвертинскимъ у кс. Заржецкаго, чуть ли не лучшаго изъ всѣхъ, потому что онъ не употреблялъ канчука и другихъ мѣръ строгости.

Кормили насъ недурно, но давали кушанья порціями, отсюда подкупы служителей, даже поваровъ, надувательство другъ друга. Какова же была эта перемѣна для насъ, вышедшихъ изъ школы Вольсея!

Свѣтскіе профессора, присланные изъ Вильны, были люди способные, свѣдущіе въ предметахъ, которые они излагали; но мнѣ не приходилось слышать ни объ одной изъ школъ губернскихъ или уѣздныхъ, бывшихъ подъ управленіемъ свѣтскихъ профессоровъ, которая снискала бы себѣ славу или выпустила знаменитыхъ учениковъ. Всѣ ученики, выходившіе изъ нихъ, оказывались посредственностями и не выдавались ни по способностямъ, ни по образованію; эти школы не дали выдающихся людей ни въ литературѣ, ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ дѣятельности на пользу родины. Эти профессора не умѣли стоять на высотѣ своего званія, являлись скорѣе правительственными чиновниками, чѣмъ наставниками молодежи. Причиной этого кажется, были порядки правительствен. учебн. заведеній того времени и недостаточно тѣсныя отношенія между профессорами и помѣщиками.

Кромѣ Кременца, который сталъ во главѣ научнаго образованія въ юго-западныхъ земляхъ русскихъ, забота о воспитаніи въ этихъ земляхъ была въ рукахъ трехъ товариществъ или обществъ.

Одни ограничивались тѣмъ, что исполняли свои служебныя обязанности, но не шли далѣе, и потому не могли сами стать на болѣе широкую точку зрѣнія. Ни одинъ зажиточный помѣщикъ не отдавалъ своихъ дѣтей въ школы, находившіяся въ завѣдываніи свѣтскихъ учителей. Эти школы наполнялись по большей части мѣщанами, и число учениковъ въ нихъ было очень ограничено.

Двѣ другія категоріи школъ—школы, находившіяся подъ управленіемъ оо. базиліанъ и оо. піаровъ—имѣли совершенно иныя отличительныя черты; совершенно свободныя отъ давленія и даже отъ надзора правительственныхъ чиновниковъ, тѣсно связанныя съ помѣщиками, въ средѣ которыхъ онѣ находили и матеріальную помощь и нравственную поддержку, школы эти группировали въ себѣ всю лучшую молодежь и имѣли возможность довести до широкихъ размѣровъ систему школьнаго образованія.

Общество оо. базиліанъ, исключительно состоявшее изъ гербовной шляхты, во главѣ котораго почти всегда стояли представители знатнѣйшихъ мѣстныхъ семействъ, уніатское, болѣе славянское, не льнуло къ западной цивилизаціи и западнымъ модамъ. Внѣшней политикѣ, которая, несмотря на всѣ толки доктринеровъ и предпринимаемыя мѣры должна налагать свою печать на воспитаніе, какъ и на всякую иную отрасль умственнаго развитія и прогресса, они слѣдовали анти-нѣмецкой, анти-латинской, чисто польской[1], постепенно и легко приближавшейся къ славянской идеѣ. На всей системѣ воспитанія у оо. базиліанъ лежала печать консерватизма, монархизма и даже аристократизма. Исторія Польши была основной наукой въ этихъ школахъ. Учили ей не по книжкѣ кс. Ваги, не по педантическому труду бискупа Нарушевича, а по рукописямъ кс. Стройновскаго, Михальскаго и иныхъ писателей, принадлежавшихъ къ славянскому монашескому ордену св. Василія, по хроникамъ, по запискамъ, учили философски, научно и поэтически, чтобы воспитать добрыхъ и разумныхъ поляковъ. Оо. базиліане не позволяли своимъ ученикамъ увлекаться космополитическими идеями и забывать о польской, но напротивъ наталкивали ихъ на эту послѣднюю, повторяя всегда козацкую поговорку, что

сорочка ближе къ тѣлу, чѣмъ свита. Въ базиліанскихъ школахъ въ Умани, Любарѣ, Овручѣ и др. считалось по 1,000 и болѣе учениковъ, принадлежавшихъ притомъ къ самымъ знатнымъ семействамъ. Школы этого ордена могутъ похвалиться Мальчевскимъ, Гощинскимъ, Богданомъ Залѣсскимъ, Ржевускимъ, Михаиломъ Грабовскимъ и даже фельдмаршаломъ Паскевичемъ, который изъ этихъ школъ вступилъ въ русское войско.

Оо. піары были, если можно такъ выразиться, орденъ демократическій, универсальный, а не чисто польскій. Науки ихъ отличались тѣмъ же духомъ; польская исторія у нихъ представляла часть исторіи всеобщей; о славянахъ знали столько же, какъ и объ афганцахъ, за то новѣйшую исторію великой Франціи, Италіи, Испаніи и друг. выдающихъ государствъ знали какъ десять заповѣдей. Вмѣсто базиліанской строгости и послушанія тамъ всегда были въ ходу протесты и прокламаціи, памфлеты въ стихахъ и въ прозѣ. Правда, кс. Жебровскій разбивалъ памфлеты на спинахъ авторовъ, протестовавшихъ и возмущавшихся сажали подъ арестъ на хлѣбъ и воду, но этимъ не искореняли подобныхъ выходокъ, а напротивъ нѣкоторымъ образомъ поощряли къ нимъ, чтобы развить самостоятельность въ жизни и независимость воли. Ученики межирическoй школы не уступали въ салонахъ ученикамъ школы кременецкой, и превосходили въ этомъ отношеніи учениковъ школъ базиліанскихъ. Ученики оо. піаровъ изъ надменныхъ поляковъ становились полированными французами, настоящими сѣверными французами. Въ нихъ не вселяли племенной ненависти ко всякому другому племени, что не мѣшало, однако, чуткости къ польской идеѣ. При каждомъ слухѣ о войнѣ ксендзы піары и учителя бросали реверенды и облекались въ артиллерійскіе и уланскіе мундиры. Такъ же поступали и ученики. Во всѣ возстанія, во всѣ войны больше всего волонтеровъ доставляли піарскія школы.

Среди помѣщиковъ большинство мужчинъ стояло за школы базиліанскія, большинство женщинъ за піарскія; правительство покровительствовало послѣднимъ, къ первымъ же относилось нѣсколько недовѣрчиво.

Попечителемъ межиричской гимназіи, а впослѣдствіи лицея былъ Іосифъ Стецкій, владѣлецъ Межирича и многихъ помѣстій на Волыни и Украинѣ, маршалокъ ровенскаго повѣта. Онъ происходилъ изъ козацкой старшины и, подобно фельдмаршалу Гудовичу, былъ человѣкъ необразованный. Онъ всегда говорилъ, что Стецкій по самой природѣ, по духу и крови, не можетъ пойти дальше второго класса, но что всѣ Стецкіе имѣютъ инстинктивныя симпатіи къ наукѣ и учащимся, и далъ доказательства этихъ симпатій, записавъ въ неприкосновенный фундушъ піарамъ большое село Гаручу и 300,000 злотыхъ польскихъ, и сверхъ того пожертвовавъ 100,000 зл. пол. на приборы для физическаго кабинета и химической лабораторіи, и 100,000 на библіотеку и географическія карты. По праздникамъ и воскресеньямъ его гостинныя были открыты для учениковъ, а самъ онъ, если не охотился, то цѣлые дни просиживалъ въ монастырѣ. Дай Богъ всѣмъ научнымъ учрежденіямъ имѣть такихъ попечителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

ГЛАВА IV.

Мѣщане.

Для ознакомленія съ нуждами, желаніями и стремленіями малороссійскихъ мѣщанъ екатерининскаго времени въ нашемъ распоряженіи находятся шесть наказовъ отъ городовъ--Глухова, Чернигова, Погара, Стародуба, Полтавы и Лубенъ, т. е., исключая Погаръ, отъ лучшихъ городовъ Малороссіи. Изъ нихъ Черниговъ, Стародубъ, Полтава и Лубны были полковыми, т. е. по сравненію съ настоящимъ дѣленіемъ городовъ — губернскими, Глуховъ же былъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, но такой случайный подборъ наказовъ по существу нисколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ нужды и желанія городовъ были общи всѣмъ безъ различія. Чтобы при изложеніи содержанія наказовъ не отвлекаться въ сторону, мы прежде всего должны сказать, что въ Малороссіи существовали города двоякаго типа: одни изъ нихъ наиболѣе старые и развитые, какъ напримѣръ, Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ, пользовались, такъ называемымъ, магдебургскимъ правомъ, на основаніи котораго жители ихъ сами управлялись и судились, другіе же города, какъ напр. Глуховъ, Лубны, Полтава и пр., не пользовались упомянутымъ правомъ и жители ихъ въ отношеніи управленія и суда находились въ вѣдомствѣ общаго вой-

---

[1]) „Кіевская Старина“. 1890, 12.

сковаго правленія, т. е. полковыхъ канцелярій или сотенныхъ правленій, смотря по мѣсту, занимаемому городомъ въ административномъ дѣленіи Малороссіи. Магдебургское право было пожаловано малорусскимъ городамъ еще польскими королями; основная черта его и самый смыслъ дарованія его городамъ заключались въ томъ, чтобы предоставить городскимъ общинамъ самоуправленіе и самосудъ и спасти ихъ отъ подавленія военнымъ сословіемъ и отъ произвола намѣстниковъ и воеводъ. Согласно этому, города, получившіе привилегіи на устройство по магдебургскому праву, ни отъ кого не зависѣли и сами себя вѣдали. Во главѣ ихъ стояло правящее учрежденіе, составлявшееся изъ выборныхъ урядниковъ—магистратъ; онъ распадался на двѣ коллегіи—административную и судебную, первая завѣдывала городскимъ имуществомъ, полиціей, торговлей и судомъ по гражданскимъ искамъ, вторая судила уголовныя преступленія. Члены коллегій были выборные, во главѣ ихъ стоялъ войтъ, избиравшійся изъ природныхъ мѣщанъ даннаго города. Магистратъ вообще составлялся изъ природныхъ мѣщанъ, но, какъ административное и судебное учрежденіе, онъ вѣдалъ всѣхъ жителей даннаго города, безъ различія сословій, лишь бы только лица изъ другихъ сословій сидѣли на мѣщанскихъ земляхъ, имѣли домъ, торгъ или ремесло. Не завися ни въ чемъ отъ другаго правленія, кромѣ магистрата, мѣщане въ привилегированныхъ городахъ должны были бы пользоваться, кажется, совокупностію всѣхъ условій, чтобы играть въ городахъ видную роль и значеніе, но наказы показываютъ, что въ дѣйствительности этого не было и мѣщане въ магистратскихъ городахъ одинаково жаловались на свое положеніе, какъ и въ не магистратскихъ. Что касается городовъ послѣдняго типа, т. е. непривилегированныхъ, то о нихъ слѣдуетъ сказать, что они ни въ судѣ, ни въ управленіи не пользовались никакой самостоятельностью; мѣщане въ нихъ не выдѣлялись въ особую группу ни въ порядкѣ суда, ни въ порядкѣ управленія, которые были слиты въ такихъ городахъ обще съ козацкими, воинскими, почему положеніе мѣщанъ въ нихъ было значительно хуже, чѣмъ въ городахъ магистратскихъ. Предпославъ эти нѣсколько строкъ, мы пере-

ходимъ къ обозрѣнію состоянія малороссійскихъ городовъ, къ ихъ нуждамъ и соотвѣтственно этому къ желаніямъ мѣщанства исправить существовавшіе у нихъ недостатки.

Напрасно бы читатель, знакомый съ прекраснымъ состояніемъ западныхъ городовъ, развившихся на основѣ магдебургскаго права, искалъ бы въ городскихъ наказахъ хотя тѣни чего либо подобнаго для городовъ Малороссіи. Не по винѣ, конечно, магдебургскаго права, а по общимъ экономическимъ невзгодамъ, тяготѣвшимъ надъ жизнію Украйны, всѣ вообще города, и привилегированные и непривилегированные, выглядятъ въ наказахъ въ самомъ мрачномъ и неприглядномъ свѣтѣ. Городскіе наказы—это неполная, но правдивая и яркая картина упадка и разложенія городовъ Малороссіи. Бѣдные по количеству населенія города [1]), по свидѣтельству наказовъ, были еще бѣднѣе въ матеріальномъ отношеніи; жалкіе по своей политической ничтожности они были еще болѣе жалки по господствовавшимъ внутри нихъ безпорядкамъ и хаосу въ сферахъ суда, городскаго хозяйства и управленія; ничтожные по своей политической роли въ общемъ государственномъ тѣлѣ Россіи, малороссійскіе города поражаютъ при разсмотрѣніи наказовъ, ничтожностію своего главнаго сословія—мѣщанства. Торговыя дѣла, промышленность, цехи, ремесла, все это, поражаетъ изслѣдователя наказовъ, своимъ крайнимъ убожествомъ или даже полнѣйшимъ отсутствіемъ.... Мѣщане, эта основа городовъ екатерининскаго времени, составляли въ малороссійскихъ городахъ чуть ли не самую бѣдную часть населенія; ихъ наказы—это безконечный рядъ жалобъ на свое нищенское существованіе, на свое безнарядье, на свою задавленность другими сословіями. Соотвѣтственно такому положенію главнаго городскаго сословія, самый внѣшній видъ малороссійскихъ городовъ былъ крайне невзрачный и болѣе чѣмъ безпорядочный. Города, по имѣющимся у насъ наказамъ, нисколько не изображали изъ себя центровъ экономическихъ богатствъ, сосредоточія торговой, промышленной и ум-

[1]) Въ Черниговѣ, напримѣръ, было немногимъ болѣе 400 домовъ, считая и пустыя избы (Нак. 8), въ Лубнахъ считалось всего 363 двора, включая туда и водры духовенства.

ственной дѣятельности. О послѣдней въ наказахъ даже не было и рѣчи... Развѣ только присутствіе полковыхъ или сотенныхъ правленій да изобиліе квартировавшихъ великорусскихъ войскъ и начальства выдѣляли городскую жизнь отъ жизни остальныхъ захолустій земледѣльческой Украйны.

Въ такомъ мрачномъ видѣ представляются намъ малорусскіе города половины 18-го вѣка по извѣстнымъ наказамъ; въ такомъ же видѣ представлены они и въ наказѣ, данномъ малорос. коллегіей своему депутату Натальину [1]). Коллегія писала, что строеніе въ городахъ „вездѣ деревянное, безпорядочное, видъ безобразный имѣющее и для огня крайне опасное" и что законы, какъ-то: „Статутъ" и „Порядокъ правъ гражданскихъ", хотя и достаточно содержатъ въ себѣ полицейскихъ постановленій, относящихся къ чистотѣ и украшенію городовъ, но все, что ни дѣлается подъ видомъ полиціи, къ сожалѣнію, служитъ только къ народному отягощенію. Художества, цехи, ремесла, торговля, по словамъ наказа той же коллегіи, также въ городахъ пали или находились въ эмбріологическомъ состояніи. Сами мѣщане сознавались въ наказахъ въ своемъ плачевномъ матеріальномъ и соціальномъ положеніи и указывали этому различныя причины. Мы не будемъ касаться покамѣстъ этихъ причинъ, а укажемъ только, какъ рисовали наказы положеніе представляемыхъ ими городовъ. Глуховцы, напримѣръ, жаловались, что ихъ городъ находится въ состояніи крайняго разоренія; что его въ періодъ отъ 1724—48 г. трижды разоряли пожары, истребившіе дома, лавки, церкви и пр. имущество; что, кромѣ всего этого, они, глуховцы, терпятъ нѣсколько лѣтъ къ ряду недородъ хлѣба, истребленіе его саранчею; что цехи въ Глуховѣ упали, мастеровые изъ нихъ разбѣгаются, уходятъ подъ владѣльцевъ и пр.[2]).

Въ такомъ же родѣ описывали положеніе своего города и черниговцы: сначала польская и турецкая войны, затѣмъ моро-

---

[1]) 43 т. Сб. И. Р. И. Об 224 стр. Наказъ м. коллегіи, при сравненіи его съ запиской Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи, представляетъ только болѣе распространенную ея редакцію и написанъ тѣмъ же языкомъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ.

[2]) Нак. 72.

вая язва и „преужасній пожаръ“ довели горожанъ до такой бѣдности, что, когда отъ многочисленныхъ дворовъ Чернигова послѣ пожара осталось незначительное количество, то сгорѣвшіе дома такъ и остались въ теченіи 50 лѣтъ незастроенными [1]) и городъ представлялъ пепелище. О Погарѣ составители наказа чистосердечно сознавались, что онъ находится въ такой бѣдности, что не имѣетъ средствъ для починки своего магистрата и для уплаты присутствующимъ въ немъ урядникамъ, писарямъ и канцелярскимъ служителямъ жалованья [2]).

Не лучше было и положеніе Стародуба, жители котораго въ первомъ же пунктѣ своего наказа представляли императрицѣ, что городъ ихъ рѣшительно обнищалъ, что мѣщанъ осталось подъ вѣдѣніемъ магистрата самое незначительное число, а остальные, избѣгая многочисленныхъ тягостей, отошли вмѣстѣ о своими дворами, пашенными и сѣнокосными землями подъ различныхъ владѣльцевъ, старшинъ и поповъ. Городскіе доходы Стародуба были до того ничтожны, что на нихъ едва содержался (городской) магистратскій писарь, подписки и служители, да покупались дрова, бумага, сургучъ и свѣчи, содержаніе же городскихъ часовъ и полкового лѣкаря съ жалованьемъ въ 140 руб. было положительно уже свыше силъ стародубскаго самоуправленія и никто не удивится этому, если добавить, что источникомъ доходовъ Стародуба была одна мельница на р. Бабинцѣ [3]).

Полтава и Лубны, не пользовавшіеся привилегированнымъ положеніемъ, а находившіеся: первая въ вѣдомствѣ полковой канцеляріи, а вторые—въ вѣдомствѣ войскового скарба терпѣли въ матеріальномъ отношеніи тѣ же недостатки, что и города перечисленные выше съ той разницей, что мѣщанамъ, не защищаемымъ никакими привилегіями, жилось въ нихъ еще хуже.

Полтавцы жаловались, что, благодаря полковому управленію, городъ ихъ пришелъ въ совершенное запустѣніе и разстройство: нѣтъ ни крѣпости, какая была устроена послѣ шведской войны, ни хорошихъ общественныхъ строеній, ни приличныхъ городу

---

[1]) Ibid. 81.
[2]) Ibid. 92.
[3]) Ibid. 108

украшеній; городскія земли расхищены полковникомъ и старшиной, мѣщане или записались въ козаки, или вышли въ чины, или записались за частныхъ владѣльцевъ, а въ результатѣ городскія повинности упали на оставшихся мѣщанъ, а такъ какъ эти повинности были крайне тяжелы, то и „послѣднее гражданство"—писали полтавцы—ежечасно вмаляется[1]). Лубны, по свидѣтельству ихъ наказа, находились также въ безусловномъ „изнеможеніи", о которомъ—говорилось въ наказѣ—можетъ свидѣтельствовать и обветшалость городскихъ зданій и опустѣніе города, состоявшаго всего изъ 363 дворовъ! Словомъ, всѣ малороссійскіе города находились въ самомъ возмутительномъ состояніи: разоренные, безъ населенія и безъ доходовъ они не могли даже содержать, какъ слѣдуетъ, органовъ своего управленія, равно какъ были далеки отъ благоустройства и необходимаго для ихъ процвѣтанія порядка и спокойствія. Въ городахъ не было даже полиціи. Такъ, Глуховъ[2]), бывшій много лѣтъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, не имѣлъ ни полиціи, ни надзора за чистотой города, ни наблюденія за предупрежденіемъ и тушеніемъ пожаровъ, составлявшихъ самый ужасный бичъ Малороссіи. О Переяславѣ намъ извѣстно[3]), что тамъ, хотя и существовала полиція, но съ переходомъ магистрата въ вѣдѣніе полковой канцеляріи она была отдана въ распоряженіе послѣдней и „невѣдомо почему—писали члены переяславскаго магистрата въ 1765 г.—была переведена за городъ, за браму илтицкую" и поручена сотнику терехтемировскому, который могъ собрать служащихъ въ нее только насильственнымъ образомъ. Самъ магистратъ объявлялъ, что содержать ему особую полицію „не изъ чего".

Бѣдность городовъ отражалась и на торговлѣ, и на промышленности: недостатокъ въ капиталахъ не дозволялъ мѣщанамъ развить ни того, ни другого. Глуховцы о себѣ говорили[4]), что у нихъ нѣтъ ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ни другихъ заводовъ,

---

[1]) Ibid. 116.

[2]) Ibid. 76.

[3]) К. С. 82 г. Авг. 381 стр.

[4]) Ibid. 74.

что они только тѣмъ и питаютъ себя, что перепродаютъ въ лавкахъ разный товаръ, также соль, рыбу и другія дробязки (т. е. мелочь) врознь „въ локтѣ и фунты". Черниговцы въ свою очередь подтверждали, что у нихъ также не имѣется ни заводовъ, ни промысловъ табачныхъ и пенечныхъ, ни занятія скотоводствомъ, ничего другого, кромѣ винокуренія, шинкованія и продажи съѣстныхъ припасовъ. Полтавскіе мѣщане писали, что главное занятіе ихъ состоитъ въ торговлѣ скотомъ[1]). Другіе наказы только жаловались на бѣдность, на слабые торговые обороты, но не объясняли, что составляло предметъ ихъ торговли. Впрочемъ, стародубцы въ одномъ мѣстѣ наказа обмолвились, что предметомъ ихъ торговли служатъ: пенька, воскъ, олей (масло) медъ, звѣри и пр., т. е. вообще сырыя произведенія сельскаго хозяйства.

Откуда-же возникло описанное неблагоустройство и безобразное экономическое состояніе городовъ Малороссіи? Отвѣтъ на это содержатъ наказы. Главныя причины упадка городскаго быта, по объясненію ихъ, заключались въ общихъ государственныхъ бѣдствіяхъ, въ тяжелыхъ налогахъ и повинностяхъ, въ подрывѣ малорусской торговли великорусскими купцами, въ подавленіи городскаго сословія военнымъ элементомъ, въ упадкѣ въ городахъ силы магдебургскаго права подъ преобладающимъ вліяніемъ пристрастной козацкой администраціи и, наконецъ, въ расхищеніи городскихъ земель, угодій и оброчныхъ статей, составлявшихъ источникъ городскихъ доходовъ. Оставляя покамѣстъ въ сторонѣ всѣ другія изъясненія причинъ дурной экономической обстановки городовъ, мы послушаемъ сначала, что говорятъ наказы по поводу расхищенія городскихъ земель и доходовъ и по поводу нарушеній въ городахъ магдебургскаго права, нарушеній, положительно колебавшихъ всякій порядокъ городскаго управленія.

Мы уже говорили, что малорусскіе города со стороны устройства и управленія раздѣлялись на привилегированные и непривилегированные; какъ тѣ такъ и другіе для содержанія сво-

---

[1]) Ibid. 122.

его хозяйства и органовъ управленія еще отъ королей польскихъ, а затѣмъ царей московскихъ и малорусскихъ гетмановъ были пожалованы землями, деревнями, селами и различными угодьями. При малочисленности, непостоянствѣ и бѣдности городскаго населенія недвижимыя имѣнія были самымъ вѣрнымъ источникомъ городскихъ доходовъ, почему всѣ города особенно заботились о томъ, чтобы ихъ имѣнія были по возможности обширнѣе и доходнѣе. Однако, къ разсматриваемому нами времени, кажется, ни одинъ малорусскій городъ не могъ похвалиться цѣлостью своихъ имѣній: и привилегированные, и непривилегированные города одинаково жаловались на расхищеніе городскихъ имуществъ, на упадокъ черезъ это матеріальнаго благосостоянія городовъ и просили о возвращеніи имъ пожалованныхъ имѣній для содержанія магистрата, войта, бургомистровъ и писаря. Такихъ указаній цѣлая масса: черниговскіе мѣщане писали, что многія ихъ владѣнія, земли и угодья „по разности временъ“ вышли изъ магистратскаго вѣдѣнія въ постороннія руки; погарскіе мѣщане заявляли, что „на погарское войтовство, бургомистерство, райчество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фольварокъ ратушній и до скринки мѣской (городской казны)“ были пожалованы двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницей, но онѣ отошли изъ подъ магистрата потому, что Чаусами завладѣлъ генеральный хорунжій Ник. Ханенко, а Яковлевичами погарскій сотникъ Соболевскій“ [1]). Завладѣніе въ описанномъ духѣ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, имъ не смущались и сами городскіе урядники: въ Стародубѣ, напр., однимъ изъ пожалованныхъ на войтовство селъ завладѣлъ еще при гетманѣ Скоропадскомъ войтъ Ермолаичевъ и его преемникамъ приходилось ужъ пользоваться только половиной села Озаровки [2]). Полтавскіе мѣщане прямо указывали, что издревле, по пожалованію отъ Петра I и гетмана Скоропадскаго, ихъ городу принадлежали села: Ивашки, Ивочинцы, Грабиновка, Осьмачки, Мачухи и еще нѣсколько и что въ это

[1]) Нак. 90 стр.

[2]) Нак. 104.

время въ вѣдомствѣ полтавскаго магистрата было много мѣщанъ, отбывавшихъ городскія повинности безъ изъятія, такъ какъ универсаломъ Мазепы отъ 1703 г. было запрещено всѣмъ чинамъ укрывать кого-бы то ни было отъ повинностей, но съ тѣхъ поръ, какъ полтавскій магистратъ былъ взятъ подъ команду полковой канцеляріи и уступилъ свою власть полковнику и старшинѣ, городскія дѣла пошатнулись: полковникъ и старшина не только сами завладѣли мѣщанскими дворами и землями, но допустили къ тому и другихъ, такъ что большая часть земель и людей вышли изъ-подъ магистратскаго вѣдѣнія. Кромѣ того, старшина нѣкоторыхъ людей незаконно записала въ козаки, а другихъ даже произвела въ чины, чѣмъ также умалила мѣщанское сословіе[1]). Въ Лубнахъ[2]), кромѣ захвата городскихъ земель владѣльцами и старшиной, захваты производились и великорусскими войсками: тамъ городской выгонъ и общественный лугъ за рѣкой Сулой были самовластно заняты ряжскимъ пѣхотнымъ полкомъ и горожане жаловались, что они терпятъ нужду въ сѣнѣ и лишены возможности выпускать на выгонъ свой рабочій скотъ и птицу. Здѣсь нѣтъ нужды приводить всѣхъ указаній паказовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что городскія и спеціально магистратскія земли подверглись расхищенію. Это признавала и малороссійская коллегія въ наказѣ своему депутату[3]), говоря, что многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ, что жители ихъ, опасаясь раздачъ, принуждены писаться въ козаки, что гражданское начальство ни за чѣмъ не наблюдаетъ, но подъ разными видами присваиваетъ городскія имѣнія и доходы въ свою пользу, что города остаются пустыми, публичныя строенія „исходятъ сами собою“ и т. д.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что расхищеніе городскихъ земель оказало на доходы малороссійскихъ городовъ, не блиставшихъ ни торговыми оборотами, ни промышленностью, и большею частью съ земледѣльческимъ населеніемъ, дурное вліяніе.

---

[1]) Ibid. 116.

[2]) Ibid. 127.

[3]) 43 т. Сб. Рос. Имп. ист. об.

Нѣтъ основаній, напримѣръ, не вѣрить стародубцамъ, что городскіе доходы ихъ были настолько плохи, что бурмистру доводилось получать всего 36 р., райцѣ 24 р., а лавнику 12 р.[1]), между тѣмъ, эти люди отрывались отъ своихъ занятій и должны были имѣть постоянное присутствіе въ магистратѣ. Какъ ни велико было расхищеніе городскихъ доходовъ, однако нельзя не признать, что не оно было главной бѣдой и причиной экономической несостоятельности городовъ: оно поражало города только, такъ сказать, съ внѣшней стороны, главный же недугъ и причина городской неурядицы заключался въ антагонизмѣ и въ столкновеніи въ городахъ двухъ элементовъ—воинскаго съ гражданскимъ, въ экономической и общественной розни, существовавшей между ними, и въ подавленіи городскаго сословія и органовъ его управленія общей козацкой администраціей, т. е. полковыми канцеляріями, сотенными правленіями и пр. Подавленіе это обозначилось тѣмъ болѣе печальными послѣдствіями, что бороться съ нимъ городамъ пришлось какъ разъ въ ту пору, когда они еще не успѣли развиться и окрѣпнуть и когда городское сословіе еще не отлилось въ устойчивую форму. О городахъ, пользовавшихся магдебургіей, въ особенности нужно сказать, что они имѣли всѣ шансы къ созданію у себя сильнаго, развитаго и промышленнаго сословія; имъ завидовали города, не пользовавшіеся магдебургіей, и стремились копировать ихъ учрежденія, но ни тѣмъ, ни другимъ не пришлось еще развить свой бытъ, какъ на нихъ хлынула козацкая волна и дала имъ новое направленіе. Южнорусскимъ городамъ противъ ихъ воли пришлось слиться съ козачествомъ. Городское управленіе потеряло черты самостоятельности и пошло на помочахъ за козацкой администраціей. Въ городахъ установилось два начальства: военное и гражданское, но послѣднее, какъ слабѣйшее, не могло съ должной силой поддерживать городскіе интересы, противоположные козацкимъ. Фактъ поглощенія въ Малороссіи городскаго, такъ сказать, начала козацкимъ, военнымъ—извѣстенъ изъ исторіи и засвидѣтельствованъ наказами: черниговцы, напри-

---

[1]) Нак. 104.

мѣръ, утверждали, что ихъ городъ „до тѣхъ временъ во множествѣ гражданъ въ лутчемъ довольствіи пребывалъ, поколь жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегіи оставались безъ нарушенія“, а погарскіе мѣщане жаловались, что съ 1757 года въ малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погаръ, стали насылаться войты съ войсковаго званія, которые состоятъ въ должностяхъ „не для должнаго правосудія и гражданскаго благопорядочія, но для собственнаго ихъ обогащенія и корыстей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе“ [1]). Неудовольствіе по поводу замѣны выборнаго войта назначаемымъ „отъ малороссійской команды“ заявляли и стародубскіе жители, у которыхъ войтомъ состоялъ войсковой товарищъ Грозинскій „не по выбору гражданскому, не изъ мѣщанъ тамошнихъ природженныхъ“. Полтавцы, въ свою очередь, находили, что городскіе интересы страдаютъ оттого, что полковникъ и старшина, „не сохраняя установленій въ правахъ магдебургскихъ узаконенныхъ“, стѣсняютъ полтавскій магистратъ въ его дѣятельности и „чинятъ ему помѣшательство и обиды“. Кромѣ наказовъ, у насъ есть еще и другія данныя, напр. относительно Переяслава [2]), свидѣтельствующія, что подчиненіе магистратовъ вѣдомству полковыхъ канцелярій, только увеличивало городскіе безпорядки и вызывало неудовольствіе мѣщанъ, лишавшихся своихъ вольностей. Глуховцы жаловались, что уменьшеніе числа мѣщанъ происходитъ по неимѣнію надъ ними настоящихъ урядниковъ, войта съ потребными товарищами и вслѣдствіе управленія городомъ чуждымъ ему сотеннымъ правленіемъ. Въ Полтавѣ, гдѣ не было магистрата, а городъ управлялся одною полковою старшиною, мѣщане жаловались, что чрезъ это владѣльческіе дома исключены изъ общаго обложенія и просили, чтобы впредь они исключаемы не были. Такого рода жалобы были общи и намъ неизвѣстно ни одного наказа, который не содержалъ бы въ себѣ просьбъ объ учрежденіи въ представляемомъ имъ городѣ магистрата „во всемъ на основаніи правъ магдебургскихъ“, т. е. и въ отношеніи суда и

---

[1]) Нак. 92.

[2]) Кіев. Ст. 1882 г., авг., 381.

управленія. Въ засѣданіи коммиссіи депутатъ отъ г. Кіева также защищалъ благія начала магдебургскаго права, утверждалъ, что имъ довольны всѣ кіевляне и просилъ утвердить его Кіеву и на будущее время [2]). Города же, не имѣвшіе у себя привилегій на магдебургію, какъ напр. Полтава или Глуховъ, усердно просили пожаловать имъ таковыя, ибо это было, по убѣжденію мѣщанъ, единственнымъ средствомъ для возрожденія городовъ и городскаго сословія. Полтавцы писали [3]): „просимъ всемилостивѣйше пожаловать на магистратъ высочайшую привилегію, въ которой особливо... указать: *присутствіе въ ономъ магистратѣ имѣть и онымъ управлять такъ, какъ до сего съ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть, войту, яко первому, и съ нимъ бурмистрамъ, писару, райцамъ и лавникамъ, предъ которыми въ магистратѣ судъ и расправу имѣть... по тѣмъ магдебургскимъ правамъ и на убылыя оныхъ войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ вольными голосами зъ между себя*". Полтавскіе мѣщане яснѣе другихъ формулировали свои желанія имѣть независимое городское управленіе; глуховцы же изобразили свои желанія нѣсколько конкретнѣе: они просили учредить у нихъ магистратъ на такомъ основаніи, какъ въ г. Нѣжинѣ. Отсутствіе въ г. Глуховѣ магистрата „по примѣру тому, какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются" было, по мнѣнію просителей, главной причиной существовавшаго въ Глуховѣ безпорядка и дурнаго состоянія мѣщанства. Глуховскіе мѣщане притомъ выражали въ своемъ наказѣ мысль, что жители привилегированныхъ мѣстъ находятся „*въ лутшемъ и примѣрномъ состояніи*", можно же себѣ представить, каково было положеніе Глухова, если привилегированные города, сами себя изобразившіе въ наимрачнѣйшихъ краскахъ, были для него вожделѣннымъ идеаломъ!

Итакъ, если отсутствіе магистратскаго управленія и подавленіе его воинскимъ составляли больную сторону городовъ, то остается спросить, въ чемъ же наказы усматривали гнетъ и проявленіе старшинскаго самовластія?

---

[2]) Сб. Рус. И. И. Об. VIII т. 338 стр.

[3]) Нак. 114.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что по идеѣ магдебургскаго права магистрату въ составѣ его выборныхъ урядниковъ должна была принадлежать полная власть надъ городомъ и въ судебномъ, и въ административномъ отношеніяхъ, причемъ эта власть распространялась не на одно мѣщанское, но и на другія сословія, если только они проживали въ городѣ и промышляли ремесломъ или торгомъ. Магистратъ, несмотря на свой сословный, мѣщанскій характеръ, какъ правящее учрежденіе, вѣдалъ всесословный городъ—т. е., кромѣ мѣщанъ, и шляхетства, и козаковъ, и вольныхъ людей, если они занимали мѣщанскіе дома или грунты. На эту черту магдебургскаго права обратили вниманіе многіе наказы, полтавскій же въ подкрѣпленіе описаннаго характера магистрата поставилъ на видъ еще и законоположеніе Л. Статута, въ 25-мъ арт. III раздѣла котораго говорилось, что если шляхтичъ, „занехаевши именя и обистя своего шляхетскаго“, станетъ вести торговлю, или заниматься ремеслами, или будетъ имѣть въ своемъ домѣ шинокъ—то уже вольностями своими шляхетскими „веселитись не маетъ“ [1]). Этимъ закономъ справедливо поддерживалась цѣлостность городскаго общества, но послѣдняя совершенно исчезла, когда въ городахъ восторжествовало воинское управленіе. Оно внесло въ города элементъ сословной розни, раскололо среду горожанъ на нѣсколько враждебныхъ группъ и дало однѣмъ группамъ—шляхетству и козакамъ—предпочтеніе предъ мѣщанствомъ.

Первымъ послѣдствіемъ примирующаго положенія въ городахъ козацкой, а не мѣщанской администраціи было то, что многіе городскіе жители вышли изъ мѣщанскаго званія и записались въ козаки или же за владѣльцами; и тому, и другому явленію козацкая администрація нисколько не препятствовала, а напротивъ, какъ видно изъ наказовъ, мирволила и благопріятствовала. Положимъ, что бѣгству мѣщанъ изъ своего сословія въ козаки или подданные способствовалъ еще и факторъ экономическій—несостоятельность мѣщанства предъ бременемъ государственныхъ повинностей, но тѣмъ не менѣе на малороссій-

---

[1]) Нак. 115.

скомъ правленіи лежитъ грѣхъ обращенія подобнаго бѣгства въ систематическое явленіе. Полтавскіе мѣщане по'этому поводу высказали, что они съ горестью замѣчаютъ[1]), какъ переходъ мѣщанъ въ козаки сталъ обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ и что онъ болѣе всего обиденъ потому, что имъ пользуются ихъ собратья мѣщане съ цѣлью освобожденія себя отъ гражданскихъ повинностей, отъ постоевъ, выстаченія подводъ и прочаго. Само собою разумѣется, что если бы козацкая старшина не поддерживала перехода мѣщанъ въ козаки, то его бы не существовало и „гражданство не вмалялося бы“.

Смыслъ перехода мѣщанъ въ козаки заключался, какъ мы видимъ, въ стремленіи избѣжать тяжелыхъ городскихъ повинностей и сбросить ихъ на чужія плечи; потворствуя этому, козацкая старшина сознательно обезсиливала городъ въ числѣ мѣщанъ, которые тѣмъ болѣе бѣднѣли, что на оставшуюся часть ихъ перелагалось бремя повинностей „испедшихъ“ товарищей. Пагубныя послѣдствія такого явленія сами собой очевидны, чтобы комментировать ихъ далѣе. Слѣдуетъ только добавить, что, способствуя уменьшенію мѣщанскаго населенія, воинское правленіе въ то же время не принимало никакихъ мѣръ къ его увеличенію и даже, можно сказать, своимъ нерадѣніемъ заглушало естественный ростъ городскаго населенія. Дѣло въ томъ, что въ Малороссіи существовалъ классъ посполитыхъ людей, пользовавшихся правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; эти люди по большей части жили на владѣльческихъ земляхъ, но, какъ свободные въ переходѣ, они иногда покупали себѣ мѣщанскіе грунты или на другихъ условіяхъ селились въ мѣщанскихъ дворахъ, бросивъ своихъ владѣльцевъ и ихъ земли. Между тѣмъ, владѣльцы старались, конечно, не упускать изъ своихъ рукъ посполитыхъ и при помощи своихъ союзниковъ—старшинъ, составлявшихъ городскую администрацію, отыскивали сошедшихъ въ города посполитыхъ, какъ бы своихъ крѣпостныхъ, отданныхъ въ вѣчность и даже взыскивали „пожилыя деньги“[2]). Та-

---

[1]) Нак. 119 стр.

[2]) Нак. 100.

кимъ образомъ, владѣльцы не давали посполитымъ осѣсться въ городахъ, и послѣдніе лишались трудящагося населенія, способнаго раздѣлить бремя городскихъ повинностей. Въ виду этого погарскіе мѣщане выразили просьбу, чтобы всякому свободному человѣку, который самъ или съ семьей перейдетъ на жительство въ Погаръ, дозволено бы жить подъ вѣдомствомъ магистрата и чтобы владѣльцы не имѣли права отыскивать такихъ лицъ и водворять въ прежнее мѣстожительство.

Вторымъ крупнымъ недостаткомъ въ жизни городовъ, обязаннымъ воинской администраціи, необходимо признать устраненіе проживавшихъ и промышлявшихъ въ городахъ владѣльцевъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ отъ участія въ городскихъ повинностяхъ. Несправедливость такой льготы для упомянутыхъ лицъ станетъ еще болѣе очевидной, если вспомнить, что эти лица не только пользовались удобствами городской жизни, но и успѣшно конкуррировали въ торговыхъ дѣлахъ и „художествахъ“ съ мѣщанами, для которыхъ торгъ и ремесло были средствами оплаты городскихъ повинностей. Погарскіе мѣщане по поводу этой аномаліи замѣчали[1]), что „всѣ владѣльцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинцы и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ погарской жіючіе и тѣхъ подданніе *зъ допущенія командующихъ не мѣщанскаго званія, но воинскаго, войтовъ и другихъ старшинъ поустроили лавки и постоялые домы и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и не отбуваютъ зъ оныхъ къ магистрату никакой общенародной повинности.....*, а отнявши промыслы торговіе въ мѣщанъ, сами владѣльци старшины и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгуютъ и всякое ремесло дѣлаютъ, а и съ того мѣщанству погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного воспомоществованія не чинятъ и цехмистрамъ по ихъ цеховымъ порядкамъ послушенства.... не дѣлаютъ“. Стародубцы писали, что нѣкоторые владѣльцы и козаки выстроили на базарной площади дома, лавки и амбары и отдаютъ ихъ въ наемъ, но магистрату „никакова платежа не чинятъ“; что нѣ-

---

[1]) Ibid. 75.

которые изъ нихъ купили мѣщанскіе дворы, ведутъ торговлю, имѣютъ винокуреніе и шинки, но повинностей не отбываютъ, а „*щитять себя иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ*“, въ силу каковой несправедливости остальные мѣщане приходятъ въ оскудѣніе и принуждены продавать свои грунты лицамъ другого сословія [1]). Обнищаніе и разложеніе мѣщанской среды вслѣдствіе исключительнаго обложенія ея городскими повинностями несомнѣнно, равно какъ несомнѣнно и то, что эту исключительность поддерживала воинская администрація. Упомянувши о жалобахъ мѣщанъ на подрывъ торговли и промысловъ отъ владѣльцевъ, ихъ подданныхъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ, необходимо еще прибавить, что довольно большую роль въ этомъ мѣщане приписывали еще великорусскимъ и иногороднимъ купцамъ и даже раскольникамъ, т. е. вообще лицамъ, торговавшимъ въ чужомъ городѣ и не платившимъ въ его пользу повинностей.

Туземные мѣщане и купцы утверждали, что благодаря торговлѣ великорусскихъ и иногороднихъ купцовъ, а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы, *мѣстная торговля упала*, а они, мѣстные купцы, „прежняго промыслу своего вовсе лишились и въ такомъ предъ оными иностранными заѣзжими иногородцами упослѣженіи остались, что ни мѣста, ни свободы—какой къ продажѣ по своей волѣ не имѣютъ“ [2]). Отсюда прямой выводъ: туземные купцы просили запретить иногородцамъ торговлю, дозволивъ имъ вести только оптовый торгъ изъ складовъ или на ярмаркахъ, какъ это было установлено таможеннымъ уставомъ 1755 г. Но уставъ этотъ въ торговой практикѣ не соблюдался. Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, олей (масло), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же они, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ и торговли оптомъ, купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничную торговлю, не встрѣчая со

---

[1]) Ibid. 103, 106 стр.

[2]) Ibid. 74, 97, 107, 115, 130 стр.

стороны парализованнаго городскаго управленія надлежащаго запрещенія.

Что касается права торговли владѣльцевъ, козаковъ и разночинцевъ, то мѣщане также находили необходимымъ запретить всѣмъ означеннымъ классамъ торговлю, какъ профессію, и разрѣшить только сбытъ въ города собственныхъ сырыхъ произведеній, продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ общемъ, большинство наказовъ высказалась въ томъ смыслѣ, что торгъ и ремесло должны быть исключительной принадлежностью мѣщанина, а погарскій и стародубскій наказы даже находили для развитія городовъ цѣлесообразнымъ запретить торги и ярмарки въ селахъ, допустивши торговлю только въ однихъ городахъ, причемъ стародубцы ссылались въ этомъ случаѣ на 4 п. 10-ой гл. тамож. устава, разрѣшавшаго крестьянамъ въ селахъ только торговлю „мелочнымъ ядломъ", по извѣстному реестру. Одни только лубенцы, къ нашему удивленію, согласились, чтобы всѣмъ гражданамъ „разного войскового званія людемъ промыслы, торгъ и ремесло были и напредки по прежнему здешнему обыкновенію свободны"; но эта уступка естественна, такъ какъ ихъ наказъ подписанъ громаднымъ большинствомъ козаковъ, а не мѣщанъ [1]). Такимъ образомъ безсильное и бѣдное малороссійское мѣщанство льстило себя надеждой удержать въ своихъ рукахъ торговлю путемъ монополіи, но оно ошибалось, такъ какъ у него не было для этой цѣли капиталовъ; города же отъ запрещенія торговли иногороднимъ купцамъ также не выиграли-бы, ибо ихъ казна не обогатилась-бы никакими доходами. Для развитія городовъ и торговли необходимы были иныя мѣры.

Слѣдующимъ важнымъ послѣдствіемъ вторженія воинскаго элемента въ городское управленіе нужно признать пагубное вліяніе его на состояніе въ городахъ правосудія. Вмѣсто одной судебной власти въ городахъ ихъ стало нѣсколько, вслѣдствіе раздробленія городскаго класса на сословія; горожане, связанные общностью интересовъ, тѣмъ не менѣе вѣдались не однимъ судомъ, какъ это начертало магдебургское право, но различными,

---

[1]) Ibid. 134 стр.

смотря по своему сословному положенію, а въ концѣ концовъ мѣщане жаловались, что они остаются „въ изобижденіи", такъ какъ старшины, козаки, разночинцы и даже всякаго званія пріѣзжіе люди, „щитясь своими званіями и чинами" отклоняются отъ магистратскаго суда и обращаются къ своимъ командамъ, гдѣ мѣщанамъ тягаться съ ними было не подъ силу. Уклоненіе отъ магистратскаго суда было для мѣщанъ равносильно отсутствію правосудія и ставило личное достоинство, честь и безопасность мѣщанина положительно внѣ охраны законовъ. Погарцы, напримѣръ, приносили жалобу [1]), что всѣ чиновники, шляхетство, козаки и даже недавніе мѣщане, вышедшіе въ козаки или шляхетство, сравниваютъ мѣщанъ съ подданными, порицаютъ ихъ мужиками и причиняютъ „разніе гвалты, нападенія, бои и въ здоровьи увѣтча". Особенно же много и часто приходилось мѣщанамъ сносить возмутительное съ собою обхожденіе и униженіе своего сословія отъ квартировавшихъ въ городахъ великорусскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, такъ какъ на нихъ не было ни суда, ни расправы. Полтавцы заявляли, что они всѣ „отъ большаго до меньшаго", отъ простаго мѣщанина до урядника, третируются великороссійскими чинами *и даже солдатами* безусловно, какъ мужики и выносятъ отъ всѣхъ безконечныя руганія, утѣсненія и обиды, за которыя имъ въ законѣ положенъ крайне незначительный штрафъ. Полтавцы сознавались, что при такомъ положеніи дѣлъ у нихъ теряется „куражъ къ купеческой жизни", а отъ унынія они теряютъ все, „въ чемъ могли бы сыскать себѣ авантажъ, а царской казнѣ доходъ" [2]).

Едва ли нужно добавлять, что въ словахъ полтавцевъ не было преувеличенія дѣйствительности, такъ какъ обиды великорусскихъ войскъ составляли несомнѣннѣйшій фактъ и жалобами на нихъ можно было завалить нѣсколько коммиссій. Недовольные состояніемъ правосудія мѣщане стояли въ наказахъ на той точкѣ зрѣнія, чтобы всякій, „*кто только обнялъ домъ или огородъ и промыслъ или ремесломъ пользовался, былъ подсуденъ уряду*

---

[1]) Нак. 86 стр.

[2]) Ibid. 117 стр.

мѣскому", т. е. магистрату, безъ различія гражданъ мѣстныхъ отъ пріѣзжихъ, и только черниговскіе мѣщане просили по дѣламъ мѣщанъ съ воинскаго званія людьми допустить судъ магистрата при участіи въ немъ депутата [1]).

Мѣщане хлопотали, чтобы судебная компетенція магистрата одинаково простиралась на всѣхъ горожанъ какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и *гражданскимъ* и просили, чтобы пріѣзжіе торговцы ни въ какомъ случаѣ не отбивались отъ магистратскаго суда, а судились по мѣстнымъ малороссійскимъ правамъ и обычаямъ, такъ какъ уклоненіе отъ магистратскаго суда, говорили черниговцы, ведетъ къ тому, что великорусскіе купцы „лакомятся чужимъ имѣніемъ" и объявляютъ себя банкротами [2]).

Глуховскіе мѣщане также жаловались, что великорусскіе и пріѣзжіе на ярмарки купцы вѣдаются въ отношеніи суда комендантской канцеляріей, а не „гражданскимъ правомъ", и просили, чтобы на будущее время всѣ мѣщане и подгородніе люди были изъяты изъ вѣдомства коменд. канцеляріи при разрѣшеніи ихъ дѣлъ съ великороссійскими купцами [3]).

Здѣсь же умѣстно сказать, что мѣщане выразили нѣкоторую заботливость и о приведеніи въ порядокъ своего матеріальнаго права, а именно погарцы и стародубцы просили о переводѣ на русскій языкъ магдебургскаго права, употреблявшагося въ магистратскихъ судахъ Малороссіи. Мы не ошибемся, если скажемъ, что упадокъ магистратскихъ судовъ въ значительной степени зависѣлъ отъ крайне дурнаго состоянія практиковавшагося въ нихъ гражданскаго права, такъ какъ истинное магдебургское право было извѣстно въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи только по имени изъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ.

Самъ сводъ, какъ саксонскихъ законовъ (Speculum Saxonicum) вообще, такъ и городскаго магдебургскаго уложенія въ частности—говоритъ проф. Антоновичъ [4])—положительно не были извѣстны и даже никогда не доходили до южно-русскихъ горожанъ.

---

[1]) Ibid. 86 стр.

[2]) Ibid. 87.

[3]) Ibid. 76.

[4]) Антоновичъ. Изслѣд. о городахъ юго-зап. Россіи, стр. 59.

Употреблявшіеся же въ судахъ „Саксонъ" или Саксонское Зерцало и Порядокъ правъ гражданскихъ (Porządek sądow y praw mieyskich prawa maydeburskiego) представляли не кодексы права, но лишь компилятивныя работы частныхъ юристовъ и, странно сказать, но въ южно-русскихъ городахъ они употреблялись въ польскихъ редакціяхъ къ тому же мало распространенныхъ. Относительно юго-западныхъ городовъ проф. Антоновичъ утверждаетъ, что мѣщане не изучали даже и этихъ редакцій своего права и очень рѣдко ссылались на него въ своихъ рѣшеніяхъ; что касается лѣвобережныхъ городовъ, то, несмотря на утвержденіе погарскихъ мѣщанъ, что ихъ предки и они судились и судятся на основаніи правъ, изображенныхъ въ „Порядкѣ" и дополняющемъ его Саксонѣ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что и лѣвобережнымъ мѣщанамъ ихъ права были очень мало извѣстны, иначе трудно себѣ представить, почему эти права не были переведены на русскій языкъ и употреблялись въ польскихъ редакціяхъ. При переводѣ магдебургскихъ правъ на русскій языкъ погарцы просили дополнить ихъ новыми положеніями, касающимися и матеріальнаго, и процессуальнаго права. Изъ наиболѣе интересныхъ можно отмѣтить: установленіе новыхъ сроковъ для вызова сторонъ въ судъ, запрещеніе мѣщанамъ отчуждать свои земли лицамъ не мѣщанскаго званія, установленіе при отчужденіи мѣщанской недвижимости формъ, практиковавшихся у шляхетства, возвышеніе штрафа за обиды, наносимыя мѣщанамъ и пр. [1]). Какъ курьезную съ нынѣшней точки зрѣнія претензію слѣдуетъ также отмѣтить просьбу погарцевъ о дозволеніи имъ ходить „*при шабляхъ*" въ знакъ высочайшей къ нимъ милости. Изъ другихъ наказовъ только черниговскій высказалъ еще просьбу, чтобы въ новомъ уложеніи были постановлены строгіе законы для банкротовъ, остальные же наказы обошли вопросъ исправленія права совершеннымъ молчаніемъ, а лубенцы, составившіе свой наказъ подъ сильнымъ вліяніемъ козаковъ, просили, чтобы въ случаѣ сочиненія въ коммиссіи одного на все государство

---

[1]) Ibid. 93.

уложенія, для нихъ были оставлены права Л. Статута и положены въ особую главу въ уложеніи[1]).

Мы изложили, насколько позволяютъ наказы, спеціальныя, такъ сказать, причины дурнаго состоянія городовъ и мѣщанства, остается еще сказать о причинахъ болѣе общаго свойства, которыя были способны и самые цвѣтущіе города привести въ состояніе дезорганизаціи и упадка. Мы подразумѣваемъ здѣсь тяжелыя государственныя повинности и налоги. Извѣстно, что XVIII вѣкъ былъ временемъ самаго сильнаго напряженія податныхъ силъ страны: для содержанія громадныхъ армій, для безконечныхъ завоевательныхъ войнъ были необходимы массы людей и огромныя средства, ихъ между прочимъ поставляла Малороссія и въ частности мѣщане. Въ другихъ главахъ нами уже описано, какое экономическое давленіе и разстройство податныхъ силъ страны оказывало это бремя во имя государственной славы; здѣсь остается только сказать о немъ въ примѣненіи къ мѣщанамъ. Вопервыхъ, не нужно забывать, что отъ эпохи козацкихъ войнъ до описываемаго времени прошло всего столѣтіе, во время котораго Малороссія, не оправившись послѣ собственныхъ потрясеній, вынесла еще нѣсколько разорительныхъ войнъ. Въ военное время отъ горожанъ требовали высылки людей въ погонщики, для полоненья льду, для перевозки провіанта, ремесленниковъ требовали для соотвѣтствующихъ занятій въ арміи, которой нужно было поставлять къ тому же и воловъ, и возы, и сѣно, и провіантъ и пр., и все это въ такомъ количествѣ, что даже описать въ наказѣ черниговцы не находили удобнымъ. Жалобамъ на отягощеніе мѣщанъ всякими „выстаченіями“ въ пользу войска въ наказахъ нѣтъ числа: лубенскіе мѣщане, напримѣръ, писали, что во время войны съ турками у нихъ брались волы, возы и погонщики, а сами они въ зимнія стужи высылались на Днѣпръ для полоненья льду въ предупрежденіе непріятельскаго нашествія; что во время прусской войны имъ пришлось безмездно содержать на квартирахъ мобилизованныя войска, довольствовать ихъ провіантомъ, давать подводы подъ больныхъ и т. д.

---

[1]) Ibid. 140.

Но и въ мирное время мѣщанъ не оставляли въ спокойствіи: въ Черниговѣ гетманъ Разумовскій бралъ мѣщанъ и мастеровыхъ людей на свои деревенскіе салотопенные и поташенные заводы, требовалъ ихъ для рубки и клейменья мачтоваго лѣса, высылалъ на разныя работы въ Козелецъ и Батуринъ и т. д. Въ Глуховѣ мѣщанамъ приходилось испытывать тоже самое по распоряженіямъ сотеннаго правленія; но кромѣ этихъ тягостей, обязанныхъ произволу мѣстнаго управленія, мѣщане больше всего разорялись въ мирное время постойной повинностію. Города въ Малороссіи были маленькіе, между тѣмъ войскъ въ нихъ стояло великое множество и такъ какъ козаки, старшины и владѣльцы „щитились“ отъ постоевъ своими привилегіями, то они всей тяжестью ложились на мѣщанство. Отсюда безконечный рядъ жалобъ и враждебное отношеніе мѣщанъ къ козацкой старшинѣ, завѣдывавшей размѣщеніемъ войскъ. Черниговцы писали—„всегдашній офицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ весма есть тяжестній“, ибо хозяева квартиръ, не пользуются ими, но принуждены платить и налогъ съ домовъ, и на свой счетъ отапливать ихъ. Погарцы указывали [1]), что сотенная старшина при размѣщеніи войскъ допускала большія злоупотребленія: она миновала села уѣздныхъ владѣльцевъ и пристрастно выбирала для постоевъ самые лучшіе мѣщанскіе дворы, конюшни и амбары, не соблюдая приэтомъ даже очереди. Стародубцы жаловались [2]), что чрезъ отводъ квартиръ и мобилизацію войскъ во время прусской войны гражданству стародубскому причинено было много стѣсненій, а въ торгахъ и промыслахъ помѣшательство и остановки; они же просили о выводѣ псковскаго полка и о болѣе правильномъ размѣщеніи ростовскаго. Полтавскіе мѣщане также жаловались [3]), что полковникъ, вопреки закону, не велѣлъ ставить войскъ ни у войсковыхъ, ни у бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей, ни въ загородныхъ старшинскихъ, козачьихъ и владѣльческихъ до-

---

[1]) Нак. 99 стр.
[2]) Ibid. 107.
[3]) Нак. 119.

махъ, между тѣмъ какъ многіе изъ упомянутыхъ чиновниковъ жили на мѣщанскихъ дворахъ и занимались купеческимъ промысломъ. Для предотвращенія на будущее время злоупотребленій, полтавцы просили узаконить, чтобы размѣщеніе войскъ въ городахъ происходило по указанію магистрата. Постойная повинность была особенно тяжела для мѣщанъ, по свидѣтельству наказовъ, еще и потому, что имъ приходилось не только давать квартиры, но и отапливать ихъ, и освѣщать на свой счетъ, между тѣмъ въ городахъ была масса мѣщанъ, которые едва себѣ могли сыскивать пропитаніе. Естественно, что наказы хлопотали объ освобожденіи мѣщанъ отъ этихъ незаконныхъ поборовъ и о болѣе равномѣрномъ и справедливомъ распредѣленіи квартирной повинности. Сами по себѣ великорусскія войска составляли также извѣстнаго рода тягость для городовъ Малороссіи: нами уже говорилось, какъ они третировали мѣщанство, но нужно добавить, что они, опираясь на свою силу, имущественно положительно объѣдали и разоряли населеніе. Жалобъ на дѣйствія великорусскихъ войскъ накопилась такая масса, что черниговцы просили [1]) для разбора ихъ учредить въ Глуховѣ *при резиденціи* губернаторской военную коммиссію съ равнымъ числомъ великороссійскихъ и малороссійскихъ членовъ.

Изъ числа другихъ тягостей, лежавшихъ на мѣщанахъ, слѣдуетъ еще отмѣтить уплату недоимокъ за старые годы. Всѣ наказы единогласно указывали, что недоимщики, съ которыхъ слѣдовало-бы производить взысканіе, или давно посходили съ своихъ мѣстъ, или поумирали, что послѣ нихъ остались однѣ хаты и настоящимъ ихъ владѣльцамъ приходится уплачивать чужія недоимки, въ виду чего они просили сложить ихъ съ мѣщанъ и не взыскивать на будущее время [2]) Кстати по вопросу о налогахъ сказать, что погарскіе и полтавскіе мѣщане привѣтствовали замѣну консистентскихъ дачъ рублевымъ окладомъ и просили объ удержаніи такого порядка на будущее время, но съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей.

[1]) Ibid. 86.

[2]) Ibid. 99, 123 стр.

О лубенцахъ можно прибавить, что они въ числѣ другихъ тягостей просили отмѣнить генеральную опись Малороссіи, какъ несходственную ихъ обыкновеніямъ.

Мы разсмотрѣли теперь въ главныхъ чертахъ все содержаніе городскихъ наказовъ, придерживаясь ихъ же точки зрѣнія, т. е. со стороны объясненія причинъ дурнаго состоянія городовъ и разложенія среды мѣщанства, но мы полагаемъ не будетъ лишнимъ остановиться и суммировать мѣры, рекомендованныя наказами для исправленія нуждъ и недостатковъ мѣщанства. Мѣры эти, соотвѣтственно нуждамъ и недостаткамъ городовъ и мѣщанства, были двоякаго рода: однѣ можно назвать финансовыми, податными, онѣ были крайне просты, имѣли въ виду податное облегченіе мѣщанъ и состояли частью въ отмѣнѣ, частью въ болѣе справедливомъ распредѣленіи податныхъ тягостей денежнаго и натуральнаго вида. Недопущеніе злоупотребленій при взысканіи и равенство всѣхъ горожанъ безъ различія сословій предъ обложеніемъ—вотъ идеалы мѣщанства, противъ которыхъ нельзя ничего возразить и въ наше время. Другія мѣры можно назвать мѣрами административно-судебнаго характера. Онѣ состояли въ томъ, чтобы уничтожить вмѣшательство въ городскія дѣла воинскаго элемента и возстановить, а частью и вновь учредить, въ городахъ самоуправленіе на основаніи магдебургскаго права. Не вникая въ глубину этого права, городскіе наказы просили о возстановленіи его въ томъ видѣ, какъ оно уже дѣйствовало въ городахъ Малороссіи, а именно хлопотали объ учрежденіи независимыхъ магистратовъ съ административной и судебной властью. Составъ ихъ долженъ быть чисто мѣщанскій („изъ выборныхъ мѣщанъ прироженныхъ“), но они должны вѣдать всесословный городъ. Въ управленіи ихъ вѣдѣнію подлежали: городское хозяйство, полиція, чистота города, предупрежденіе пожаровъ, надзоръ за рынками, завѣдываніе городскими доходами, землями, различными сборами, распредѣленіе постойной повинности и проч.; въ судѣ—судъ гражданскій и уголовный по всѣмъ искамъ и преступленіямъ. Какъ на отдѣльныя мѣры, слѣдуетъ указать: въ дѣлѣ правосудія—на исправленіе и переводъ магдебургскаго права; въ торговлѣ—на

монополизацію ея въ рукахъ мѣщанъ; въ ремеслахъ—на запрещеніе заниматься ими внѣ принадлежности къ цехамъ. Монополіями и стѣсненіемъ ремесленной дѣятельности исключительнымъ кругомъ цеховыхъ обществъ мѣщане думали поднять свою торговлю и промыслы, но изъ болѣе серьезныхъ мѣръ только одни полтавцы просили объ учрежденіи при малороссійской коллегіи банка, а лубенцы хлопотали объ уменьшеніи таможеннаго тарифа на соль, вино и бакалейные товары, привозимые изъ Крыма. По вопросу о заграничной торговлѣ городскимъ депутатамъ пришлось выслушать въ засѣданіяхъ коммиссіи крайне стѣснительный для малорусской ввозной торговли проектъ депутата отъ коммерцъ-коллегіи, Меженинова. Названный депутатъ предложилъ запретить ввозъ заграничныхъ товаровъ изъ Гданска (Данцига), Кенигсберга, Бреславля и проч. чрезъ Польшу и установить для удобства взиманія тарифа исключительный ввозъ чрезъ С.-Петербургъ. Меженинову возражалъ депутатъ отъ г. Нѣжина—Костевичъ. Онъ доказывалъ, что запрещеніе вести торговлю чрезъ пограничныя малороссійскія таможни противно привилегіямъ, и что исключительный ввозъ и вывозъ товаровъ чрезъ петербургскую таможню поведетъ къ тому, что малороссійскіе купцы будутъ покупать заграничные товары изъ вторыхъ рукъ—отъ петербургскихъ купцовъ, и отъ нихъ же стоять въ зависимости въ сбытѣ своихъ произведеній—мѣра совершенно безполезная и даже вредная для развитія торговли тѣмъ болѣе, что ввозныя пошлины чрезъ Польшу очень невелики. Съ возраженіемъ Костевича согласились всѣ малороссіяне.

Вотъ краткое резюме всѣхъ мѣръ, рекомендованныхъ мѣщанствомъ. Другихъ желаній внѣ круга узкихъ сословныхъ интересовъ, у мѣщанъ намъ не извѣстно; ихъ не интересовалъ ни политическій кризисъ, переживавшійся Малороссіей въ послѣдніе годы, ни общія задачи родины, ни ея просвѣщеніе... и въ этомъ отношеніи мѣщанскіе наказы стоятъ значительно ниже шляхетскихъ и наказовъ духовенства.

И. В. Теличенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

III.

Кіевъ.

Путешествіе въ южныя губерніи окончательно было рѣшено въ 1784 году и тогда же, въ іюнѣ, фельдмаршалу Румянцеву поручено было заняться приготовленіями къ пріѣзду императрицы въ Кіевъ. „Графъ Петръ Александровичь[2]) (писала императрица въ іюнѣ 1784 года). Дворецъ кіевскій прикажите только починить въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ нынѣ находится, не дѣлая новыхъ пристроекъ комнатъ, ибо я видѣла по плану, что для меня на время пребыванія моего въ Кіевѣ весьма достаточно будетъ тѣхъ, кои теперь есть; въ потребномъ же случаѣ, для помѣщенія свиты моей, какъ то будетъ въ лѣтнее время, могутъ служить и находящіяся въ саду разныя бесѣдки, естьли они починены быть могутъ.—На уборы, кои также должны быть простые и только самые нужные, приказано отъ меня отпустить къ вамъ 8000 руб. Я сожалѣю, что вы нездоровы и, желая вамъ искренно совершеннаго возстановленія въ здоровьѣ вашемъ, пребуду всегда вамъ благосклонная“ [3]). Такъ писала императрица, судя только по плану и не зная въ какомъ состояніи самое зданіе дворца, а на самомъ дѣлѣ много нужно было строить, пристраивать и чинить: кіевскій дворецъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 12.

[2]) Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, род. 1725 г. ум. 8 дек. 1796 г.

[3]) Въ архивѣ мин. имп. двора кн. Высоч. повелѣній № 497.

былъ тогда въ жалкомъ положеніи, почти въ развалинахъ; приходилось исправлять стѣны, пристраивать флигеля, конюшни, огораживать сады и пр. На все нужно было денегъ.

Румянцевъ хлопоталъ, писалъ въ Петербургъ, обращался даже съ требованіемъ къ сенату, и получилъ разрѣшеніе только въ мартѣ 1786 г., а къ маю 1786 г. все было исправлено, оставалось только докончить внутреннія украшенія дворца и меблировать его. Безбородко [1]) повторялъ Румянцеву желаніе императрицы, чтобы мебель во дворцѣ была не роскошная, но только необходимая. Румянцевъ однако же выписалъ мебель изъ Москвы и отдѣлалъ 6 комнатъ императрицы шелковыми обоями. Все это сдѣлано очень экономно, на 8,000 рубл. Приготовили также и помѣщеніе для австрійскаго императора, въ ожиданіи его пріѣзда.

26 октября 1786 года Безбородко прислалъ Румянцеву списокъ лицъ, назначенныхъ въ свиту императрицы, и увѣдомилъ, что римскій императоръ [2]) „вновь подтвердилъ намѣреніе свое быть для свиданія съ ея величествомъ, естьли непредвидѣнныя обстоятельства тому не помѣшаютъ“.

15 ноября Безбородко сообщилъ Румянцеву списокъ лицъ свиты великихъ князей Александра и Константина Павловичей, присовокупляя, что препятствіемъ къ путешествію ихъ можетъ послужить одна лишь суровость зимы. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что великіе князья не поѣхали по другой причинѣ.

3 декабря 1786 года Безбородко сообщилъ Румянцеву, что въ кіевскомъ дворцѣ, кромѣ великихъ князей, надобны комнаты для помѣщенія камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой, первой камеръ-юнгферы Марьи Савишны Перекусихиной съ двумя камеръ-медхенами, и для Александра Матвѣевича Мамонова [3]). „Если императоръ Іосифъ II не пріѣдетъ,

---

[1]) Безбородко, гр. Александръ Андреев. род. 8 марта 1747 г. ум. 6 апр. 1796 года, пожалованъ въ графы 1789 г.

[2]) Іосифъ II, сынъ императора Франциска I-го и Маріи Терезіи, род. 2/13 марта 1741 г., ум. 9/20 февр. 1790 г.

[3]) Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Александръ Матвѣевичъ род. 19 сент. 1758 г. ум. 29 сент. 1803 г.

„писалъ Безбородко, то можно помѣстить дежурнаго генералъ-адъютанта графа Ангальта[1]) или еще кого изъ такихъ, коимъ немногіе надобны покои и обязаны быть ближе ко дворцу". Не забылъ при этомъ Безбородко о себѣ. Что касается до меня, то я совершенно полагаюсь на милостивое расположеніе вашего сіятельства, осмѣливаюсь донести, что по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтиться безъ нѣкотораго рода репрезентаціи, слѣдственно я предпочту хотя и не ближній домъ, но который немного пообширнѣе и выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ, въ извѣстное и обыкновенное время, не будетъ мнѣ въ тягость". Затѣмъ Безбородко высказалъ желаніе императрицы, чтобы вся свита вмѣстилась въ верхней части города, не касаясь стараго и нижняго городовъ.

Безбородку легко было изъ Петербурга сообщить Румянцеву такія условія для размѣщенія свиты. Румянцевъ зналъ, что и всѣ лица изъ свиты, подобно Безбородку, пожелаютъ имѣть помѣщеніе пообширнѣе и выгоднѣе. Но было ли это тогда возможно въ Кіевѣ? Богачи—поляки: графъ Потоцкій, Браницкій и др., а также богатые кіевскіе помѣщики къ пріѣзду императрицы спѣшили нанимать квартиры, а между тѣмъ въ это время въ Кіевѣ было всего 127 домовъ, въ которыхъ можно было найти порядочныя комнаты и въ рѣдкихъ домахъ было болѣе пяти комнатъ.

Любопытно описаніе тогдашняго Кіева, оставленное намъ однимъ изъ спутниковъ Екатерины во время ея путешествія.

„Городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви съ зелеными или вполнѣ вызолоченными куполами, но совсѣмъ другое, когда вы вступите внутрь этого города. Кіевъ состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: Печерскъ съ новою крѣпостью и Старый городъ на значительной возвышенности. Подолъ расположенъ на 40 саженъ ниже этой воз-

---

[1]) Графъ Θедоръ Астафьевичъ, род. 10 мая 1732 г., ум. 2 мая 1794 г. Въ русской службѣ съ 1783 г.

вышенности, на берегу Днѣпра. Всё, что доставляется водою: лѣса и товары, необходимо перевозить съ Подола въ верхнія части города, въ которыхъ иногда недостаетъ воды для питья. Подолъ очень близко примкнутъ къ горѣ, а Днѣпръ ежегодно, въ половодье, смываетъ отъ 20 до 30 избъ (Hütten), которыя опять вновь строятъ. На Подолѣ, по случаю глубокой грязи, улицы вымощены сплоченными брусьями, а если во время сухой погоды случается пожаръ, то весьма легко обхватываетъ огонь и дома, и улицу. На Печерскѣ я видѣлъ какъ экипажъ (Wagen), запряженный въ двѣ лошади, а другой въ шесть лошадей, не могли выбраться изъ грязи. Въ верхнемъ городѣ есть одинъ только каменный красивый домъ, который построенъ монахами, а теперь принадлежитъ казнѣ. Дворецъ въ Кіевѣ выстроенъ изъ дерева и не близко отъ всѣхъ трехъ городовъ, при дворцѣ разведенъ большой садъ, красотѣ коего способствуетъ мѣстоположеніе, но не хорошо содержится. Для императрицы устроена была въ одной комнатѣ ванна... Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босыя. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, а пыль лѣтомъ нестерпима. Въ Кіевѣ, по прибытіи императрицы, три дня продолжались праздники, все это время лавки были заперты и мы не имѣли возможности достать что намъ нужно"...

„Въ Кіевѣ обыковенные жизненные припасы чрезвычайно дешевы. Прежде стоилъ фунтъ говядины много если одинъ су; несмотря на прошлогодній неурожай и всеобщую отъ него дороговизну, фунтъ говядины стоитъ только два су".

„Здѣсь рыба, дичина и пр. очень дешевы; но рыба далеко не такъ вкусна, какъ въ Петербургѣ. Волошскія вина тоже дешевы; но привозные товары изъ чужихъ далекихъ странъ вдвое дороже; жители однакоже успѣли воспользоваться присутствіемъ двора и продавали все необыкновенно дорого. За наемъ квартиры на шесть недѣль требовали столько же, иногда даже больше, сколько стоилъ самъ домъ; въ такой же пропорціи брали и извощики [1])".

---

[1]) См. Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II, aus dem Englischen übersetzt. Koblenz 1799.

Несмотря на неблагопріятныя мѣстныя обстоятельства, Румянцевъ, распоряжаясь съ энергіею, успѣлъ приготовить помѣщенія для главныхъ лицъ свиты императрицы: статсъ-дамамъ графинѣ Браницкой [1]) и Скавронской [2]), Льву Александровичу Нарышкину [3]) и др. О князѣ Потемкинѣ, не любя его, Румянцевъ съ радостію не хлопоталъ, потому что князь самъ назначилъ себѣ квартиру въ Кіево-Печерской лаврѣ. Но сверхъ недостатка въ помѣщеніяхъ, Румянцевъ боялся и зимней погоды. „Къ нашему прискорбію (писалъ Румянцевъ къ Безбородку 20 ноября 1786 г.), зима очень рано здѣсь настала, она мѣшаетъ намъ и строить, и убирать, но боюсь, что дома будутъ вездѣ или студены, или сыры, и чтобы дорога сама при жестокой стужѣ и буряхъ, кои обыкновенно въ сіе время здѣсь бываютъ, и худобѣ саннаго пути, не навела многихъ и большихъ безпокойствъ, а чтобы Малороссія и самый Кіевъ, кои лѣтомъ, подъ пріятностію зелени и своихъ видовъ, кажутся всѣмъ веселы, тогда не показались бы и грустны, и скучны“.

Сверхъ помѣщеній для свиты, Румянцеву удалось, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, заготовить еще квартиры для начальствующихъ военныхъ лицъ,—такъ какъ къ пріѣзду императрицы собрались въ Кіевъ полки: лейбъ-кирасирскій, днѣпровскій пѣхотный, артиллерійскіе: первый канонирскій, второй фузелерскій и понтонныя роты [4]).

19-го января 1787 г. все было готово и Румянцевъ поспѣшилъ на встрѣчу императрицѣ въ мѣстечко Чечерскъ, откуда провожалъ императрицу до самаго Кіева.

29-го января, послѣ обѣденнаго стола, изъ Броваровъ,—20 верстъ отъ Кіева,—Высочайшій поѣздъ двинулся къ Кіеву. Въ

---

[1]) Браницкая, графиня Александра Васильевна урожд. Энгельгардтъ, племянница Потемкина, жена графа Ксаверія Петровича Браницкаго, польскаго коронпаго гетмана. Она род. въ 1754 г., ум. 15 августа 1838 г.

[2]) Скавронская, графиня Екатерина Васильевна, урожд. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина; жена графа Павла Мартыновича Скавронскаго.

[3]) Нарышкинъ Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, род. 23 февраля 1733 г., умеръ 9 ноября 1799 г.

[4]) Госуд. архивъ. Донесенія изъ Кіева. XVI. 742.

шестимѣстной каретѣ сидѣли Протасова, Ив. Ив. Шуваловъ [1]), Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Сегюръ [2]), Фицъ-Гербертъ; за каретою слѣдовали верхами кіевскій уѣздный предводитель, дворяне и поселяне.

Не доѣзжая трехъ верстъ до Днѣпра, императрица пересѣла въ двухмѣстную карету, заложенную императорской собственной конюшни десятью лошадьми; за каретою послѣдовали верхами шталмейстеръ генералъ-поручикъ Ребиндеръ, унтеръ-шталмейстеръ Ремезовъ и два камеръ-пажа. Вскорѣ выѣхали на встрѣчу генералъ-маіоръ Энгельгардтъ съ штабъ и оберъ-офицерами и съ эскадрономъ лейбъ-кирасирскаго полка. Отдавъ честь съ музыкою и преклоненіемъ штандарта, эскадронъ конвоировалъ карету ея величества. Также слѣдовали за каретою начальствующіе артиллеріею и инженерною частью съ ихъ командами. Съ приближеніемъ поѣзда къ Днѣпру, пущена ракета, и по этому сигналу съ Печерской крѣпости началась пальба (71 выстрѣлъ), а въ соборахъ и церквахъ колокольный звонъ..

Мостъ чрезъ Днѣпръ былъ сдѣланъ по льду изъ брусьевъ, а для перилъ служили зеленыя сосновыя вѣтви, весь мостъ уставленъ былъ матросами съ ихъ офицерами, въ зеленой одеждѣ, съ красными воротниками и бѣлыми эполетами [3]), передъ въѣздомъ на мостъ встрѣтилъ вице-адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ.

„Я думала найти въ сихъ полуденныхъ мѣстахъ и подъ 49 градусомъ, воздухъ теплый, писала императрица на другой день къ Еропкину [4]), опасалась, что черезъ Днѣпръ переѣздъ по льду будетъ почти невозможный, а напротивъ того, мы въѣхали въ сей городъ съ двадцати градуснымъ морозомъ, который

---

[1]) Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, основатель московскаго университета, род. 1727 г., умеръ 1797 г.

[2]) Сегюръ, графъ Людвигъ Филентинъ, извѣстный писатель—въ это время посланникъ французскій при нашемъ дворѣ, род. въ 1753 г., умеръ 15—27 августа 1830 года.

[3]) См. книгу: Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. Koblenz 1799. Стр. 65.

[4]) См. сочин. Екатерины II, изд. Смирдина, т. I, стр. 338.

и въ Петербургѣ рѣдкость. Однако все воздухъ здѣсь имѣетъ менѣе суровости, понеже при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ непримѣтно было, чтобъ кто отморозилъ уши или носъ, чтобы конечно, на сѣверѣ воспослѣдовало".

У первыхъ тріумфальныхъ воротъ (на городской сторонѣ), названныхъ *Зелеными*, вышли на встрѣчу городничій и магистратъ; городской голова съ купечествомъ поднесли императрицѣ хлѣбъ и соль, волошское бѣлое и красное вино; городничій, мѣщане и рыцарство бывшихъ малороссійскихъ козаковъ и дворянъ, съ предводителями ѣхали передъ каретою императрицы.

На крѣпостномъ гласисѣ, у вторыхъ тріумфальныхъ воротъ, ведущихъ въ Печерскую крѣпость, на горѣ, встрѣчали губернаторъ, предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ, дворянство и поселяне. Тутъ же кіевскій оберъ-комендантъ Кохіусъ поднесъ императрицѣ ключи отъ крѣпости, съ которой въ это время сдѣлали 101 выстрѣлъ. При проѣздѣ черезъ тріумфальныя ворота встрѣчали женщины и дѣвушки изъ простаго народа въ малороссійскихъ кафтанахъ. У первыхъ на головахъ были кораблики, у дѣвушекъ въ косахъ были вплетены цвѣты, и сверхъ того изъ корзинъ онѣ бросали цвѣты подъ карету императрицы. Женщинъ и дѣвушекъ было до трехсотъ [1]).

По обѣимъ сторонамъ дороги, отъ тріумфальныхъ воротъ до святыхъ вратъ Печерской лавры, стоялъ днѣпровскій пѣхотный полкъ, подъ командою князя Дашкова [2]). Передъ Кіево-Печерскою лаврою у Свято-Троицкихъ воротъ императрица вышла изъ кареты и встрѣчена была преосвященнымъ Викторомъ, епископомъ переяславскимъ и коадъюторомъ кіевской митрополіи. Самуилъ, митрополитъ кіевскій, по болѣзни не могъ участвовать въ этой торжественной встрѣчѣ. Императрица приложилась ко кресту и, выслушавъ краткую привѣтственную рѣчь епископа, вступила въ монастырь: передъ нею шли сорокъ канархистовъ

---

[1]) См. Памятная книжка кіевской губерніи. Кіевъ, 1858. Стр. 33.

[2]) Дашковъ, князь Михаилъ Михаиловичъ, сынъ знаменитой кн. Дашковой. Род. 1761 г., умеръ 1807 г.

въ стихаряхъ, 16 іеродіаконовъ по два въ рядъ, 16 іеромонаховъ, хоръ монастырскихъ пѣвчихъ, шесть архимандритовъ, митрополиты: грузинскій Антоній и лакедемонскій Серафимъ и послѣднимъ шелъ епископъ Викторъ съ крестомъ.

Въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна и возглашенія многолѣтія, императрица прикладывалась къ чудотворной иконѣ Успенія Богородицы и къ мощамъ; императрицу водилъ подъ руку графъ Румянцевъ. Церковь наполнена была дамами [1]).

Дамы собрались въ церковь еще до прибытія императрицы и за холодами (было 20° мороза) стояли въ шубахъ; но при входѣ государыни, шедшей черезъ весь монастырь пѣшкомъ, онѣ съ поспѣшностію сбросили шубы долой и удостоились довольно хорошо видѣть царицу; потомъ разъѣхались по домамъ [2]).

Въ половинѣ шестого императрица прибыла изъ лавры во дворецъ, передъ которымъ кіевское дворянство построило отъ себя третьи тріумфальныя ворота. Здѣсь поставленъ былъ почетный караулъ отъ полковъ лейбъ-кирасирскаго и днѣпровскаго пѣхотнаго; во время переѣзда императрицы изъ лавры во дворецъ изъ Старокіевской крѣпости сдѣлали 33 выстрѣла.

На нижней площадкѣ дворцоваго крыльца ожидали императрицу: графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Екатерина Васильевна Скавронская, фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, губернаторъ Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, гофмаршалъ князь Өедоръ Сергѣевичъ Барятинскій; а также пріѣхавшіе изъ Польши: графъ Браницкій, графъ Потоцкій, князь Сапѣга; мѣстный дивизіонный генералитетъ, дворянство и чиновники. Пройдя въ покои,—императрица принимала и жаловала къ рукѣ только племянницъ князя Потемкина: графиню Браницкую и графиню Скавронскую; вечеромъ, позабавившись въ карты, императрица въ 8 часовъ удалилась въ свои покои.

Старикъ Румянцевъ былъ совершенно счастливъ, принимая дорогую гостью, а императрица съ своей стороны, несмотря на

[1]) Памятная книжка кіевской губерніи 1858 года.

[2]) Дневникъ, веденный во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ въ 1787 г. Андреемъ Полетикою. Напеч. въ Сынѣ Отечества 1843 г. Мартъ. Стран. 3.

интриги Потемкина противъ Румянцева, любила старика. При каждомъ случаѣ она доказывала ему свое искреннее расположеніе. Такъ, въ апрѣлѣ 1786 г., Румянцевъ понесъ большую потерю—умерла родная его сестра, бывшая за Брюсомъ, любимая императрицею, и съ которою Румянцевъ жилъ душа въ душу;—императрица утѣшила старика сочувственнымъ письмомъ. „Графъ Петръ Александровичъ, на сихъ дняхъ я получила извѣстіе о кончинѣ сестры вашей графини Прасковьи Александровны. Въ приключеніи семъ сугубое принимаю участіе, какъ по моимъ собственнымъ расположеніямъ къ покойной, такъ и зная коликую печаль принесетъ вамъ сія потеря. Искренно желаю, чтобъ она, не имѣла дѣйствія надъ здоровьемъ вашимъ для меня и государства драгоцѣннымъ".—Передъ отѣздомъ въ путешествіе, 1-го января, дочь Румянцева была пожалована во фрейлины.

Во дворцѣ, во внутреннихъ комнатахъ, у дверей стояли часовые отъ лейбъ-кирасирскаго полка, а у треттьей комнаты, со входу изъ тронной залы два сержанта того-же полка съ обнаженными саблями. Изъ лицъ свиты во дворцѣ помѣщены были только: камеръ-фрейлина А. С. Протасова, генералъ-адъютантъ Ангальтъ, генералъ-адъютантъ и дѣйствительный камергеръ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Марья Савишна Перекусихина, камеръ-юнгферы, камеръ-медхены и камердинеръ Зотовъ. Остальныя лица свиты размѣщены на квартирахъ въ разныхъ домахъ города [1]).

На слѣдующій день, съ 11 часовъ утра, начался съѣздъ во дворецъ. Императрица вышла изъ внутреннихъ покоевъ въ 12 часу и принимала поздравленія отъ знатнаго духовенства и всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Всѣ они были допущены къ рукѣ, сперва архіерей слуцкій Викторъ съ печерскими монахами, принесшими пять хлѣбовъ и двѣ иконы, а потомъ всѣ прочіе.

Императрица жаловала каждому руку съ веселымъ видомъ и была благосклонна. Въ комнатѣ во время представленія по правую сторону возлѣ императрицы стояли придворные, генералы и посланники, а по лѣвую двѣ статсъ-дамы, графини Бра-

---

[1]) Камеръ-Фурьерскій журналъ 1787 года.

ницкая и Скавронская. При представленіи дворянъ, губернскій предводитель гвардіи подпоручикъ Капнистъ сказалъ рѣчь:

„Всемилостивѣйшая государыня! Ваше императорское величество вожделѣннымъ въ сей край пришествіемъ дополняете всѣ несчетныя милости, коими вы осчастливили его. Мы, падая къ стопамъ вашего величества, приносимъ за то нашу всеподданнѣйшую благодарность и просимъ быть удостовѣренною о неизрѣченной радости, съ которою мы видѣли васъ, нашу благотворительницу, въ отечествѣ нашемъ“ [1]). Затѣмъ купечество и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль на большомъ кругломъ серебряномъ блюдѣ, разные фрукты въ плетеныхъ подъ зеленою тафтою корзинахъ и волошскія вина въ стеклянныхъ сосудахъ [2]). Потомъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко представлялъ пріѣхавшихъ изъ Польши: графа Браницкаго, великаго гетмана короннаго, литовскаго маршала графа Потоцкаго, графа Мнишка, князя Сапѣгу, графа Вьельгорскаго и камергера польскаго Суходольскаго.

Обѣдъ въ тронномъ залѣ былъ приготовленъ на 81 персону; столъ сервированъ былъ парижскимъ серебрянымъ сервизомъ. Къ столу приглашены были между прочими: статсъ-дамы графини Браницкая и Скавронская, также прибывшія изъ Польши: графы Браницкій и Потоцкій и князь Сапѣга (К. Ф. ж. 1787 г.). Съ правой стороны императрицы сидѣлъ преосвященный Викторъ, а съ лѣвой австрійскій посланникъ графъ Кобенцель [3]). (Памятная книжка кіевской губерніи 1858 г.).

31-го января въ воскресенье, по утру, народъ толпился передъ Софійскимъ соборомъ. Появилась карета императрицы, раздались восторженные крики, народъ, кидая въ воздухѣ шапки, бросился къ монастырскимъ воротамъ посмотрѣть на государыню. Здѣсь ожидалъ епископъ Викторъ. При пѣніи хора митрополичьихъ пѣвчихъ и колокольномъ звонѣ, предшествуемая епи-

---

[1]) Рѣчь Капниста выписана изъ рукописи, хранящейся въ архивѣ министерства императорскаго двора, подъ заглавіемъ „*Журналъ путешествій*“ 1787 года.

[2]) Камеръ-Фурьерскій журналъ 1787 года.

[3]) *Кобенцель*, графъ, австрійскій посланникъ при россійск. дворѣ съ 1779 по 1797 годъ, род. въ 1753 г. ум. въ 1809 г.

скопомъ императрица, войдя въ Софійскій соборъ, прикладывалась къ образамъ и мощамъ св. митрополита кіевскаго Макарія и потомъ перешла въ келлію митрополита Самуила[1]), къ которому наканунѣ посылала придворнаго доктора, по случаю его болѣзни.

Въ это время въ домовой митрополичьей церкви Воскресенія Христова совершалъ литургію епископъ Викторъ. Митрополитъ былъ еще такъ слабъ, что не могъ самъ служить, а находился въ алтарѣ, но по окончаніи служенія, онъ въ церкви привѣтствовалъ императрицу рѣчью:

„Всемилостивѣйшая государыня! Коль горячимъ усердіемъ, коль ревностными и алчными желаніями воспламеняемы были сердца и души наши зрѣти твое матернее и монаршее лице въ сихъ благословенныхъ предѣлахъ, въ семъ древнѣйшемъ и высокихъ твоихъ родоначальниковъ престольномъ градѣ, не находимъ къ изъявленію нашихъ чувствованій ни словъ, ни выраженій, ни доказательствъ довольныхъ“.

„Когда Небесный Учитель вліялъ въ сердца любезныхъ своихъ учениковъ живое ощущеніе блаженства, проистекающаго отъ лицезрѣнія Превѣчнаго Отца, тогда одинъ изъ нихъ въ радостномъ восторгѣ воскликнулъ: Господи! покажи намъ Отца и довлѣетъ“.

„Единое возвѣщеніе всевождѣленнаго твоего путешествія къ намъ, толикія произвело въ сердцахъ нашихъ движенія, что мы, возведъ очи и воздѣвъ руки къ небесамъ, непрерывно взывали: Господи! Покажи намъ благоутробнѣйшую нашу матерь и довлѣетъ! Покажи намъ кроткую и милосердную нашу самодержицу и довлѣетъ! Покажи намъ человѣколюбивую и премудрую нашу законодательницу и довлѣетъ!“

„Се нынѣ исполнися во благихъ желаніе наше! Се знаменанася на насъ свѣтъ лица твоего! Зримъ очи, сіяющія человѣколюбіемъ, лобызаемъ десницу, подписующую наше сча-

---

[1]) Самуилъ въ 1768 году назначенъ епископомъ въ Бѣлгородъ, въ 1772 г. крутицкимъ, въ 1776 г. архіепископомъ въ Ростовъ, въ 1783 году митрополитомъ въ Кіевъ.

стіе, слышимъ уста, испускающія сладость, веселіе и премудрость".

„Но чѣмъ откроемъ чувства сердецъ нашихъ, неизрѣченною благодарностію и радостію кипящихъ?"

„Ликаонскіе народы, увидѣвъ божественныхъ мужей, возвѣщающихъ имъ миръ и спасеніе, и плѣнясь сладостію глаголовъ ихъ, толикою пронзены были благодарностію, что, признавъ въ нихъ нѣкое божество, устремились на принесеніе имъ жертвъ, единому Богу свойственныхъ".

„Мы во власти твоей монаршей со благоговѣніемъ почитаемъ и исповѣдуемъ власть, силу и могущество небеснаго Божества; мы во благодѣяніяхъ тобою прещедро на насъ изливаемыхъ благословимъ десницу, исполняющую всяческая благости; мы въ матернемъ твоемъ лицѣ признаемъ и созерцаемъ лице Превѣчнаго Отца".

„Какіе убо воздвигнемъ тебѣ алтари? Какіе поставимъ жертвенники? Какой на нихъ воскуримъ ѳиміамъ?

„Сердца, искренностію и вѣрностію возженныя, да будутъ алтарями. Чистѣйшія желанія и горячія молитвы, Всевышнему возсылаемыя, да будутъ жертвами".

„Сію воню благоуханія, изъ глубины сердецъ и нѣдръ душъ нашихъ восходящаго, да обоняетъ самъ Царь царей, а ваше величество, яко всеавгустѣйшая помазанница, сего чистосердечнаго жертвоприношенія не презри, но милостиво и благоутробно приняти благоволи" [1]).

Изъ Софійскаго собора, императрица возвратилась во дворецъ при пушечной пальбѣ съ Печерской и Старокіевской крѣпостей.

Передъ обѣдомъ императрица играла въ шахматы съ Мамоновымъ, Кобенцелемъ и Сегюромъ.

Въ вечеру, передъ баломъ были представлены и жалованы къ рукѣ дамы какъ иностранныя и изъ Петербурга пріѣхавшія, такъ и кіевскія; сверхъ того императрицѣ представлены были

---

[1]) Изъ рукописи, хранящейся въ придв. архивѣ, подъ заглавіемъ: Журналъ путешествія въ 1787 году.

три армянки,—семейство одного вступившаго въ подданство и пожалованнаго статскимъ совѣтникомъ,—въ платьяхъ ихъ покроя и обычая. На балу было до 500 гостей [1]). Императрица одѣта была въ зеленое русское платье, волосы причесаны низко; на лѣвой сторонѣ приколоты бриліантовыя тросавки. (Дневникъ Полетики. Сынъ Отечества, 1843 г., мартъ. Стр. 4).

Балъ открылъ оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ польскимъ танцемъ, потомъ послѣдовали три менуэта, контрдансы и наконецъ козачекъ [2]) Во время бала императрица играла въ карты съ Мамоновымъ, Кобенцелемъ и Сегюромъ [3]).

1-го февраля наступила масляница и принесла теплую погоду. „Послѣ сильныхъ морозовъ писала императрица 3-го февраля къ Еропкину, вчерашній день стало таять, и сегодня почти уже весь снѣгъ пропалъ“ [4]).

Весь первый день масляницы императрица провела не выѣзжая изъ дворца,—но на обѣдъ приглашено было 25 персонъ; до обѣда и послѣ обѣда и вечеромъ императрица играла то въ шахматы, то въ карты, но, по обыкновенію, удалялась въ свои комнаты въ 9 часовъ вечера.

2-го февраля въ праздникъ Срѣтенія Господня императрица выѣзжала къ литургіи въ Кіево-Печерскую лавру; у Святыхъ воротъ ее встрѣтилъ намѣстникъ іеромонахъ Каллистъ съ братіею; литургію императрица слушала въ церкви св. Николая Чудотворца, служилъ грузинскій митрополитъ преосвященный Антоній, пѣли придворные пѣвчіе. По возвращеніи изъ лавры во дворецъ, императрица до обѣда играла въ шахматы съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, Степаномъ Ѳедоровичемъ Стрекаловымъ и англійскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ. Къ обѣду были приглашены графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и сверхъ кіевскихъ начальствующихъ лицъ, пріѣхавшіе въ Кіевъ знатные поляки: графъ Браницкій, графъ

---

[1]) См. Соч. Екатер. II изд. Смирдина, т. III, стр. 336 и Дневникъ Полетики.

[2]) Памятная книжка кіевской губерніи 1858 г.

[3]) Камеръ-Фурьерскій жур. 1787.

[4]) Сочиненія императрицы Екатерины II, т. III. Изданіе Смирдина. Спб. 1850. Стр. 336.

Потоцкій, князь Сапѣга, графъ Мнишекъ, графъ Вьельгорскій и камергеръ Суходольскій.

3-го февраля опять большой обѣдъ на 45 персонъ, но выѣзду не было, по случаю оттепели и грязи. Вечеромъ пріѣхалъ въ Кіевъ князь Потемкинъ [1]), остановился въ лаврѣ, и до послѣдняго дня масляницы не являлся къ императрицѣ.

Въ четвергъ 4-го февраля, въ день рожденія великой княжны Маріи Павловны, императрица снова посѣщаетъ лавру при пушечной пальбѣ и съ большою свитою, потомъ, во дворцѣ, пріемъ придворныхъ и пріѣзжихъ съ поздравленіями, и тутъ же оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ присланныхъ отъ дворянства харьковской губерніи депутатовъ.— Шидловскій, губернскій предводитель, сказалъ императрицѣ рѣчь:

„Всемилостивѣйшая государыня! Харьковское дворянское общество, торжествовавъ нынѣ въ третій разъ свое блаженство возобновленіемъ выборовъ по мудрымъ, благотворительнымъ и святочтимымъ монаршимъ твоимъ узаконеніямъ, избрало насъ повергнуться къ освященнѣйшимъ стопамъ твоимъ со всеглубочайшею благодарностію, коею преисполнены сердца наши! Тщетно бъ дерзнули мы изобразить коль велико сіе чувствіе! Оно выше словъ и единыя благодѣянія твои его превыше. Но да исполнится сладчайшая наша надежда! Да увидимъ мы въ странѣ своей, ожиданіемъ уже восхищенной, великую свою обладательницу и несравненную мать отечества! Тогда всеобщій восторгъ цѣлаго нашего общества, радостныя лица и восклицанія щастливыхъ обитателей обильныхъ полей нашихъ внушатъ болѣе чувствительной душѣ твоей и содѣланное тобою благополучіе твоихъ вѣрноподданныхъ, и признаніе ихъ къ непрестанно изливаемымъ твоимъ щедротамъ“.

Передъ обѣдомъ императрица забавлялась въ шахматы вчетверомъ: съ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ и англійскимъ посланникомъ. На великолѣпный обѣдъ, между прочимъ, приглашены были польскіе магнаты: графъ Браницкій,

[1]) Дневникъ Полетики. Стр. 5.

графъ Потоцкій, князь Сапѣга, графъ Мнишекъ и графъ Вьельгорскій. Первый тостъ за здоровье великой княжны Маріи Павловны провозглашенъ былъ самою императрицею, при пушечной пальбѣ съ Печерской крѣпости. Кубокъ императрицѣ подавалъ гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинской. Вечеромъ во дворцѣ балъ и когда стемнѣло, въ 8 часу, зажженъ былъ фейерверкъ.—Императрица смотрѣла въ окна изъ билліардной комнаты.

На другой день, 5-го февраля, опять балъ и маскарадъ у генералъ-губернатора графа П. А. Румянцева. Сверхъ придворныхъ, особо было приглашено по билетамъ 120 человѣкъ, начиная съ бригадирскаго ранга. Вотъ описаніе этого бала очевидцемъ:

„Императрица пріѣхала въ 8-мъ часу, ее встрѣтили на парадномъ крыльцѣ придворные и генералитетъ въ черныхъ, розовыхъ и орѣховыхъ епанчахъ (домино), безъ мазокъ и всѣ провожали ее въ залъ.

Пройдя съ графомъ въ другіе покои, осматривала ихъ и, возвратясь въ послѣднюю комнату, назначенную для ея пребыванія, разговаривала съ графомъ Безбородко, а по окончаніи разговоровъ вышла въ другую комнату, гдѣ для ея величества приготовлено было мѣсто.

Посмотрѣвъ пристально съ улыбкою на портретъ свой, висѣвшій на этомъ мѣстѣ, ея величество сѣла на свое мѣсто и начала съ тремя мужчинами играть въ карты, а на другихъ столахъ играли другіе господа. Послѣ начали съѣзжаться дамы въ маскарадныхъ платьяхъ, которыя при входѣ являлись къ государынѣ, и по отданіи поклона, отходили обратно въ покои на другую половину черезъ сѣни.

Государыня была не въ маскарадномъ платьѣ, но въ женскомъ кирасирскомъ мундирѣ. Городъ весь былъ иллюминованъ и передъ дворомъ графскимъ иллюминація съ разными рисунками, а особенно стоялъ одинъ большой кругъ, освѣщенный огнями, съ вензелемъ ея величества, а вокругъ него вензели всей царской фамиліи. По сторонамъ этого круга поставлены были два небольшіе круга съ вырѣзкою деревъ еловыхъ, кото-

рые въ 9-мъ часу были зажжены и горѣли голубымъ огнемъ, представляя изъ себя и другіе огни" [1]).

На другой день, по приглашенію графа Румянцева, вся свита и придворные были на маскарадѣ, въ зданіи магистрата на Подолѣ; угощеніе было на счетъ графа Румянцева. Но императрица не изволила быть [2]).

Послѣдній день масляницы (7 февраля) начался богомольемъ въ Фроловскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. У св. воротъ встрѣтила игуменья Августина, изъ фамиліи Апраксиныхъ, съ иконою, а монахини поднесли хлѣбъ и соль на фаянсовомъ блюдѣ *безъ солонки*. Посѣтивъ игуменью въ ея келліи, императрица возвратилась во дворецъ, гдѣ ей были представлены прибывшіе въ Кіевъ: принцъ Нассау [3]) и воевода русскій, польскій графъ Потоцкій. Въ этотъ день въ первый разъ записано въ К.-ф. журналѣ появленіе ко двору князя Потемкина,— онъ былъ приглашенъ къ обѣду. Вечеромъ, въ 9 часу, окончивъ партію въ вистъ съ посланниками, императрица, по случаю наступающаго великаго поста, „откланялась" собравшимся знатнымъ особамъ и удалилась во внутренніе свои аппартаменты [4]). Такимъ образомъ, съ перваго дня пріѣзда императрицы все время проходило въ пріемахъ оффиціальныхъ, въ празднествахъ, балахъ и маскарадахъ. Французскій посланникъ графъ Сегюръ, неимѣвшій достаточно времени, чтобъ осматривать подробно все любопытное, проговорился кому то изъ придворныхъ, что ему очень досадно проѣхать такъ далеко для того только, чтобы видѣть дворъ, слушать греческія обѣдни и присутствовать на балахъ. Кто то пересказалъ объ этомъ императрицѣ; при первомъ же удобномъ случаѣ она сказала Сегюру: „меня увѣряютъ, вы будто осуждаете меня, что я путешествую по

[1]) Изъ Дневника Полетики. Сынъ Отеч. 1843. Мартъ. Стр. 6.—Въ Камеръ-фурьер жур. 1787 г. записано, что императрица была въ обыкновенномъ русскомъ платьѣ. К.-ф. ж., 1787, 5 февр.—Въ Херс. Губ. Вѣд. 1871 г, № 33 напечатано тоже въ кирасирскомъ мундирѣ.

[2]) Дневникъ Полетики. Стр. 6.

[3]) Нассау-Зигенъ, принцъ, род. 1745 г. ум. 10 апрѣля 1808, вступилъ въ русскую службу въ 1788 году.

[4]) К.-ф. журналъ. 1787.

моей имперіи для того только, чтобъ давать во всѣхъ городахъ аудіенціи и праздники—вы очень ошибаетесь: я путешествую не для осмотра мѣстностей, а чтобъ высмотрѣть людей; по планамъ и описаніямъ я знаю все то, чего при быстрой ѣздѣ я не могу увидѣть. Для меня же необходимо, чтобъ народъ могъ приближаться ко мнѣ, чтобъ я могла дать доступъ ко мнѣ его жалобамъ и чтобы могла заставить бояться тѣхъ, которые могутъ злоупотреблять предоставленною имъ отъ меня властью, и надѣюсь, что я открою ихъ ошибки, ихъ небрежность или ихъ несправедливость—вотъ польза, которую я ожидаю отъ моихъ путешествій; одно разглашеніе объ нихъ уже приноситъ пользу. Я держусь пословицы „отъ глаза хозяина толстѣетъ и здоровѣетъ лошадь".

Всѣ эти празднества, балы и оффиціальные пріемы утомили императрицу. Съ наступленіемъ великаго поста она усердно принялась за богомолье и за переписку съ друзьями.

Одинъ изъ нихъ особенно пользовался ея довѣріемъ —это былъ баронъ Гриммъ, жившій въ Парижѣ. Въ письмахъ къ нему она повѣряла самыя сокровенныя тайны о близкихъ ей людяхъ и дѣлахъ: о Бобринскомъ и о своихъ любимцахъ, особенно объ умершемъ Ланскомъ, о Потемкинѣ и даже о несчастной герцогинѣ виртембергской, которая, наканунѣ отъѣзда императрицы изъ Петербурга, бѣжала отъ побоевъ своего мужа во дворецъ [1]). Первое письмо къ Гримму изъ Кіева отъ 8 февраля: „Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здоровьѣ при морозѣ въ 20 градусовъ, несмотря на этотъ холодъ не было отмороженныхъ ни ушей, ни носовъ. Мы проводили всѣ дни въ балахъ, въ празднествахъ, маскарадахъ, и сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и прекратился весь этотъ шумъ (bruit). Половина Польши здѣсь, принцъ нассаусскій, испанскій грандъ, пріѣхалъ сюда и одинъ испанецъ по имени Мирондо. Когда они всѣ уѣдутъ отсюда, они скажутъ, что не стоило пріѣзжать. Странный этотъ городъ Кіевъ, здѣсь только крѣпости и пред-

---

[1]) Смотри письма Екатерины къ Гримму, напечатанныя въ 23 томѣ Сборника, изд. Императорскимъ Историческимъ Обществомъ.

мѣстье, и мнѣ наскучило отыскивать городъ, который, по всѣмъ признакамъ, въ старину былъ такъ же великъ, какъ Москва". „Отыскивая городъ", императрица однако же интересовалась узнать, какое впечатлѣніе произвелъ Кіевъ на ея спутниковъ посланниковъ. „Какъ вы находите Кіевъ?" спросила она австрійскаго посланника. „Государыня, я не видѣлъ города прекраснѣе, величественнѣе, великолѣпнѣе Кіева", отвѣчалъ Кобенцель. Сегюръ отвѣчалъ какъ поэтъ: „Государыня! Кіевъ представляетъ собою прошедшее и будущее великаго города". На Фицъ-Герберта, вѣроятно, нашелъ въ это время отечественный сплинъ и онъ отвѣчалъ: „Это очень грустное мѣсто, видны только развалины и избушки" [1]).

Въ продолженіе первой недѣли великаго поста императрица никуда не выѣзжала. Посланники не приглашались болѣе къ обѣду по случаю поста и веселились въ отведенныхъ имъ квартирахъ.—Вотъ какъ описываетъ ихъ житье—бытье французскій посланникъ графъ Сегюръ:

„Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой—нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ". (Записки гр. Сегюра 1785—1789 г. изд. 1865 г. стр. 164).

„Такъ какъ мы всѣ, Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ, принуждены будемъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу. Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы въ продол-

---

[1]) Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Переводъ съ франц. Спб. 1865 г., стр. 159.

женіе всей дороги мы жили на ея счетъ. Я остановился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и снабженномъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, оффиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что впродолженіе всего путешествія единственно дозволенною для насъ издержкою были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось дѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы соображались съ волею императрицы, и какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, какъ любой русскій бояринъ или какой нибудь потомокъ Рюрика или Владиміра. Когда императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились сходиться у графа Кобенцеля, потому что домъ его былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что для насъ было пріятнѣе. Сообща намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ. По этому распорядку, мнѣ приходилось обѣдать дома только тогда, когда я былъ нездоровъ или хотѣлъ принять у себя только своихъ пріятелей. (Зап. гр. Сегюра 1785—1789 гг. изд. 1865 г. стр. 155).

Сегюръ, въ своихъ запискахъ, оставилъ намъ любопытный разсказъ о Суворовѣ.—Въ числѣ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ посмотрѣть на императрицу, былъ знаменитый французскій полковникъ Ламетъ, посѣщавшій часто Сегюра. Одинъ разъ онъ встрѣтился тутъ и съ Суворовымъ.—„Ваше отечество?" спросилъ Суворовъ отрывисто.—„Франція". „Ваше званіе?"—„Солдатъ".—„Вашъ чинъ?".—„Полковникъ".—„Имя?"—„Александръ Ламетъ".—„Хорошо". Ламетъ, не совсѣмъ довольный этимъ небольшимъ допросомъ, въ свою очередь обратился къ генералу, смотря на него пристально: „Какой вы націи?"—„Должно быть русскій.—„Ваше званіе?."—„Солдатъ."—„Вашъ

чинъ?"—„Генералъ".—„Имя?"—„Александръ Суворовъ".—„Хорошо". Оба расхохотались и съ тѣхъ поръ были очень хороши между собою. (Запис. гр. Сегюра 1785—1789 г., изд. 1865 г. стр. 161).

Между тѣмъ во дворцѣ первая недѣля великаго поста проходила, сравнительно съ обыкновенными днями, безъ всякихъ особенныхъ увеселеній. Игры въ шахматы, билліардъ и карты прекратились. Поутру, въ 10 часу, духовникъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ отправлялъ церковныя службы. Къ обѣду приглашались только лица свиты, изъ постороннихъ же только графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ и одинъ разъ англійскій посланникъ.

Обѣденный столъ и дессертъ изготовлялись постные.—Въ 5 часу отправлялись ефимоны. До 8 ч. вечера императрица проводила съ приближенными въ разговорахъ.

Въ среду передъ аудіенцъ-камерою въ кавалерской столовой комнатѣ поставлена была пѣхотнаго днѣпровскаго полка походная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, въ тотъ же день она освящена и въ ней отслужена духовникомъ утреня, часы и преждеосвященная литургія. Въ пятницу вечеромъ, послѣ исповѣди у духовника своего, императрица изъ своихъ комнатъ въ собраніе не выходила. Духовнику за исповѣдь пожалована тысяча рублей. Въ субботу государыня во внутреннихъ своихъ покояхъ слушала правило къ св. Причащенію, а между тѣмъ съѣхалась вся свита. Сопровождаемая ею императрица, въ 9 часу утра, выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь къ литургіи. По начатіи каноника государыня прикладывалась къ св. иконамъ, за нею прикладывались: камеръ-фрейлина Протасова, фрейлина графиня Е. И. Чернышева и прочія изъ свиты, въ это время постившіеся. По окончаніи каноника и молитвъ къ св. Причащенію, для пріобщенія св. Христовыхъ Таинъ, императрица взошла въ царскія врата и близь оныхъ, противъ престола въ алтарѣ, приняла св. Дары, потомъ, по выходѣ въ царскіе же врата, духовникъ ея поднесъ антидоръ, гофмаршалъ князь Барятинскій теплоту и камергеры Чертковъ

и Нелединскій воду и утиральникъ (К.-ф. ж. 1787). Послѣ императрицы пріобщались лица свиты. Къ обѣду были приглашены не много лицъ изъ свиты и сверхъ того Румянцевъ и Потемкинъ, который во всю недѣлю не являлся во дворецъ. Вечеромъ, послѣ церковнаго служенія, походная церковь была вынесена изъ дворца (К.-ф. ж. 1787 г.).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій.

(1696 — 1720 г.).

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка сотникомъ пирятинскимъ былъ, впродолженіе четверти столѣтія, Семенъ Вакуленко, принявшій сотничій урядъ въ началѣ 1696 г. отъ Андрея Гладкого и уступившій его въ 1720 г. Григорію Корнѣевичу.

I.

Семенъ Вакуленко не выдавался изъ рядовъ малороссійской старшины ни своимъ оразованіемъ, ни какими-либо военными или гражданскими доблестями и, по всей вѣроятности, не заслуживалъ бы особеннаго вниманія историка и могъ бы быть причисленъ съ перваго взгляда къ сонму ему подобныхъ представителей старшины, если-бы прошлое лѣвобережной Украины было разработано и изучено въ деталяхъ. Въ настоящее время, когда еще такъ мало изслѣдованій по исторіи гетманщины и, въ частности, совсѣмъ нѣтъ ихъ по исторіи лубенскаго полка, заключавшаго въ себѣ и пирятинскую сотню и занимавшаго обширную территорію по бассейну р. Сулы отъ истоковъ ея до устья, весьма важно ознакомиться съ личностью сотника, пановавшаго столь долгое время въ благодатныхъ пирятинскихъ степяхъ и доставившаго своимъ потомкамъ крупицы отъ обильной трапезы знаменитаго въ лѣтописяхъ малороссійскаго землевладѣнія лубенскаго полковника, Леонтія Назаровича Свѣчки, чуть не сравнявшагося по своимъ, правымъ и не правымъ путемъ

нажитымъ, земельнымъ богатствомъ со своимъ предшественникомъ въ Лубенщинѣ блестящимъ княземъ „na Lubniach“ Іереміей Вишневецкимъ.

Семенъ Вакуленко является типичнымъ представителемъ сотенной старшины, подбиравшей къ своимъ рукамъ, благодаря своему общественному положенію, неинтересные для „великихъ пановъ“, генеральныхъ и полковыхъ урядниковъ, „гайки, нивки, млинки“, методически собиравшей эти крохи, формировавшей такимъ образомъ среднее землевладѣніе и положившей этимъ путемъ прочныя основы благосостоянію позднѣйшихъ потомковъ своихъ, нынѣшняго малороссійскаго дворянства. Изучая дѣятельность Семена Вакуленка и его ближайшаго потомства, мы можемъ выяснить съ достаточной подробностью вопросъ объ образованіи малороссійской старшины, позднѣйшаго шляхетства, объ ея постепенномъ выдѣленіи изъ состава рядоваго козачества и усиленіи, при помощи эксплуатаціи своихъ же собратовъ козаковъ и безправныхъ посполитыхъ.

Разнообразны были виды эксплуатаціи, средства къ обогащенію.

Наиболѣе выгодною и всякому доступною отраслью сельскаго хозяйства въ старой Малороссіи были мельницы: водяная сила—даровая, лѣсъ, по малочисленности населенія, тоже ничего не стоилъ, нужно было лишь приложить личный трудъ и въ рукахъ было дѣло, доставлявшее живецъ для дальнѣйшаго развитія благосостоянія; поэтому не было рѣки или рѣченки въ лѣвобережной Украинѣ, которая не была бы запружена въ разныхъ мѣстахъ по своему теченію гатями съ большими и малыми „млинами“.

И въ дѣлѣ устройства плотинъ съ мельницами болѣе сильные имѣли преимущества—они выбирали лучшія мѣста, пользовались въ большемъ размѣрѣ даровымъ трудомъ „черни“, эксплуатируя ее на разные лады.

Для иллюстраціи этого, мы прослѣдимъ устройство трехъ плотинъ съ мельницами по теченію р. Удая въ предѣлахъ пирятинской сотни—при с. Новой Греблѣ, с. Великой Кручѣ и с. Кейбаловкѣ. Первыя двѣ существуютъ и по-нынѣ, будучи выгачены по волѣ представителей высшей старшины въ наилуч-

шихъ, конечно, мѣстахъ р. Удая, отъ третьей не осталось и слѣда.

Ново-гребельская плотина была устроена по желанію знаменитой гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Въ бытность лубенскаго полковника Василія Савича весной 1712 г. въ Глуховѣ, гетманша сообщила ему, что на р. Удаѣ около с. Гурбинецъ одинъ козакъ устроилъ запруду и поставилъ небольшую мельницу, которая и куплена ею у него „для потреби двору рейментарского“, но что запруда устроена плохо, а потому она просила полковника сдѣлать распоряженіе жителямъ окрестныхъ селъ о надлежащей насыпкѣ плотины въ указанномъ мѣстѣ. Вернувшись въ Лубны, Савичъ разослалъ ордеръ пирятинскому сотнику, городовому атаману и войту, а также сельскимъ атаманамъ с. Дащенокъ, с. Яцынъ, с. Бѣлоцерковецъ, с. Кейбаловки, с. Харьковецъ, с. Усовки, с. Мокляковъ, с. Кротовъ, с. Гурбинецъ, с. Леляковъ, с. Митченокъ, с. Сосиновки, с. Давидовки, с. Гробаровки, с. Вечурокъ, товариству и войтамъ тамошнимъ съ посполитыми людьми, о томъ, чтобы они выгатили, какъ слѣдуетъ быть, новую плотину (греблю) и впредь, „по давнему обикновенію“ исправляли, когда нужно. Пирятинской же сотенной старшинѣ приказывалось особенно, чтобы она „в виганяню тих селян в час потребний неоспалое ложила старання, а вишеупомянутих сюл жители якъ козаки, такъ и посполитие без жадной очурности предреченую новую греблю гатити повинни, а найбарзѣй в час сей, в котрий, за нераденіемъ тамошних мелниковъ, подлуг належитости оная не зостает уфундована“, кромѣ того пирятинскому сотнику приказывалось, „вичитавши сей ордеръ, одослати до рукъ его милости пана сотника прилуцкого полкового, а соби такийже список зоставивши, подлуг указу, в нем вираженого, справу тею мѣти“. Конечно, воля властолюбивой гетманши была въ точности исполнена и „новая гребля“ существуетъ и по-нынѣ около одноимяннаго села и съ трудомъ поддерживается, безъ содѣйствія, само собою разумѣется, обывателей болѣе чѣмъ тридцативерстной окружности.

Ясновельможной гетманшѣ можно было, конечно, въ широкой степени пользоваться даровымъ трудомъ „черни“; полковая старшина, при всемъ своемъ значеніи, не всегда могла прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, для приведенія въ исполненіе своихъ корыстолюбивыхъ желаній, и измышляла другіе способы, оформливая ихъ въ видѣ договоровъ, внесенныхъ въ „мѣскія книги“, договоровъ, напоминающихъ игру кота съ мышью.

Въ 1675 г. къ лубенскому полковнику Ивану Өедоровичу (Сербину) обратился одинъ изъ мельниковъ пирятинскихъ, Семенъ Пацъ, съ просьбой разрѣшить устроить мельницу ниже пирятинской гребли на р. Удаѣ въ урочищѣ „Круча“, слѣдствіемъ чего былъ слѣдующій ордеръ:

„Иванъ Өедоровичъ, полковникъ в. е. ц. п. в. з. лубенскій. Пану сотникови в. е. ц. п. в. з. пирятинскому, атамановѣ городовому, войтови и всему в той сотнѣ товариству, такъ же мелникамъ тамошнимъ и посполитымъ людемъ подаю вѣдати, ижъ хотячи ми аби скарбъ войсковий з млиновъ в полку моемъ множился; а людемъ посполитымъ в молотю збожа слушная подъ часъ засухи лѣтней была выгода, теди позволилемъ пану Семену Паценковѣ, мелниковѣ пирятинскому, ниже млиновъ пирятинскихъ в Кручи, подле лѣса Турчининого, яко повѣдѣлъ той-же Семенъ, же жадному не будетъ перешкоди, на волномъ фундуши новий млинъ фундовати з еднимъ коломъ, которому то Семеновѣ Паценковѣ мелниковѣ, аби такъ от старшины и черни пирятинское, яко и от мелников пирятинских наименшое уфундованню и диспунованню млина не было перешкоди, пилно жадаю и приказую. Данъ з Лубенъ, августа 15 дня 1675 року. Звишменований полковникъ лубенскій“. (М. п. полковника Сербина).

Несмотря на полковничій приказъ, чтобы никто „от старшины“ не мѣшалъ Пацу въ его предпріятіи, новоустраиваемой греблей заинтересовался лубенскій полковой асаулъ, Леонтій Назаровичъ Свѣчка. Онъ послалъ въ с. Повстинъ, находящееся въ полуторѣ верстѣ отъ кручанской гребли, своего довѣреннаго человѣка Демьяна Малахвіенка распросить „старожитнихъ“ людей, на какомъ основаніи Семенъ Пацъ считаетъ себя владѣль-

цемъ того мѣста на р. Удаѣ, гдѣ онъ задумалъ, съ разрѣшенія полковника, устраивать мельницы, тогда какъ извѣстно, что еще прежде устроенная на этомъ мѣстѣ небольшая гребля называется „Селѣтрениковою", по имени своего фундатора. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ повстинскій священникъ, отецъ Михайло, сказалъ:

„Панъ Селѣтреникъ былъ господаремъ до тоей греблѣ, а Пацъ мѣрочникомъ, такъ якъ тепер у пана асаула полкового лубенского Дмитро Зарудненко млини строитъ".

Повстинскій атаманъ Ярушъ, Демьянъ Смаглій и Клѣщарь и „многіе люде старинніе" стали говорить: „мы того часу, якъ греблю Семенъ Селѣтреникъ займавъ, своимъ власнимъ коштомъ и скарбомъ гачовали, и намъ былъ такій могоричъ, кто привезе десятокъ албо и два десятки палей, то каждую паль по чеху платив, а хворосту хто привезе килко вузъ, то за каждій по осмаку платив, бо того часу не трудно было на хворостъ, на Слепородѣ лузѣ было безъ числа, хто хотѣвъ заробити, то возами двома и трома той хворостъ возили, а гды тую греблю зробили якъ потреба и скринѣ построили, мѣли южъ млинъ будовати, такъ Хмелниччина устала и не сталося скуткомъ слушнимъ". Малафіенко дѣлалъ распросы эти въ 1679 г. Дѣлалось это не спроста. Корыстолюбивому асаулу хотѣлось, опираясь на свидѣтельства „старожитнихъ" людей, что де Пацъ незаконно захватилъ чужую греблю, заставить послѣдняго отказаться отъ своихъ правъ и перейти на положеніе наймита, мирошника, работающаго въ пользу Свѣчки. Въ 1682 г. Свѣчка выпросилъ у новаго полковника Максима Ильяшенка ордеръ, разрѣшающій устроить гать и поставить мельницу объ одномъ колесѣ въ Кручѣ, такъ какъ будто бы до этого времени тамъ ничего еще не было устроено. Заручившись этимъ ордеромъ, Свѣчка является 20 августа 1684 г. къ пирятинскому сотенному уряду, въ лицѣ сотника Власа Семашка, атамана городоваго Андрея Гладкого, войта Семена Ковелскаго и бурмистра Гаврила Кириловича и заявляетъ:

„Пане вряде городовий перятинскій! Добродѣй мой, его милость панъ Максимъ Иляшенко, полковникъ в. е. ц. п. в. з.

лубенский з ласки своее панское на прозбу мою позволилъ млинокъ на рецѣ Удаѣ, низче греблѣ мѣское пѣрятинское в Кручи, под селомъ Повстиномъ реставровати, которий млинокъ за ласкою Божиею моглемъ бы зо всѣмъ своимъ коштомъ, якъ пристоитъ пофундовати, еднакъ до того с приязнѣ моей принялемъ Семена Паценка, мелника и обывателя перятинского, под такою кондициею: мое толко мѣстце, где зоставатеметъ млинъ, з ласки добродѣя моего его милости пана полковника, а Семенъ Пацъ повиненъ старатись деревнею, камѣнемъ, залѣзомъ и своею працею, албо рачей маетностію, той млинъ фундовати, а моя повинность толко додати ему помоци, еслибы трафилося бити палѣ на другий камѣнь, албо ступы ставити и гребельки гатити. З якого млина, кгди пофундованъ будетъ за помочию Божиею и ступы поставлены, также, если дастъ Богъ здорове, еще к томуж млинкови поставити другий камѣнь, зо всѣхъ тѣхъ млинковихъ пожитковъ и з ступъ маемо и повинни будемо з Семеномъ Пацомъ, мелникомъ и обывателемъ перятинскимъ, користовати и пожитковати сами, жоны и потомство наше на вѣчние часы по половици. Еслибы въ томъ моемъ млину мѣла быти часть войсковая, з ласки добродѣя нашего ясневелможного его милости пана гетмана, приходовъ борошеннихъ оддалена, то еднакъ другою частю, албо рачей половицею вшелякого приходу млинового с тимже Семеномъ Пацомъ будемъ делитися по половици".

Попавшемуся въ лапы хищнаго асаула, Семену Пацу ничего не оставалось, конечно, сдѣлать, какъ, „дякуючи велце пану асаулови за таковую доброту, поднятись тие всѣ потреби млиновие своимъ коштомъ вистарчати и мастерствомъ своимъ млинъ въ томъ мѣстцю и чого толко до млина того потреба указоватиметъ дѣлностю своею старатись".

Грабежъ этотъ, или, по взглядамъ того времени, „доброволний способъ", былъ узаконенъ занесеніемъ въ „мѣскую книгу" и упроченъ залогомъ въ 100 таляровъ, внесенныхъ въ войсковую казну.

Но, видно, Пацъ не вполнѣ примирился съ совершившимся фактомъ и хлопоталъ о возстановленіи своего права на владѣніе

кручинскою греблею, такъ какъ въ 1696 г. уже Свѣчка снова обратился къ содѣйствію памяти „старожитних людей“, на этотъ разъ изъ с. Деймановки—Грицко Кривецъ, Тишко Рудко, Семенъ Хурса и Грицко Сичь заявили слѣдующее:

„За пана Вишневецкого, державци сихъ повѣтовъ, бувъ нѣякій панъ, именно Семенъ Селѣтренникъ, и займавъ овую греблю своимъ власнимъ коштомъ такимъ способомъ, хто привюзъ дубувъ на палѣ, то каждую паль плативъ по чеху, а за вузъ хворосту плативъ по осмаку, а тие палѣ деймановци и повстинци вожували, которому фундованню греблѣ Пацъ старий майстромъ найдовався, и гды южъ угатили греблю и скринѣ построили, теди ми в своихъ потребахъ через греблю ежджовали в степь косити сѣновъ и жати пашень, а построивши греблю и скринѣ, мѣли млини будовати, токмож Хмелниччина стала и не пришла в совершение, що мы, вѣдаючи певне, сознаемъ“.

Попытки Паца возвратить себѣ захваченное Свѣчкой владѣніе не увѣнчались, очевидно, успѣхомъ, такъ какъ изъ духовнаго завѣщанія Леонтія Свѣчки видно, что кручанская гребля досталась сыну послѣдняго, Ивану. Злосчастный мельникъ польстился на черезчуръ лакомый кусочекъ, пришедшійся тоже по вкусу болѣе сильному, за что и поплатился, попавши въ кабалу къ послѣднему. Мѣстами удобными для устройства большихъ плотинъ съ нѣсколькими мельницами интересовались „великіе паны“, мелкая же сошка должна была довольствоваться худшими угодьями, гдѣ можно было скромными средствами устроить запруду, „гать езовимъ способомъ“, т. е. забивши колья одинъ около другого и переплетши ихъ лозою, если не хотѣла подвергнуться участи Семена Паца.

Такого рода гать устроилъ на р. Удаѣ около с. Кейбаловки козакъ и мельникъ пирятинскій, Семенъ Вакуленко. Въ томъ же году, что и Семенъ Пацъ, онъ обратился къ лубенскому полковнику Ивану Ѳедоровичу Сербину съ просьбой дозволить ему загатить Удай противъ с. Кейбаловки, верстахъ въ трехъ выше Пирятина, и поставить мельницу. Получивши разрѣшеніе, онъ устроилъ „греблю, албо рачей гать езовимъ способомъ“, и построилъ мельницу объ одномъ камнѣ, заготовивши, впрочемъ,

заставку и для другого колеса. Такъ какъ предпріятіе Семена Вакуленка по условіямъ мѣстности было очень скромное, то оно не только не возбудило аппетита Леонтія Свѣчки, но даже упрочилось и расширилось, при содѣйствіи послѣдняго. Когда въ 1685 г. Семенъ Вакуленко задумалъ воспользоваться другой заставкой и устроить другое колесо, то ему пришлось просить разрѣшенія у лубенскаго полковника Максима Ильяшенка. Опасаясь, чтобы это не повредило пирятинскимъ мельницамъ, послѣдній обратился съ соотвѣтствующимъ запросомъ къ своему асаулу, какъ пирятинскому обывателю, и получилъ отъ него, вѣроятно, „подкупленнаго" Вакуленкомъ, самый благопріятный отзывъ, вслѣдствіе чего и далъ разрѣшеніе Вакуленку на устройство другаго колеса, хотя и сомнѣвался, очевидно, въ правильности мнѣнія Свѣчки объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ ордерѣ пирятинской сотенной старшинѣ полковникъ приказываетъ, чтобы ни старшина, ни *„особливе" мельники пирятинскіе*, „не важилися жадной и наименшои в том млинѣ чинити перешкоди".

Какъ видимъ, Семенъ Вакуленко былъ первоначально простымъ козакомъ и мирошникомъ на пирятинскихъ мельницахъ. Въ 1675 г. онъ сдѣлалъ первую попытку превратиться изъ наймита въ самостоятельнаго хозяина и, соорудивши собственными руками мельницу около с. Кейбаловки, сталъ на ноги и дѣлался постепенно все болѣе зажиточнымъ. Покровительство вліятельнаго Леонтія Свѣчки очень поспособствовало его обогащенію и возвышенію.

Хронологическій перечень сдѣланныхъ Семеномъ Вакуленкомъ земельныхъ пріобрѣтеній былъ бы крайне утомителенъ въ виду ихъ многочисленности и дробности, а потому мы упомянемъ здѣсь лишь о наиболѣе своеобразныхъ и типичныхъ способахъ пріобрѣтенія недвижимой собственности, которые онъ практиковалъ. Мы можемъ ознакомиться съ ними въ подробностяхъ, благодаря примѣрной предусмотрительности и аккуратности нашего сотника, который въ срединѣ своей службы, въ 1705 г., послѣ того какъ скупилъ немало пахатной земли и угодій, завелъ, для памяти и удостовѣренія права владѣнія, „книгу господарскую", въ которую внесъ и затѣмъ продолжалъ

вносить копіи съ жалованныхъ гетманскихъ универсаловъ, разрѣшительныхъ и подтвердительныхъ полковничьихъ ордеровъ, съ уступочныхъ записей и купчихъ крѣпостей; въ эту же книгу вносились записи мелкихъ покупокъ, въ формѣ реестра, или, какъ тамъ называется, „мамрама“ (memorandum?), которыя потомъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ представлялись на утвержденіе сотеннаго уряда. Книга эта, равно какъ и нѣкоторые другіе подлинные документы, относящіеся къ роду Вакуленковъ, сохранялись у наслѣдницы Вакуленковскихъ маетностей графини Екатерины Петровны О'Руркъ, урожденной Селецкой, бабушка которой по отцу, Марья Даниловна († 1844 г.), была послѣдней представительницей рода Вакуленковъ, или Вакуловичей, какъ стали называть себя для большаго эффекта потомки Семена Вакуленка, въ усадьбѣ ея „Отрада“, около с. Малютинецъ пирятинскаго уѣзда. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ мы помѣстимъ нѣкоторые документы, какъ прямо относящіеся къ роду Вакуловичей, такъ и посторонніе, представляющіе значительный научный интересъ и сохранившіеся вмѣстѣ съ книгой господарской Семена Вакуленка.

II.

Когда Семенъ Вакуленко утвердился въ с. Кейбаловкѣ, еще въ качествѣ скромнаго мельника, онъ началъ хлопотать объ увеличеніи своей недвижимой собственности. Первоначально онъ сталъ подбирать мелкія крупицы; такъ, напримѣръ, въ 1686 г. онъ купилъ у пирятинскаго козака Григорія Додоки небольшой земельный участокъ, поросшій лозой, за стогъ сѣна. Когда же у него завелись деньги, онъ сталъ давать ихъ подъ залогъ недвижимости, а то и прямо, конечно за безцѣнокъ, покупать „нивки, гайки, ставища“.

Въ концѣ декабря 1687 г. къ пирятинскому сотенному уряду, въ лицѣ сотника Леонтія Кичкаровскаго, атамана городоваго Тимоѳея Куриленка, войта Стефана Левченка, бурмистровъ Марка Стефановича и Ивана Стефановича, явился козакъ изъ с. Митченокъ, Иванъ Карпенко, и заявилъ слѣдующее:

„Пане вряде, чиню вѣдомо милостемъ вашимъ, иж будучи я виноватъ за напой в аренду в селѣ своем шинкару сто золотихъ, немѣючи чимъ оддати, в томъ року 1686 визичилемъ золотихъ сто у пана Семена Вакуленка и далемъ ему свой лѣсъ в заставѣ под такою кондициею: если бымъ того лѣса не викупилъ в року 1687 о пятюнкахъ за копъ пятдесятъ, то южъ ся его вѣчне немаю упоминати; що тежъ, немаючи готовой сумы, чимъ оддати, хотя и поддеръ Семенъ Вакуленко виждалъ од пятюнокъ всюю Пилиповку, я варую и записую увесь той лѣсъ, килко его есть, пану Семену Вакуленку за тую суму за пятдесят копъ даю".

Въ 1694 г. козакъ изъ с. Леляковъ, Василій Погорѣлко продалъ Вакуленку „безъ жадного примусу" лѣсъ свой подъ с. Кейбаловкой.

Пока Вакуленко былъ частнымъ человѣкомъ, округленіе имущества шло медленно, такъ какъ приходилось довольствоваться лишь тѣми кусочками, что давались въ руки сами, послѣ предварительнаго займа, надобность въ которомъ могла случаться лишь у бѣдняковъ, не имѣвшихъ возможности выпутаться и уплатить долгъ и „записавшихъ" Вакуленку свои микроскопическіе участки. Съ 1696 г. дѣло пошло иначе. Въ началѣ этого года Семенъ Вакуленко попалъ въ ряды старшины—благодаря вліянію Леонтія Назаровича Свѣчки, бывшаго уже лубенскимъ полковникомъ, онъ сдѣлался пирятинскимъ сотникомъ прямо, минуя, противъ обыкновенія, низшій урядъ городоваго атамана. Внезапное возвышеніе сразу отразилось на характерѣ покупокъ—онѣ становятся крупнѣе и, кромѣ того, замѣтно насиліе, обусловливаемое высшимъ общественнымъ положеніемъ и авторитетомъ власти покупщика, хотя впрочемъ на первыхъ порахъ Вакуленко не рѣшался еще дѣйствовать самъ на свой страхъ и дѣлилъ добытое со своими сослуживцами, дабы не возбуждать ихъ зависти, а, слѣдовательно, и наговоровъ.

Въ 1696 году 24 мая житель г. Переяслава Никита Жеребило заявилъ пирятинскому сотенному писарю Демьяну Даниловичу, въ присутствіи Стефана, довбыша лубенскаго полка, слѣдующее:

„Чиню вѣдомо тепер и в потомние часы, ижъ з доброи волѣ моей, щомъ одстоялъ лѣсъ, гребелку, ставище, стѣнку, сѣножати, дядкувщину свою над Оржицею од Андрея Филоненка, що перво отецъ его у посессии мѣлъ и продалъ Дмитру Коноваленку, тепер я, дойшовши всего того кгрунту, з наказу суду еперального войскового в Батуринѣ, продалемъ у вѣчность до спокойного вживання двомъ персонамъ, паномъ Семену Вакуленку, сотникови пирятинскому, и Тимоѳею Куриловичу, отаманови городовому тожъ пирятинскому за певную и готовую суму сто золотихъ“.

Дальнѣйшей скупкѣ разнаго рода недвижимаго имущества помѣшалъ предпринятый Петромъ Великимъ, весною 1696 года, второй азовскій походъ, въ которомъ приняли участіе и малороссійскіе козаки, подъ предводительствомъ наказнаго гетмана Якова Лизогуба, въ томъ числѣ и лубенскій полкъ, а въ частности и Вакуленко со своей пирятинской сотней. Впрочемъ нашего сотника, какъ увидимъ дальше, и среди воинскихъ подвиговъ и невзгодъ войны не покидали хозяйственныя соображенія, не мѣшавшія ему, вѣроятно, наравнѣ съ прочими козаками, показывать воинскія доблести, о которыхъ съ такой похвалой отзывается Петръ въ своей грамотѣ патріарху послѣ взятія Азова:

„Сего же настоящаго іюля мѣсяца 17 числа, въ пятокъ, малороссійскія нашія войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающія, при которѣхъ неотступно пребывая мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ и съ донскими козаками предварили непріятельской роскатъ подкопать, и на него мужественно взойтить, и съ непріятели бившись довольно, и тѣмъ роскатомъ овладѣли, и дождався ночи, съ того роската четыре пушки стащили; а въ 18 числѣ, въ субботу, о полудни, непріятели, азовскіе сидѣльцы, видя войскъ нашихъ крѣпкое на градъ наступленіе и промыслъ радѣтельной, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора отъ себя двухъ человѣкъ знатныхъ людей, и били челомъ, чтобъ даровать животомъ и отпустить бы ихъ съ женами и съ дѣтьми, а на знакъ

увѣренія въ твердости и въ правѣ оставили двухъ человѣкъ аманатовъ и отдали Нѣмчина Якушку, который, измѣня, изъ войскъ нашихъ ушелъ къ нимъ въ Азовъ и обусурманился прошлаго году. А въ 19 числѣ азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всѣмъ что въ немъ было отдали [1])".

И въ то время, когда рѣшалась судьба грозной турецкой твердыни, когда Петръ Великій становился твердою ногой на берегу южныхъ морей, 16-го іюля, наканунѣ успѣшнаго штурма, которымъ хвалится царь патріарху, хозяйстливый сотникъ, взвѣсивъ выгодность дѣла и забывая про то, что, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ онъ ни въ чемъ земномъ не будетъ нуждаться, заставляетъ козака изъ с. Кейбаловки, Романа Матвѣенка, одного изъ своихъ подчиненныхъ, держать въ „таборѣ", въ присутствіи своего полковника Леонтія Свѣчки, полкового судьи Андрея Яковича, асаула Григорія Таволги и многочисленнаго „товариства", слѣдующую рѣчь:

„Я, Романъ Матвѣенко, з села Кейбаловки повѣту пирятинскаго, зайшлий на Дунъ до города Черкаскаго, а зостаючий тепер на службі монаршой его царскаго пресвѣтлаго величества подъ городомъ Азовомъ, и вѣдаючий певне, же брати мои, еденъ попалъ в неволю бѣсурманскую, а о другомъ гдѣ подѣлся жадной не мѣю вѣсти, прето кгрунтъ отцевский стоячий и лежачий, яко то лѣси, поля пахатние и инии кгрунта, а особливое дворище лежачое, продалемъ пану Семену Вакулѣ, сотникови пиратинскому, за суму певную купъ двадцять у вѣчность. Поневажъ отецъ нашъ зийшов нагле изъ сего свѣта, не распорадившись (в лѣтехъ недорослихъ) жаднимъ тестаментомъ, теди еслибы хто из кревнихъ моихъ тими кгрунтами владѣлъ, или куплею набувши держалъ, то повиненъ зо всего пререченому пану сотникови уступити, а у кого куповавъ в того вложеной суми своей доправлятися и доходити маетъ. А я, яко тихъ добръ отцевскихъ поссессоръ, овие кгрунта всѣ сполне ему пану сотникови пускаю до спокойного уживання, варуючи, аби нѣхто оного нѣв-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIV, стр. 214.

чомъ турбовати не важився, хочби и братъ мой, который появився, то зо мною мѣтиметъ росправу".

Вакуленко поспѣшилъ, конечно, занести на бумагу эти „доброволние слова" Романа Матвѣенка, но при этомъ спохватился, что Матвѣенко забылъ оговорить, что онъ продаетъ также свое право на рыбную ловлю на рѣчкѣ Перевозѣ, а потому, чтобы придать болѣе значенія этой дополнительной продажѣ, нашъ сотникъ обратился съ просьбой къ донскому атаману Фролу Минаеву, чтобы онъ взялъ у Матвѣенка дополнительную уступочную запись на рыбную ловлю, что тотъ и исполнилъ, передавши Вакуленку слѣдующее „письмо":

„Я, Романъ Матвѣенко, продалъ кгрунтъ, лесы, поле и ези на воде в Перевозе пану Семену Вакулѣ, сотникови пературинскому, за десять рублей, а той кгрунтъ продалъ я в вѣчние часи, ни братя, ни родичи не мають уступатись, а если хто схочеть уступатись, нехай на Дону мене шукае, Романа Матвѣева.

„А сее писмо, по челобиттю Романа, приказалъ дать. Атаманъ Фролъ Минаевъ". (М. п. Фрола Минаева).

Вернувшись изъ подъ Азова въ родную Кейбаловку, Вакуленко сейчасъ же сталъ разыскивать купленные имъ у Матвѣенка участки около Кейбаловки и „оддалеце села" и разспрашивать старожилыхъ людей, кто и на какомъ правѣ владѣетъ ими. Тогда нѣкоторые старики—кейбаловскій сельскій атаманъ Яцько Ващенко, Овдѣй Старый, Семенъ *Кейбало* и Лукьянъ Пляшечникъ стали вспоминать старину, и Кейбало разсказалъ слѣдующее:

„По смерти Матвѣя и его жони осталися три сини в молодихъ лѣтехъ, под часъ той же хлѣбъ бувъ доругъ и тии дѣти розийшлися, едно о другомъ незнаючи, а кгрунта пустовали. Приехавши з Прилуки чоловѣкъ повѣдавъ ся бути дядко тихъ дѣтей Матвѣевихъ, по рожаю матчиному, и продавъ самий еденъ лѣсъ Грицкови Ситниченкови за три таляри..."—„Я—прибавилъ Лукьянъ Пляшечникъ—и позичивъ Грицкови, шуринови свому, бо и мене мѣвъ прийняти до половици".—„Знаючи Грицко Ситниченко,—продолжалъ Кейбало—же еденъ синъ Матвѣевъ, Гаврило, пасъ бидлята не подалецѣ в селѣ Каплинцяхъ, вишукавши

того хлопця, гроши ему дававъ, а онъ мовивъ, плачучи: „на що мени гроши, де ихъ подимъ“, и, узявши, дядькови давъ. Другий синъ Матвѣевъ бувъ въ селѣ в килко лѣтехъ, того лѣса не достоевавъ. И незнати де ся они подѣли тии дѣти Матвѣеви. До того лѣса принято дарма гай и всѣ кгрунта Матвѣевскии. По смерти зась Грицка Ситниченка, жона его продала той лѣсъ самий Андрѣю Кушнеру за пять копъ, говоря такъ: стоитъ той лѣсъ и десяти копъ, тилко онъ пененый, у пяти копахъ пускаю тобѣ, якъ хто одзовется, жеби менше ворочати, а не будетъ нѣкого до него, вѣчний твой будеть; а гаю и нѣякого кгрунта нѣхто не продававъ, тилко самий лѣсъ у продажи ходить“.

Видя изъ этихъ разсказовъ, что настоящаго хозяина не оказывается, Вакуленко, ссылаясь на эти свидѣтельства старожилыхъ людей, обратился съ просьбой къ лубенскому полковому уряду, чтобы было утверждено за нимъ проданное ему Романомъ Матвѣейкомъ недвижимое имущество. Полковникъ Леонтій Свѣчка, въ бытность свою 14 сентября 1696 года въ Пирятинѣ, вызвалъ кейбаловскихъ стариковъ и, выслушавъ ихъ показанія, постановилъ, совмѣстно съ городовымъ пирятинскимъ урядомъ, слѣдующее:

„Чуючи мы признанння людское, що дарма держано гай и поля, привертаемо до вживанння пану сотникови, а ведлугъ лѣса купленого казали книги читати правные, где у статутѣ великого князства литовского в роздѣлѣ шестомъ въ артикулѣ дванацатомъ написано: уставуемъ, еслибы килко братовъ дорослихъ рожонихъ и недорослихъ зостало, а мали имѣния сполнии отчистии и материстии, который би з нихъ продавъ якую часть доросши, могутъ ся упомянути з кого будетъ, и той, хто держитъ, повиненъ удѣлъ пустити, що купивъ, и на томъ дѣлу зостати, якъ и всѣ; теди, ведлугъ того артикулу, тилко третую часть лѣса маетъ держати Андрѣй Кушнѣръ, а двѣ части панъ сотникъ маетъ користовати. Такъ сей декретъ кончачи, пану сотникови казали видати при печати нашой полковой“.

Это курьезное рѣшеніе утвердило навсегда за Семеномъ Вакуленкомъ его выгодную покупку.

Мирно осѣвшись на мѣстѣ, послѣ военныхъ передрягъ, Вакуленко расширилъ районъ своей пріобрѣтательской дѣятельности, не ограничиваясь уже Кейбаловкой. Осенью 1696 года козакъ изъ с. Сосиновки Грицко Даниленко продалъ ему свой лѣсъ подъ Сосиновкой за 10 таляровъ; вскорѣ онъ купилъ у Лукьяна Леонтьевича Свѣчки гать съ мельницей о трехъ колесахъ на р. Удаѣ, верстахъ въ 10 выше Пирятина, подъ с. Каплинцами и выхлопоталъ затѣмъ у гетмана Мазепы разрѣшеніе не давать „войсковой части". Особенно обиленъ покупками былъ 1699 годъ, втеченіе котораго Вакуленко скупилъ лѣсныхъ участковъ около Пирятина, с. Каплинецъ, с. Гурбинецъ и с. Харьковецъ на сумму до 200 золотыхъ, т. е. около 40 р. ассигн., кромѣ того, пріобрѣлъ „дворище" въ Пирятинѣ у Агрипины Мураювны Михайлихи Черевченковой за 6 копъ.

Въ этомъ же году, какъ разъ въ разгаръ столь успѣшнаго округленія недвижимаго имущества, постигло нашеѓо сотника большое горе—умеръ, столь долго покровительствовавшій ему лубенскій полковникъ Леонтій Назаровичъ Свѣчка.

Еще 1-го августа Вакуленко получилъ отъ него ордеръ, разрѣшающій устроить въ кейбаловской мельницѣ колесо, а 4-го августа его уже не было въ живыхъ.

Изъ трехъ сыновей Леонтія Назаровича,—Василья, Лукьяна и Ивана,—Вакуленко былъ болѣе всего близокъ съ Лукьяномъ, что и отразилось на сдѣланномъ Леонтіемъ Назаровичемъ раздѣлѣ маетностей между сыновьями. Согласно нижеслѣдующему „писму", вошедшему въ духовное завѣщаніе Леонтія Назаровича, отъ 4 августа 1699 г., и составленному подъ вліяніемъ Вакуленка 25 февраля 1699 г., Лукьяну досталось с. Малютинцы и с. Давидовка, и, кромѣ того, онъ получилъ еще различныя угодія:

„Въ потомніе часы, я, Леонтій Свѣчка, полковникъ лубенскій, кому колвекъ вѣдати будетъ потреба, вѣдомо чиню, якъ з доброе своее волѣ милихъ синовъ своихъ, Василія, Лукьяна и Ивана, кгрунтами стоячими и лежачими розделилемъ за живота своего и в поссессию имъ подалемъ, такъ завѣдомо пирятинского сотника Семена Вакулы, а также атамана Ѳедора Губки,

войта Василія Орадиненка, на тотъ часъ будучихъ, з претомностю Леонтія Кичкарувского, Уласа Семашка, виражаю на семъ писмѣ, в року 1699 февраля 25 дня въ Пирятинѣ волю свою.

Синови нашому Лукьянови в вѣчистое владѣніе полецаю тое все:

На греблѣ Гурбинское млины, знову на Новой Гребли два камени, и на греблѣ Каплинское камень и ступи подданихъ нашихъ, монаршею грамотою стверженныхъ, з ласки ясневелможного добродѣя, его милости пана гетмана и войсковой, наданіе на рецѣ Удаѣ. Къ тѣмъ тежъ млинамъ лѣсы: купленний лѣсъ у Ничипора Ющенка, лѣсъ у Грицка Хижняка виминяний, а стоячий в концѣ греблѣ Борисовой, лѣсъ у Боженка куплений, подъ Гурбинцами, у Юска Ткача лѣсъ Хавкувский з садомъ, у Кислого лѣсъ изъ садомъ, у Олексы Сенченка лѣсъ, гай подъ Кейбаловкою у Удаи стоячій (у одномъ окопе, гдѣ и Василію зъ Иваномъ) по дорогу. Лѣсовъ межи Енковцами и Гурбинцами у многихъ людей покуплениxъ часть третюю Лукяну (где Василеви и Иванови тежъ по части). Емужъ Лукянови лѣсовъ въ Бзову, од многихъ людей покуплениxъ половина, и гаевъ, и лѣсовъ подъ Короваями селомъ стоячихъ, надъ Оржицею, половина, а другая половина в Бзовѣ и подъ Короваями Иванови, садъ Киселювский на вижшомъ Булатцѣ Лукянови. В селѣ Малютинцахъ люде черезъ насъ осаженіе, особливе село Давидовка, стверженое монаршою грамотою (однакъ до волѣ и ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана) полецаю в державу и поссессию и все тое вишеналоженое записью вѣчисто Лукянови сынови нашому. Также Лукянови подъ Харкувцями у трехъ человѣка купление лѣса у Миска Рябчука, Матвѣя Кисленка, Степана Шульги, лекгуемъ. А ще болшъ не попускаю в роздѣлъ млины, лѣсы, сады и иниие кгрунты, мененимъ синамъ нашимъ, тое все еще для себѣ зъ жоною на далший часъ оставляемъ. Якое мое распоряжение в далние часы, для всякое певности, при подпису руки писарское, печатю нашою полковою и звиклею городовою пирятинскою ствердити велѣлемъ, року и дня вишеменованого. Максимъ Троцкий, писаръ полку Лубенского, к сей лекгаціи рукою“.

Дружба Семена Вакуленка съ Лукьяномъ Свѣчкою не помѣшала однако послѣднему отказать Вакуленку въ его настоятельной просьбѣ. Однажды, по смерти Леонтія Назаровича, сотникъ пришелъ, въ сопрожденіи пирятинскаго протопопа Якова Филиповича и Наталки Курилихи, жены городоваго атамана, ко вдовѣ покойнаго Свѣчки, Домникіи Мартыновнѣ, и стали говорить, что они просили бы возвратить уступленную ими покойному мужу ея стѣнку подъ Каплинцами, такъ какъ имъ не откуда брать хворостъ для исправленія каплинской гребли, находящейся въ ихъ общемъ владѣніи. Свѣчиха позвала своего сына Лукьяна, который получилъ во владѣніе эту стѣнку и передала ему ихъ просьбу; но Лукьянъ „сталъ при упорѣ, жеби оной стѣнки не попустить онимъ, якую даровали, и упоминался в матки своей, же ежели бы мѣла оддать оную дарованную стѣнку, то жеби инший лѣсъ дано было ему, Лукянови". Тогда Домникія Мартыновна, не имѣя возможности исполнить требованія сына, чтобы хотя нѣсколько удовлетворить просьбу Вакуленка, дала ему и его совладѣльцамъ за стѣнку 20 таляровъ, „абы не отнимать ее у Лукьяна".

Такого рода столкновенія не помѣшали однако Вакуленку остаться въ наилучшихъ отношеніяхъ со Свѣчками.

III.

Въ новомъ столѣтіи и при новомъ полковникѣ Дмитріи Зеленскомъ, получившемъ урядъ послѣ смерти Свѣчки, Вакуленку жилось не хуже, чѣмъ прежде. Въ 1700-мъ же году ему удалось дешево купить два лѣска надъ р. Оржицею и подъ Пирятиномъ—за 90 золотыхъ (18 р. асс.) и „ставище" за три копы и настолько заручиться благорасположеніемъ новаго полковника, что 16 января 1701 года послѣдній далъ ему на урядъ сотничій село Грабаровку, приказавъ тамошнему войту со всѣми посполитыми „по замислу его пана сотника оддавати послушенство"; въ этомъ же ордерѣ с. Леляки было отдано на пирятинскую ратушу. Въ 1703-мъ году Вакуленко купилъ у козака с.

Малютинецъ Грицька Геродовича большой лѣсной участокъ подъ с. Митченками за 150 злотыхъ.

Освоившись съ новымъ начальствомъ, Вакуленко все болѣе и болѣе округлялъ свое состояніе, не брезгая никакими средствами, причемъ его эксплуататорскій талантъ проявлялся въ самой разнообразной и часто комичной формѣ. Въ 1704 г. пирятинскій козакъ Иванъ Лобасенко продалъ Вакуленку свой лѣсъ „Мураювщину“ подъ Пирятиномъ за десять таляровъ да въ придачу „панъ сотникъ подаровавъ (Лобасенку) изъ ласки своей *за для огрѣваня вѣчне кущъ гаю Хуржинский*, стоячий неподалецѣ одъ дороги, идучой одъ Пирятина до Прилуки“. Въ 1707 г. козакъ Назаръ Старый съ сыновьями, Максимомъ и Иваномъ, продалъ х. Липовый около с. Сурмачевки за 60 таляровъ. Въ 1712 г. нѣкій Матвѣй Чиркуненко продалъ Вакуленку за 8 копъ „дворище свое з стѣнкою“ въ с. Смотрикахъ. Когда „добровольная“ продажа была записана въ копіи въ книгу *господарскую*, то нашъ сотникъ безъ всякаго стѣсненія замѣтилъ себѣ для памяти:

„Сее дворище з стѣнкою такимъ способомъ мнѣ, Семену Вакулѣ, сотникови пирятинскому, досталося. Же з посвѣдченя ткача Левка довелося на Матвѣя Чиркуненка, що онъ, Чиркуненко, у Андрея Степанцевого брата выкравши з пасѣки бджоли поднесъ на подступъ до Ивана Сидоренка, аже якъ доткнулася тая справа до пана полковника лубенского Дмитрія Зеленского, теди зъ показанія суду полкового лубенского осуженно было Ивану Сидоренку од тоей невинности одприсягтися, а Матвѣя Чиркуненка, яко подступцу на честь людскую чигаючого шибеницею карати. Однакже за злеценнемъ мнѣ Семену Вакуленковѣ, сотнику пирятинскому, до конченя тоей ихъ справы, укончилемъ уважаючи на обѣ сторони, яко на сторону жалуючой стороны, такъ и на сторону Матвѣя Чиркуненка. З тоей причины мнѣ досталося дворище зъ стѣнкою“.

Чтобы не было какихъ либо недоразумѣній и чтобы дѣлаемыя пріобрѣтенія лучше закрѣплялись въ его рукахъ, Вакуленко заставлялъ обыкновенно обираемыхъ имъ лицъ являться передъ городовымъ пирятинскимъ урядомъ и „очевисте“ заяв-

лять о своей „добровольной“ продажѣ, что и вписывалось въ „мѣскую“ книгу. Но иногда случалось, что владѣльцы заинтересовывавшихъ Вакуленка земельныхъ участковъ отсутствовали, тогда онъ прибѣгалъ къ содѣйствію урядовъ по мѣстожительству отсутствующаго и даже къ удостовѣренію какого либо извѣстнаго лица, въ истинности письменнаго свидѣтельства котораго никто не усумнится; такъ, напримѣръ, въ 1706 г. экономъ Кіево-Печерской лавры, іеромонахъ Илія, переслалъ Вакуленку „листъ“, удостовѣряющій пріобрѣтеніе имъ у бывшаго яготинскаго обывателя Микиты Сахарячоза лѣса, ставища и стѣнки, надъ рѣкою Оржицею, за 100 золотыхъ и 10 таляровъ.

Скупая лѣса, поля и грунты, Вакуленко не брезгалъ и мелкими „доброхотними“ подношеніями, своеобразно награждая за это дарящихъ. 25 мая 1707 г. козакъ с. Гурбинецъ, Ярема Снигирь, заявилъ пирятинскому городовому уряду слѣдующее:... „одменилемъ дзвонокъ с побожности моей в село Грабаровку до храма святого Христова Михайла за отпущенье грѣховъ своихъ тотъ дзвонокъ при томъ реченомъ храмѣ неотъемлемо мѣетъ вѣчными часы зоставати, за якое мое старане его милость панъ сотникъ пирятинский Семенъ Вакуленко зволилъ опустити мени двѣ дорозѣ войсковыи, уволняючи мене од походу войскового теперешнего дороги и послѣ сеей другую дорогу; аще ли дасть Господь Богъ бути живымъ и здоровымъ и мѣты вряд сотницкий тими пришлыми часы, когда сыи двѣ дороги будутъ одправоватися, а ежели мѣло бы судьбами Божими тое иначе статися, то и сее уволнене можетъ отмѣнено бути“.

Въ концѣ концовъ Семенъ Вакуленко настолько разбогатѣлъ, что занялъ прочное положеніе среди старшины и даже имѣлъ возможность породниться съ богачами Свѣчками: сынъ его Иванъ, значный товарищъ войсковый, женился на одной изъ двухъ дочерей Лукьяна Леонтьевича Свѣчки, на другой дочери котораго былъ женатъ бунчуковый товарищъ Александръ Гамалѣя.

Свадьба молодого Вакуленка была сыграна настолько пышно, что у Свѣчки не хватило даже наличныхъ денегъ и ему пришлось заложить нѣсколько грунтовъ. Вакуленко получилъ

за женой изрядное приданое, состоящее изъ лѣсовъ, садовъ, мельницъ и грунтовъ въ Пирятинѣ, Деймановкѣ и Оробьяхъ; было дано также богатое вношеніе: дорогіе пистолеты, ронды, сѣдла, сабли, ложки, кубки, роструханы, пояса, перстни, роскошные кунтуши, плахты, запаски, шубы, бѣлье и много лошадей и скота. Кромѣ того, Вакуленко получилъ отъ своего тестя за полъ-цѣны хуторъ Сурмачевку. Изъ платежной росписки, данной Лукьяномъ Свѣчкой 29 іюня 1719 г., въ присутствіи священника Преображенской глуховской церкви Власія Полотковскаго, значнаго товарища глуховской сотни Якима Ѳедоровича, посланныхъ въ Пирятинъ по разнымъ дѣламъ, видно, что Лукьянъ Леонтьевичъ получилъ отъ Вакуленка 1500 золотыхъ, да, кромѣ того, занялъ у него 500 золотыхъ на годъ, но такъ какъ эти деньги не были отданы, то слѣдовательно, Вакуленко уплатилъ Свѣчкѣ за Сурмачевку 2000 золотыхъ, т. е. около 400 р. асс. Цѣна эта была болѣе чѣмъ сходною, такъ какъ Сурмачевка представляла изъ себя очень лакомый кусочекъ: степи было верстъ на десять, большой лѣсъ, прекрасный садъ съ двумя обильными рыбой ставками, дворъ хорошо обстроенный—три рубленныя свѣтлицы со многими хорошо написанными образами, съ двумя дорогими печами (по 24 рубля каждая печь) и со всѣми необходимыми принадлежностями, рубленная комора и всѣ другія нужныя хозяйственныя постройки.

Обзаведшись значительной недвижимой собственностью, Вакуленко нуждался, конечно, и въ толковыхъ слугахъ. Этимъ объясняется ордеръ лубенскаго полковника Андрея Марковича къ пирятинской сотенной старшинѣ, отъ 8 мая 1719 г., согласно которому было опредѣлено „для послуги“ Вакуленка въ Пирятинѣ и въ с. Грабаровкѣ нѣсколько грабаровскихъ козаковъ-ремесленниковъ: по одному портному, сапожнику и кузнецу и двое рыбалокъ, которые были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ „ралцевой и дорочной“.

Женивши сына на Свѣчковнѣ, Вакуленко еще болѣе усилился и, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго подтвержденіе на право владѣнія с. Грабаровкой, с. Смотриками и другими земельными участками и,

сверхъ того, выпросилъ еще себѣ с. Сосиновку, по универсалу отъ 7 ноября 1720 г. Вскорѣ послѣ этого, Вакуленко уступилъ сотничій урядъ, по преклонности лѣтъ, Григорію Корнѣевичу и въ непродолжительномъ времени умеръ, оставивши двухъ сыновей: извѣстнаго уже намъ Ивана и Петра, тоже значковаго товарища. Не занимая никакого уряда, они очутились послѣ смерти отца въ весьма затруднительномъ положеніи, подвергшись различнымъ обидамъ.

Желая получить подтвердительный универсалъ на доставшуюся имъ отъ отца недвижимую собственность, они передали своему однополчанину Мойсѣю Худолѣю выданные ихъ отцу жалованные универсалы, съ просьбой похлопотать объ ихъ подтвержденіи въ малороссійской коллегіи. Но Худолѣй долженъ былъ участвовать въ походѣ на Низъ и оставилъ документы Вакуленковъ дома. Когда Вакуленки потребовали у жены Худолѣя, Маріи, урожденной Войцеховичъ, возвращенія документовъ, то та отказала имъ; тогда они обратились съ жалобой къ новому гетману Даніилу Апостолу, вслѣдствіе чего былъ посланъ къ Худолѣйшѣ козакъ глуховской сотни Ярема Ѳедоровъ съ тѣмъ, что если онъ не получитъ документовъ, то чтобы бралъ Худолѣйшу съ собой въ Глуховъ для объясненій. Но видно, послѣднюю не легко было въ чемъ либо убѣдить, по крайней мѣрѣ, она не отдала документовъ гетманскому посланцу и не захотѣла ѣхать съ нимъ. Тогда гетманъ послалъ „листъ“ къ полковому лубенскому обозному и наказному полковнику, Павлу Мартосу, и лубенской старшинѣ, чтобы они, „зискавши означенную жену Худолѣеву въ судъ полковий лубенский за преслушаніе посиланого къ ней указу нашего пострафовали и за тое ей зганили, а унѣверсалъ на села суплѣкуючихъ Вакуленковъ, отъ еи отобравши, оддалибъ імъ же Вакуленкамъ и въ показанніе села Грабаровку и Смотрикъ отъ полкового правленія справного якого чоловѣка вислалибъ зъ приказомъ, чтобъ тихъ селъ жители помянутимъ Вакуленкамъ надлежащую повинность и послушенство оддавали по прежнему до далшого нашего указу и подтвержденія имъ онымъ унѣверсаломъ нашимъ приказуемъ“.

Черезъ два года послѣ этой передряги, у Ивана Семеновича опять возникъ споръ за право владѣнія земельнымъ участкомъ съ козакомъ с. Митченокъ Ѳеськомъ Ильяшенкомъ. Еще въ 1698 г. Семенъ Вакуленко купилъ у Ѳеська, его братьевъ Андрея и Степана и у жены ихъ дяди Агафіи Юрчихи ставища и кусокъ обложной (непаханной) земли, около с. Лемешовки, между тѣмъ Ильяшенко, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Вакуленка и болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ совершенія купчей крѣпости, запродалъ одно ставище и часть сѣнокоса дубогаевскому старостѣ Богдану Загоровскому; тогда Вакуленко обратился съ жалобой на Ильяшенка къ лубенскому полковнику Петру Апостолу. Посланные для производства слѣдствія лохвицкій сотникъ Василій Стефановичъ и бунчуковый товарищъ Петръ Троцкій удостовѣрили „неслушность и явное праволомство“ со стороны Ильяшенка и „приговорили проданный грунтъ въ прежнее пана Вакуленка владѣніе“.

Но все это были небольшія непріятности сравнительно съ семейной распрей, которая возникла въ 1731 г.

У тестя Вакуленка, Лукьяна Свѣчки, былъ еще и другой зять, какъ было уже выше сказано, бунчуковый товарищъ Александръ Гамалѣя, который вошелъ въ довѣріе къ тестю и ссорилъ его съ Вакуленкомъ. Наконецъ, въ 1731 г. Лукьянъ Леонтьевичъ, помимо Вакуленка, взялъ да и продалъ часть земель около х. Сурмачевки, подъ названіемъ яръ Кононовскій, уступленныхъ въ 1719 г. зятю по заручной купчей, генеральному обозному Якову Лизогубу. Узнавши про это, Вакуленко жаловался на тестя сначала лубенскому полковнику, съ просьбой заставить Свѣчку дать ему что либо взамѣнъ самовольно проданнаго имущества. Получивъ полковничій ордеръ, Свѣчка увидѣлъ, что шутить не приходится и рѣшилъ уступить обиженному с. Малютинцы, но на требованіе полковника явиться къ нему для объясненія онъ самъ не поѣхалъ, а послалъ своего зятя Гамалѣя, со слѣдующей запиской на имя пирятинскаго атамана:

„Пане велможный атамане куринный пѣрятинскій, мой зичливый пріятелю.

Самъ не могучи ехати до велможного его милости пана полковника нашего за важкостью здоровія, крѣпости на село Малютинцѣ и унѣверсалы гетманскіе посылаю черезъ Александра Гамалѣя, зятя своего, до его велможности, сіе вмти прикладаю. Вашъ зичливий пріятель Лукьянъ Свѣчка. З Малютинецъ, ноября 22 року 1732".

Вакуленко не удовлетворился этимъ и жаловался на тестя въ генеральный судъ, вслѣдствіе чего Свѣчка былъ вызванъ въ Глуховъ и допрошенъ: сознавшись въ своей виновности, онъ помирился съ зятемъ и взамѣнъ проданныхъ Лизогубу угодій уступилъ Вакуленку пахатныя и сѣнокосныя земли около с. Малютинецъ, Ахремовскій ставокъ и леваду. Передача эта была оформлена составленной въ Глуховѣ же 11 декабря 1732 г. уступочной записью, скрѣпленной подписью генеральнаго подскарбія Андрея Марковича и двухъ свидѣтелей: Клима Хукала, значнаго товарища чорнушской сотни, и Ивана Шабелника, жителя глуховскаго.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1733 г. былъ полученъ пирятинскимъ сотеннымъ урядомъ ордеръ лубенскаго полковника Петра Апостола, которымъ, во исполненіе приговора генеральнаго суда, подтверждалось право владѣнія Ивана Вакуленка уступленными ему Свѣчкой землями и угодіями.

Такимъ образомъ семейная распря окончилась въ пользу Вакуленка, такъ какъ онъ получилъ больше, чѣмъ у него отняли.

Такъ какъ Вакуленки не занимали никакого служебнаго положенія, то о нихъ не сохранилось болѣе никакихъ данныхъ. Петръ умеръ, повидимому, бездѣтнымъ, а у Ивана былъ сынъ Андрей, у этого же послѣдняго былъ сынъ Даніилъ, отецъ послѣдней представительницы рода Вакуленковъ или Вакуловичей, Марьи Даниловны, по мужу Селецкой, о которой мы упоминали выше. Очевидно, потомки Семена Вакуленка не продолжали его пріобрѣтательской дѣятельности, но за то, не развѣтвляясь, сохранили до момента прекращенія рода все пріобрѣтенное родоначальникомъ, кромѣ мелкихъ земельныхъ участковъ. Послѣдніе представители рода Вакуленковъ принадлежали, очевидно, къ обычному типу зажиточныхъ малороссійскихъ пановъ, пользо-

вавшихся плодами дѣятельности своего родоначальника, выдвинувшагося, благодаря уму и пронырливости, изъ рядового козачества и доставившаго своему потомству возможность попасть въ ряды привилегированнаго шляхетскаго сословія.

Н. В. Стороженко.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Охранный универсалъ гетмана Юрія Хмельницкаго, данный жителямъ с. Яблоновки пирятинскаго уѣзда. 1660 г.

Юрыи Хмелницький гетманъ з войскомъ его королевской милости запорозкимъ.

Всѣмъ вобецъ и кождому з особъна кому о том вѣдати належит, меновите ихъ милостем паном, так кварцяным войска коронного, яко и затягового чужоземского оффѣциромъ и всей старшини и черни воиска его королевскои милости запорозкого в Украине на Заднѣпрю будучим вшелякое кондиціи людем ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ, ижъ видячи мы щирую прихилност до его к. м. и статечную зычливост противко войску запорозкому всѣхъ обывателей яблуновскихъ, которые освѣдчаючи приязни под нашу утѣкаются оборону, варуемъ ихъ симъ нашимъ универсаломъ пилно их мл. пановъ кварцяных жадаючи, абы оным обывателем яблуновским, приохочаючи до далшого его к. м. поданства наименшого не чинили утяженя и не исправовали нѣяких станцыи. О чомъ и вся старшина и чернь войска его к. м. запорозкого вѣдаючи помененным обывателем жадного абы не важилися чинити опустошеня и шарпанини во всѣх их добрахъ ани до мѣстечка Яблунова над нашу виражену волю не впиралися. Бо хто колвекъ з своеволников, так татаръ, яко и козаковъ, поважится учинити наименшую им крывду, позволяем теды прерочоным мешканцом яблуновским таковых, яко противниковъ волѣ нашои, бити, имати, вязати и до нас отсылати, где и мы назначаем срокгое би и на горле каранне войсковое. З Чигрина дня 24 декабря 1660. Юрыи Хмелницький рукою власною. (М. П.).

---

2. Письмо генеральнаго судьи Саввы Прокоповича къ лубенскому полковнику Леонтію Свѣчкѣ по дѣлу о правѣ владѣнія дубровою надъ р. Оржицею. 1695 г.

Листъ од суду генералного.

Мосьцѣ пане полковнику лубенский, мнѣ вельце ласкавий приятелю.

При одданю писання од вм. мл. пана за Дмитром Коноваленком, товаришем сотнѣ пѣрятинской, полчаниномъ лубенскимъ, до суду войскового енералного писаного, роспиралися межи собою судовне речоний Дмитро Коноваленко з Никитою Радионовичем, жителем киевопечерским, о диброву, над Оржицею рѣчкою положенеюся помеж скокового займища дубровного знайдуючую, речоному Никитѣ Родионовичу тестаментом од небожчика Опанаса Захарияшенка, дядька его, лекговую и записанную, а чрезъ помененого Дмитра Коноваленка и Филона Бородича за двадцять талярей купленую, который Филонъ Бородичъ любо также тую диброву в поссессии своей купним правом мѣл, еднакъже од неналежной продавцѣ тоеж од жони небожчиковское Захарияшенковое, бо кгдижъ оная до той дуброви права южъ немѣла, поневажъ мужъ оное небожчикъ речоний Захарияшенко тестаментом помененому Никитѣ Радионовичу записал, о чом и оная жона небожчикова свѣдома была и любо у килка десятолѣтнюю давность тая диброва завелася, еднакъ помененний Никита тоею давностью тоей дуброви не утерял з розних причин, едно же мимо давнихъ прошлихъ роковъ тутъ в Малороссіи не бывъ, але на той сторонѣ Днепра за границею знаидовался, другое в неволю бѣсурманскую попавши, десять лѣтъ зоставался, потом при Хмелниченку служил, одслуговуючи закуп, чрез который з неволѣ свободился, а третое же почавши тутъ мешкати отнюд давности земское не премолчал, але частокротне упоминался о тую диброву. Теди судъ войсковий енералний, по вислуханю обосторонихъ споровъ, уважаючи всѣ тии вишпомененние причини, речонему Никитѣ Родионовичу, право до тоей дуброви незотворенное маючому, оную диброву в спокойное держанне и у вѣчистое владѣние присужаетъ и подаетъ, а що ся дотичетъ двадцять талярей суми чрез помененого Дмитра Коноваленка за тую диброву небожчику Филону Бородичу данное на той сумѣ то есть на двадцяти золотихъ повинен Дмитро школовати, взглядом того, же южъ тоеюду бровою пожитковал, а сорок золотих нехай синъ Филоновъ Андрушко, в Пиратинѣ мешкаючий, сему Дмитру вернетъ, бо кгдиж небожчик отецъ его Андрушковъ веспол з нимже Андрушком болше тоею дубровою пожитковали и много онои випустошили нѣжли сей Дмитро, нехайже болше и на

сумѣ шкодуетъ, о томъ вм. мцѣ пану доносячи, вѣдати доброи приятелскои оддаюся зичливости. З Батурина мая 10 дня 1696 г.

Вмсти м. пану всего добра зичливий приятель Сава Проковичъ, судия в. е. ц. п. в. з. генералний.

(М. П. С.).

Надпись: Е. ц. п. в. в. з. п. л. его млсти Леонтию Свѣтцѣ мнѣ велце ласкавому приятелеви до одання.

---

3. Духовное завѣщаніе лубенскаго полковника Леонтія Назаровича Свѣчки, отъ 4 августа 1699 г.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Его ц. п. в. в. з. п. л. азъ Леонтій Назаревичъ Свѣчка, по милости Божіей будучи хоробою обдаренный и видячи себе ближнимъ до смерти, нежели ко животу сего временного бытіа, яко ліекгаціи на грунта мои власніи и купленніе, стоячіе и лежачие, синомъ моимъ далемъ для спокойнѣйшаго уживання и владѣнія в поссессію доживотную и вѣчную, такъ се теперъ осталной доброй волѣ моей тестаментомъ ствержаючи, роспоряжаю, лекгую и записую, что кому з добръ моихъ власнихъ оддати будетъ належало. Во первихъ, иже водхну, Богу всещедрому и человѣколюбивому вручаю душу, тѣло земли, по писаніемъ: земля еси и в землю пойдеши; за душу, о сорокоусту и молитви просячи, на монастирѣ, в реестрѣ мененніе, одписую грошей суммы готовой тисячей пять, на якіи что дати приналежит, реестровне вѣсть синъ мой Василій, ему же вручилъ. Священникомъ мѣскимъ перятинскимъ, в мѣскихъ цирквахъ служащимъ, парохіалнимъ настоятелемъ з дяками, з паламарями, за все про все на сорокоусти по десять талярей одписую; вѣкарим пирятинскимъ, в мѣскихъ цирквахъ служащимъ, особно на сорокоусти по десять золотихъ, бы священници одправляли сорокоусти. Священникомъ сѣлскимъ парохіалнимъ всѣмъ уезду пирятинского з дяками, з паламарями за все про все на сорокоусти по десять копъ. Особно на дробніе расходы десять золотихъ. Отцемъ протопопомъ лохвицкому и лубенскому по десять талярей, отцу протопопу пирятинскому Якову Филиповичу, зятевѣ нашему, особно сто золотих дати; духовному отцу Іліи и отцу Григорію лубенскому по десять талярей; іерею Θеодору Соколовскому, презвитеру свято-спасскому также сто золотихъ. Настѣ Яцисѣ, братовой моей, з сими дѣтми двома малими при ней будучими дати пятдесять талярій. Дмитровѣ Котляревѣ талярій пятдесять и хату, в якой мешкаетъ, и лѣсъ у Високомъ Ковелского

зовемій. Садокъ на Приходкахъ з лѣсомъ и мазкою и огород на озерцѣ. Тимофѣевихи бывшой атаманихи дѣтемъ при ней зостаючимъ сто золотихъ. Зѣнцѣ Омеляновой дщерѣ Захарчисѣ талярій десять и Марчисѣ Омеляновой дщерѣ талярій десять. Омеляновѣ з малими дѣтми пятдесять золотихъ. Івановѣ Протопопенку внуковѣ нашему грошей готовой сумми тисячу золотихъ одписую и сребра в рожнихъ штукахъ десять гривенъ одписую; то хтож якъ гроши, такъ и сребро в той час оддати ему внуку, когда в совершенный возрастъ и разумъ прійдетъ. Василевѣ и Хвилоновѣ хлопцямъ при мнѣ бывшимъ служащимъ обомъ по сто золотихъ дати и поболшъ, и по коневѣ, и по ручницѣ, одежда вся, якая имъ посправована, а оны повинни служити при двору нашомъ, аж покій станъ малженства по изволенію Божомъ себѣ обберутъ. Сія убо доброхотнои волѣ моеи осталной изобразивши начертаніемъ, что за душу и кревнимъ нашимъ приналежить дати, до роспоряжения вручаю сыновѣ нашому Василію и неотмѣнно хотячи мѣти отцевско приказую. Сымъ же осталной волѣ моей тестаментомъ домъ мой правяще ко всемирному и безмятежному мешканню любой малжонце моей Домникіи вручаю и приказую, бы матки своей слухали во всемъ и повиновалися, якъ наилучше и между собою любовь должную братерскую мѣли. однакъ отцевско в потомніе часи сыновъ и дщерей моихъ роспоряжаю. Во первихъ Василіевѣ сыновѣ нашому старшому дворъ сей, в якомъ теперъ мешкаемъ, з Иваномъ синомъ нашимъ наименшимъ увесь по половинѣ одписую, повинни будуть два ихъ обополне радѣти и жити братерско. Емуж Василіевѣ, синовѣ нашому старшому, в вѣчистое владѣние полецаю и одписую греблю воробювскую власнимъ коштомъ нашимъ занятую на рецѣ Удай и млини власніе, нашимъ коштомъ на той же греблѣ построенние, и всѣ пожитки з млиновъ тоя греблѣ належніе од монаршой и рейментарской ласки наданни, ему ж до заживання легую. До той же греблѣ лѣсъ, купленній у отца игумена лубенского, тамъ же подъ селомъ Воробями. Лѣсъ од козака Карниловскаго из садомъ от Маріи Евфимихи купленныи. Лѣсъ от Кондрата Якубенка. Лѣсъ, от Воробіевой дочки Василихи купленный. Лѣсъ от Саливона з Яковомъ и Кондратомъ братаничами купленній. Лѣсъ от Ивана Дроценка. Лѣсъ от Өедора Хвененка купленній. Лѣсъ от Гафтаря Матвѣя Довбышового зятя такъ же купленній. Лѣсъ от Ивана Воробіенка; от Стефана Радченка Біевскаго грунта купленніе. Хата з садомъ и лѣсъ особливе под Пирятиномъ. Лѣсъ в Турчишиномъ стоячій. Гаю половина емуж Василію, а другая половина Ивановѣ синовѣ нашему меншому гаю от перевода стоячого, где и Лукіяновѣ синовѣ нашему середулшому гай от Удая стоячий з тимже в едномъ окопѣ под Кейбаловкою по дорогу. Лѣсовъ межи

Енковцями и Губскимъ у многихъ людей покупленнихъ часть третую и на Вишшомъ Булатцѣ саду Дрохвинского по половинѣ, а другую половину Ивановѣ меншому синовѣ нашему. Емуж Василію хуторъ над рекою Оржицею, прозиваемій Городище, со всѣми лѣсами, гаями, стѣнками и лозами, тамже аж вниз Корнѣевки покупленними. Сіе всѣ мененніе грунта Василію старшому синовѣ нашому вѣчисте леgую и записую. Тутеж Стефану Василіеву сину, внуковѣ нашому, лѣсъ з садомъ въ Біевцахъ и из хатою, у Игната Москаля купленній, леgую и записую. Людей в Корнѣевцѣ и Городищи з нашихъ грунтовъ и лѣсовъ през насъ новоосаженнихъ, особливе село Антоновку з ласки реиментарской, по унѣверсалу виданномъ, еднакже монаршою грамотою его царскаго пресвѣтлаго величества стверженное (еднакже до волѣ и ласки велможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Василіевѣ синовѣ нашому в заживання полецаю и в поссессию подаю. Лукіановѣ синовѣ нашому середулшому дворъ новопофундованный стоячій ведле Чиркавского одписую до спокойного мешкання вѣчисте. Емуж Лукіану сыновѣ нашому в вѣчистое владѣніе полѣцаю и одписую на греблѣ Гурбинской млини власнимъ нашимъ коштомъ построенные. Знову на Новой Греблѣ два каменѣ и на греблѣ Каплинской камень и ступи подданихъ нашихъ, з ласки ясневелможного добродѣя монаршою грамотою стверженніе, часть войсковую одбирання (еднакже до волѣ и ласки реиментарскои) одписую тіи кола на рецѣ Удаи рабочіе. К тимъ же млинамъ лѣсъ купленій у Ничипора Ющенка. Лѣсъ од Грицка Хижняка вимѣняній, а стоячій в концѣ греблѣ Борисовской. Лѣсъ у Боженка купленній под Гурбинцами, лѣсъ од Юска ткача харкувского з садомъ. Лѣсъ з садомъ от Кислого. Лѣсъ од Алекси Сенченка. Гай под Кейбаловскую од Удая стоячій в едномъ окопѣ, где и Василію з Иваномъ по дорогу лѣсовъ межи Енковцями и Губскимъ, у многихъ людей покупленнихъ, часть третую одписую емуж Лукіану. Где Василію и Ивановѣ по части тойже. Емуж Лукіановѣ лѣсовъ у Бзовѣ од многихъ людей покупленнихъ половина. Лѣсовъ и гаювъ под селомъ Короваями стоячихъ над Оржицею половина, а другая половина в Бзовѣ и под Короваями Ивановѣ синовѣ нашому. Садъ Киселювский на вишшомъ Булатцѣ Лукіановѣ. Лѣси под Харковцями у трох чоловѣковъ, у Миска Рабчука, Матвѣя Кисленка и Степана Шулги купленніе. Сіе всѣ мененніе грунта Лукіановѣ середулшому сыновѣ нашому вѣчисте леgую и записую. Люде в селѣ Малютинцахъ черезъ насъ осаженніе, особливе село Давидовку з ласки реиментарскои по унѣверсалѣ виданномъ монаршою его царского пресвѣтлого величества грамотою стверженніе (еднакъ до волѣ и ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Лукіановѣ

синовѣ нашому в заживання полѣцаю и в поссессію подаю. Ивановѣ синовѣ нашому меншому дворъ сей в якомъ теперъ мешкаемъ з Василіемъ старшимъ синомъ нашимъ увесь по половинѣ одписую, повинни будуть два ихъ обополне радѣти и жити братерско. Емуж Ивановѣ сыновѣ нашому меншому гребля и млини власнимъ нашимъ коштомъ занята и построенна в кручи под Повстиномъ будучіе со всѣми пожитками одписую. К тим же млиномъ лѣсъ по семъ и потомъ боку стоячій. Луку з березникомъ Трохимовскую тамже лежачую. Лѣса прозиваемою Довгенкого половину емуж Ивановѣ. Лѣсовъ межи Енковцями и Губскимъ у многихъ людей покупленнихъ третую часть емуж Ивановѣ. Тамже Василію и Лукіану по части. Садъ Неборявковскихъ Ивановѣ на вишшомъ Булатцѣ под Лубнями, половину сада Дрохвинского, а другая половина Василію тамже. В Бзовѣ од многихъ людей лѣсовъ покупленнихъ половина и под Короваями также лѣсовъ и гаювъ половина Ивановѣ (где другая Лукіановѣ половина), под Кейбаловкою гаю половина (где Василію другая) од Переводу стоячого по дорогу вздовжъ лежачую. Садъ у Ивана Мацюченка Енковского купленній къ Неборавковскому саду емуж Ивановѣ. Лѣсъ од Любки Лавринихи бывшой сотнички чорнуской купленій Ивановѣ. Сіи всѣ мененніе грунта Ивановѣ меншому синовѣ нашому вѣчисте леѕую и записую. Хуторъ в селѣ Короваяхъ ему ж Ивановѣ и въ селѣ Короваяхъ люде при хуторѣ нашомъ чрезъ насъ и з нашихъ лѣсовъ и грунтовъ осаженніе. А видячи Ивана сина нашого слабого здоровя, то ежелибъ мѣлъ змерти хуторъ Короваювский и з людми при немъ поселенними повиненъ бути Лукіану синовѣ нашому вѣчисте леѕую. Для того же ему хуторъ еще нѣгде не определенъ. Особливе село Деймановку з ласки рейментарской по унѣверсалу виданномъ монаршою его царского пресвѣтлого величества грамотою стверженное (еднакъ до волѣ и ласки велможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Ивановѣ сыновѣ нашому меншому полецаю в заживания и поссессию подаю. Дворъ вновъ з садомъ Давидовъ Шинкарувъ емуж Ивановѣ—сыновѣ нашому во вѣчное владѣніе подаю. А що болшъ млиновъ и грунтовъ в роздѣлъ синомъ моимъ не попускаю и не записую, тимъ всѣмъ жена моя доживотне повинна владѣти, яко то млини два на греблѣ Зарѣцкой, нашимъ коштомъ занятой построенніе, и на мѣской греблѣ млинъ купленній близко башти, и сади, лѣси, подворки и всѣми грунтами впред не описанними повинна владѣти доживотне, а впредніе часи и сіе млини три, сади, и лѣси, и всѣ грунта, якіе еще ненаписанніе в роздѣлъ такимъ же способомъ в ровній дѣлъ на три части повинни быти роздѣленніе синомъ нашимъ Василію, Лукіановѣ и Ивановѣ. Млини

на греблѣ Оржицкой Короваювской нашимъ коштомъ занятой, якіе позволилисмо пану Хведору хоружому полковому и Василію Лутаю построити цѣле имъ мененнимъ господарямъ со всѣми пожитками до часу слушного быти повинни. А уховай Боже якой пригоди, или нужди, или убожества, теди тіе млини сыномъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану повинни быти со всѣми пожитками непремѣнно, яко власніе наши. Пуздерка три подокладавши сребромъ, абы всѣ три важили по сорокъ гривенъ в ровной ценѣ, жеби были синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану однисую во вѣчистое заживанія. А что сребра останется рухомого, то в ровній дѣлъ на шисть частій повинно бути роздѣленно. Якъ малжонцѣ моей Домникіи, такъ сыномъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану и дщерямъ нашимъ дѣвчатамъ, Любцѣ и Ганнусѣ. Оружжа все и ронди в ровній подѣлъ синомъ нашимъ тромъ Василію, Лукіану и Ивановѣ на три части бути повинно противъ поясовъ дѣвчатамъ леґованнихъ. Пояси сребрніе всѣ дѣвчатамъ двомъ Любцѣ и Ганнусѣ дщеремъ нашимъ в ровній дѣлъ на двѣ части повинно бути противъ рондовъ синамъ леґованнихъ. Грошей якъ много винайдется в набытку нашомъ, то всѣ в ровній дѣлъ на шисть частій повинни роздѣленны бути, якъ малжонцѣ моей Домникіи, такъ синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану, и дщерямъ нашимъ Любцѣ и Ганнусѣ. Сукмани, якіе юж посправовани Василію, Лукіану и Ивану такіе жъ повинни дати, или справленни быти противъ тихъ, а инніе в ровній дѣлъ на три части синамъ нашимъ повинни бути роздѣленни. Цѣнь и мѣдь вся синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану на три части в ровній дѣлъ бути повинна. Стадо и бидло все повинно бути в купѣ и до заживання якъ малжонка моя Домникія въ господарствѣ, такъ и сини наши, Василій, Лукіанъ и Иванъ повинни имъ владѣти, аще потребно которому до войска или на домовое господарство, якъ слушно повинни заживати в ровномъ владѣніи. А дѣвчата кгди видани будуть замуж, Любка и Ганнуся, теди з того жъ гуртового единокупне повинни имъ дати, якъ звичай несетъ при виправѣ чого ради. Пчоли в купѣ тожъ, якъ и стадо, повинни бути до заживання ровно. А в потомніе часи стадо, и бидло, и пчоли, все од мала и до велика, в набитку нашомъ что иле винайдется, то сини наши, Василій, Лукіанъ и Иванъ, на три части в равній дѣлъ повинни будуть себѣ роздѣлити. Довжка другая половина Василіевѣ синовѣ нашому, где и Ивановѣ синовѣ нашому меншому записалемъ лѣса Довжка половину, над Чумгакомъ стѣнка од небожчика суддѣ Андрея дарованна емуж Василію синовѣ нашому. Лѣси дѣдовскіе Мартина Лещенка под Антоновкою селомъ будучіе двѣ паи, что Василію синовѣ нашому була пай, а другая Лукіановѣ, обидвѣ тіи

паи лѣса Лукіановѣ синовѣ нашому одписую. В Медвежомъ яру лѣси всѣ и сади з ставомъ купленны емуж Лукіановѣ синовѣ нашому одписую вѣчисте в заживанна. Шелехувская диброва з двома стѣнками над Чумгакомъ тамже стоячіе до всѣхъ млиновъ и до хуторовъ, любъ до двора для вшелякихъ надубковъ повинна заживанна бути. Хощу и записую, року 1699, мѣсяца августа 4 дня.

При семъ будучій Яковъ Филиповичъ протопопъ пирятинскій рукою.

Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковихъ особъ на той часъ будучихъ на подписѣ: Григорій Таволга, есавулъ полковій лубенскій, Максимъ Троцкій, писарь полковій лубенскій, Θеодоръ Ярмоленко, хоружій полковій лубенскій, Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій, Θеодоръ Губка, атаманъ пирятинскій, Василь Ородиненко, войтъ пирятинскій, Леонтій Ивановичъ Кичкаровъ синъ, знатний товаришъ сотнѣ пирятинской, Михайло Якимовичъ, писарь мѣскій пирятинскій, тутъ же іерей Θеодоръ Соколовский презвитеръ церкви Спаской пирятинской исписавши тестаментъ сей подписуюся.

---

4. Купчая крѣпость на половину гребли на р. Переводѣ подъ с. Гурбинцами, купленную г. Пирятиномъ 1716 г.

Року тисяча семсотъ шестогонадцеть мѣсяца марта первого дня.

Ми урядъ городовий пиратинский Семенъ Вакуленко сотникъ, Павелъ Тимофѣевичъ атаманъ городовий, Михайло Θомовичъ войтъ, Герасимъ Евхименко и Василь Опанасенко бурмистри з притомностю товариства сотни нашои пиратинскои Якова Кичкаровского, Павла Бусла, Ивана Пасютенка, Ивана Григориевича, чинимъ вѣдомо кому того потреба укажеть теперъ и в потомние часи, иж купилем у вѣчности половину гребли на Переводѣ лежачои у мосту Гурбинского з частю лози и з березничкомъ здавна до тое гребли прилеглимъ у Леска Яценка обывателя нашего пиратинского ценою за сто купъ ровно, никому иншому якъ з насъ старшини товариства и посполитихъ горожанъ нашихъ притомнихъ, но тилко на самий городъ нашъ Пиратинъ и вѣчними часи отнюдъ на тое мененое части гребли нихто немѣеть фундовати млина, але такъ в потомніе часи даби без всякого фундованя лежала, на чомъ сие наше врядовое писаніе ему Леску Яценку видаемо под таким виражениемъ, аще би я сотникъ или атаманъ или по насъ дѣти наши мѣли тамъ коштъ уложивши млинъ построити ку своему пожиткованю, то волно ему Леску Яценку без всякого затрудненя в готовий коштъ увой-

шедши владѣти, а тотъ хто будетъ строити свои коштъ, яко неналежне построилъ мѣетъ тратити такъ и з товариства, яко и з посполства тамъ не повиненъ строити, в чомъ теди ми вряд звшименований ператинский з мененимъ товариствомъ розказалемъ записати при звиклое печати нашое мѣское ператинское з подписанием руки писарское року мѣсяца и дне спицѣфѣкованого.

Сава Ивановичъ на той часъ писарь мѣский (М. П.).

---

5. Рядная запись имущества полученнаго значковымъ товарищемъ Иваномъ Семеновичемъ Вакуловичемъ за женой, дочерью бунчуковаго товарища Лукьяна Свѣчки.

Реестръ добръ Лукяна Свѣчки за Иваномъ Вакуловичемъ ставшимъ его зятемъ сколько якого добра за нимъ знайдуется, а именно ниже сего явствуетъ.

Лѣсъ подъ Пирятиномъ, зовемий Злодяжинъ, которому цена 40 рублей.

Лѣсъ подъ тимъ же Пирятиномъ, зовемий Довжокъ, которому цена сѣмъдесятъ рублей.

Лѣсъ такожъ подъ Пирятиномъ, зовемий Митченский, которому цѣна двѣстѣ рублей.

Лѣсъ подъ селомъ Деймановкою, которому цена сто шестьдесятъ рублей.

Лѣсъ такожъ подъ тоею Деймановкою, которому цена шестьдесятъ рублей.

Садъ в томъ же селѣ Деймановцѣ, при которомъ саду двор з свѣтлицею рубленою и з прочіимъ дворовимъ строениемъ, за якій то садъ и двор рублей сорокъ.

Млинъ о двохъ колахъ подъ самимъ Пирятиномъ на рецѣ Удаи цена чотириста рублей.

Млинъ такожъ на рецѣ Удаи, зовемий Гатчиний о двохъ колахъ, цена такожъ чтириста рублей.

Лѣсъ под Оробями зовемий Скрикувский, який онъ самъ Вакуловичъ кревному своему Павлу, асаулу полку лубенского, продалъ невѣдомо за что и исказалъ, что толко взялъ за него сто рублей, а оному цена лѣсу триста рублей.

Садъ такожъ в Подворкахъ Пирятинскихъ, зовемий Пасютинский, албо Сулженский, якому цена сѣмъдесятъ рублей.

Лѣсъ под Пирятиномъ у Великомъ Островѣ и оному цена сто рублей.

Лѣсъ, прозиваемий Кругликъ, який ценою двадцять рублей.

Лѣсъ, зовемий Момотовщина якій ценою восемь рублей.

Лѣсъ Мартосовщина, якій ценою двѣнадцать рублей.

Лѣсъ Черкасовщина, якій ценою десять рублей.

Лѣсъ Кротовщина, якій ценою восемь рублей.

Лѣсъ Коленковщина, цена оному пятдесятъ рублей.

Садъ на гаткахъ пирятинскихъ з двором цена тридцать руб.

Футоръ Сурмачовский тожъ з великимъ лѣсомъ и садомъ, якій садъ то вже вигноенъ оного Вакуловича статкомъ и з двома рибними ставками и з доволнимъ степомъ, где самого поля на десять верстей и болѣе знайдуется, за якій то футоръ давано тисяча чтири ста рублей, при коемъ то ономъ же футорѣ досталъ оному Ивану Вакуловичу совсѣмъ належнимъ былъ встроеній двор с кошарами и с повѣтами, с погребами и з рублеными трома свѣтлицами и з единою комнатою из коморою рубленою и з протчими тожъ хатами, в якихъ и люде били жиющіе, да и у оних же свѣтлицахъ било двѣ печи покацованнихъ, якимъ цѣна двадцать четыри рубли и коштовно пятдесятма малеованними образами да и з многими доволними в томъ дворѣ посудами ему Ивану Вакуловичу достало, якій то дворъ безъ самого того футора триста рублей и з онимъ же футоромъ цена двѣ тисячи рублей.

Да и когда оному веселя на дочери своей чинилъ тесть, тежъ то немалий коштъ из добръ онихъ на оное веселя ронилъ, где не толко з доволнихъ взятихъ невистачено користей, но еще и в людей денгами заратовувался на оное, за якое то его веселя и нинѣча грунта у арештѣ у людей остаютъ.

Лѣсъ Печорскій, якому цена восѣмдесятъ рублей.

Лѣсъ Качановскій, цена сорокъ рублей.

Лѣсъ у Великомъ Островѣ цена тожъ сорокъ рублей.

Дворъ на подъворку и з двома добрими огородами и з свѣтлицами двома рубленними, з единою коморою рубленною, з олѣйницею, тожъ за его веселя одойшол, якому то двору из огородами и з хатами цена тридцять рублей.

Комора на мѣстѣ за егож веселя тожъ в арештѣ в людей, цена двадцять рублей.

Движимие пожитки.

Пистолетовъ пара, которимъ цена шесть рублей.

Рондъ добрій сребраній, на якомъ штучакъ было за восемъдесятъ рублей.

Кульбаку добрую на сукнѣ тонкомъ золотомъ гафтованомъ, якой цена шестьдесятъ рублей.

Шаблю добрую подъ срѣбромъ, которой цена восѣмнадцать руб.

Коня доброго верхового, якому цена сорокъ рублей.

Пару коней цуговыхъ, якимъ цена тожъ сорокъ рублей.

Пять кобилъ з лошатами каждой цена шестнадцать рублей, итого за пять кобилъ восѣмдесятъ рублей.

Коров пять чабаних с телятами, которимъ цена всякой по пяти рублей итого двадцать пять рублей.

Посуду сребраною.

Ложокъ сребранихъ два тузнѣ, еден позлоцаніи, а другіе саміе срѣбніе, цена пятдесятъ рублей.

Кубокъ великій Срѣбній, цена оному шесть рублей.

Рострухановъ два позлоцанихъ, онимъ цѣна сорокъ рублей.

Кубков три срѣбнихъ позлоцанихъ, онимъ цена десять рублей.

Поясовъ срѣбнихъ позлоцанихъ три, якимъ цена сто рублей.

Перстень щирозлотній з діамантомъ добримъ каменемъ, якому цена сто двадцать рублей.

Перелъ уріанскихъ великихъ шнуровъ десять, якимъ цена чтириста рублей.

Сукманы.

Кунтушъ едомашковий, венецкой едомашки, зеленой, сѣбѣрками добрими подшитий, цена оному сорокъ рублей.

Кунтушъ аксамитній, сѣбѣрками добрими подъшитий, огонами соболѣми обложений, цена оному семдесятъ три рубля.

Кунтушъ блакитний, злотогловній, добрими сѣбѣрками тожъ подшитий, с карунами золотими добрими, якому цена восѣмъдесятъ руб.

Кунтушъ чирвоній, сутозлотогловній, луданомъ великой руки подшитий, с карунами золотими добрими, якому цена сто шестьдесятъ рублей.

Кунтушъ чорній, злотогловній, сѣбѣрками подшитій, с карунами золотими, якому цена шестьдесятъ восемь рублей.

На два кунтушѣ сукна тонкого цвѣтовъ едно маковое, а другое рудое одинадцять локоть, якого сукна локоть по два рублѣ, итого двадцать два рублѣ.

Сподницъ двѣ, една штофовая добрая, другая яштаметовая, якихъ цена двадцать рублей.

Плахотъ шесть добрихъ шолковихъ, якихъ цена тридцать руб.

Запасокъ три, една злотоглавная шестнадцать рублей, другая табиновая три рублѣ, третяя штаметовая рубль без двох гривенъ, якимъ запаскамъ цена без двох двадцать рублей.

Лисицъ десять на футро дано, цена дванадцять рублей.

Лисее футро доброе и зайковое двадцать два рублѣ.

Постѣлъ добрая, цена оной двадцать рублей.

Другая постѣлъ пятнадцать рублей.

Двѣ постелѣ заполочанихъ, кромѣ тихъ, якимъ цена десять руб.

Кошулъ шитихъ золотомъ и прочихъ шистдесятъ, якимъ цена шистдесятъ рублей.

Баволницъ пять, якимъ цена двадцать рублей.

Опрочъ скринѣ с хустками, якихъ било то, золотомъ шитихъ, к тому ручниковъ, скатертей и полотенъ скриня, якимъ цены уже не покладалося.

Кромѣ же того за онимъ Вакуловичемъ, село Малютинцѣ с полями и з грунтами покойного тестя нашего Свѣчки во владѣніи содержится, цена оному три тысячи рублей.

Реестръ вторичний, сколко чего по умертвіи тестя его оставшихъ пожитков онимъ Вакуловичемъ з дому от жени его тестя насилно забрано.

Коней шестеро, воловъ семнадцать, коров шистнадцать, овецъ восемдесятъ, свиней двадцать една, дробини разнои на сотню, да и рухоміе нѣкоторие вещи, мотковъ, клубковъ, вовни на восѣмдесятъ рублей и прочее в господарствѣ знайдуючеeся позабиралъ, пашню, будучую в ямахъ и в полѣ, сколко било, всю тожъ позабиралъ. А сколько оной пашнѣ именно за его насилномъ и нечаянномъ заборѣ не упомнимъ и того всего движимого и недвижимого имѣнія ценою девять тисячъ сорокъ девять рублей, кромѣ скринѣ з рухомостями и что забралъ по умертвию по сему реестру.

Подлѣнний реестръ по листамъ закрепленъ тако: къ сему реестру бунчуковий товаришъ Александръ Гамалѣя за себе и мѣсто бунчукового товариша Лукяна Свѣчки жени его Ирини Свѣчихи руку приложилъ.

Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка.

Въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго есть любопытная рукопись, заключающая въ себѣ стихотворную исторію козаковъ. Она носитъ такое заглавіе: „Героични стихи о славнихъ военнихъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ, вкратцѣ зъ разнихъ гисторій просторѣчно сочиненны. Писанни же года ҂афпд (1784).

Кто былъ авторомъ этихъ „Героичныхъ стиховъ", мы не могли догадаться. Свое имя онъ скрылъ подъ такой загадкой:

„Кто сочинителя хочетъ имя знати,
Сто осмдесятъ одно изволь въ немъ счисляти;
Имя благодатно во священствѣ носитъ.
За благодѣтелей и всѣхъ Бога проситъ.

Другимъ указаніемъ, могущимъ содѣйствовать открытію имени автора, служитъ помѣта, что рукопись писана „года 1784, мѣсяца августа дня 21 *въ ключу уманскомъ*".

Несомнѣнно, что авторомъ было лицо духовное и къ тому же, кажется, монахъ. По крайней мѣрѣ онъ относится съ большимъ уваженіемъ къ „безженству" запорожцевъ. Съ исторіей онъ хорошо знакомъ, ссылается на „Лѣтопись древній", Баронія, Кронѣку польскую, Лѣтопись украинскую.

Съ фактической стороны изложеніе отличается односторонностью. Авторъ изображаетъ только удачи запорожцевъ, совершенно опуская тѣ обстоятельства, которыя такъ или иначе могли бы бросить тѣнь на „козацкую славу". Это объясняется самой цѣлью произведенія. Вотъ что говоритъ авторъ въ „дедикацѣи", помѣщенной въ концѣ „Героичныхъ стиховъ": „Ревнителемъ

сущимъ по славѣ народа своего дорогше всякаго дара и пріятнѣе бываетъ вѣрное описаніе о знатнихъ дѣйствіяхъ предковъ, которое не только къ собственной ихъ чести и похвалѣ касается, но и къ подобнымъ дѣламъ поощряетъ. Немало въ семъ примѣровъ можно снискать; вси древніе храбріи народы, греки, римляне и прочіи гисторіи о тѣхъ яко зерцало себѣ представляли послѣдніи и симъ ревностно къ дѣламъ предковъ своихъ зъ немалою похвалою приподоблялися; въ чемъ и тебѣ славенороссійскій войскъ запорожских народе надобно подражать; и не треба съ чуждихъ народовъ о храбрости, мужествѣ взискивать образцовъ. Посмотри прилѣжно на предковъ своихъ, которихъ я по едной ревности зъ разнихъ гисторій самократчайшимъ описаніемъ безъ опущенія главныхъ дѣйствій, не только о началѣ рода ихъ, но и яже зъ тѣхъ были своего времени славніи и храбріи воини и доселѣ суть, для понятія всѣмъ просторѣчно изобразилъ на сей картинѣ и оную яко зерцало живое любителемъ козацкой слави не только честь и похвалу ихъ, но и ради ревностнаго подражанія представляю вначалѣ содержащему правленіе запорозскаго коша, главному командеру, по немъ войсковымъ и куреннымъ старшинамъ, потомъ и всему войску запорозскому желаніемъ всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, ежели къ принятію благопріятно будетъ, въ даръ усердно посвящаю“.

Конечно, посвящая свое произведеніе кошу запорожскому, авторъ счелъ умѣстнымъ опустить все болѣе или менѣе неблагопріятное. Такъ напр., описывая борьбу козаковъ съ поляками, авторъ совсѣмъ не говоритъ объ измѣнѣ крымскаго хана и о послѣдствіяхъ ея, преувеличиваетъ военныя дѣйствія „прехрабраго Алексѣя“, которыя, какъ извѣстно, были только въ началѣ удачны, а затѣмъ свелись къ нулю; говоритъ, что взятіе козаками Азова принудило Турцію заключить миръ, тогда какъ извѣстно, что произошло совершенно обратное явленіе: миръ былъ разорванъ и т. д.

Понятно, разсматриваемый памятникъ не можетъ служить историческимъ источникомъ; новыхъ свѣдѣній не почерпнешь здѣсь. Онъ любопытенъ только, какъ памятникъ литературы.

Явился онъ, несомнѣнно, подъ польскимъ вліяніемъ. Русская литература не знала такихъ стихотворныхъ „гисторій". Въ Польшѣ же онѣ существовали давно, и выдающимися изъ нихъ были соч. Самуэля Твардовскаго „Wojna domowa z kozaki, tatary, szwedami i węgry" и „Wojna kozacka poźniejsza", посвященныя какъ разъ тому же предмету, которымъ занимаются и наши „Героичны стихи".

Ниже мы съ достаточной подробностью излагаемъ этотъ литературный памятникъ. Стихи его не всегда гладки, но въ общемъ отличаются выдержанностью, читаются довольно легко и должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены къ лучшимъ силлабическимъ стихамъ на русскомъ языкѣ,—главное, они не „высижены": авторъ, несомнѣнно, обладалъ стихотворнымъ и литературнымъ талантомъ.

По примѣру лѣтописей, авторъ начинаетъ свой разсказъ отъ временъ Ноя. Отъ сына Іафетова Гомера „изійде народъ словѣнскій".

Сперва отъ Гомера всѣ звались гомеры,
Отъ рымлянъ цымбри, отъ грековъ кумери;
Когдажъ обладали разними странами,
Разними по дѣйству звались именами:
Козары отъ козъ (мнятъ) прозваніемъ слилы,
За скорость воинску ту почесть имѣли;
Приличнѣе жъ пишутъ, отъ вождя названны
Козака—козары поименованны [1]).

Такимъ образомъ, козаки и козары являются однимъ народомъ. Часть ихъ „съ готѳами связалась" и прошла побѣдоносно чрезъ Европу, Азію, Африку; другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, вели счастливыя и удачныя войны,

Околичній народъ себѣ покорили
И Кvевъ во своей области имѣли,
Такъ же ляховъ, угровъ, сербовъ и болгаровъ
И грековъ въ Азіи стращалъ мечъ козаровъ,
А за Владимера въ вѣрѣ просвѣщенны,
Той же духъ храбрости имѣли военній
Всегда княземъ рымскимъ (?) соблюдали вѣру,

---

[1]) Мы удерживаемъ правописаніе автора.

Были страшни врагомъ отчества чрезъ мѣру.
Когда жъ Тавріею турковъ возобладалъ,
А Кѵевъ з удѣломъ полякомъ голдовалъ,
Тогда и козари храбріи и славны
По всей Украинѣ стали разъсѣянны.
З сихъ рода козаки начали, безженны,
Селитись близъ Днѣпра, чтобъ были военны.
Забава ихъ въ степѣ, ловъ звѣрей, татаровъ
И другихъ плѣняти безбожнихъ варваровъ;
Во всемъ своихъ предковъ дѣламъ ревновали,
Землею и моремъ вездѣ ратовали,
Нестрашно имъ было, легкими суднами
Переплывши море, брань имѣть з врагами.

Въ Азіи они взяли Синопъ, Трапезонтъ, „побрали корысти" подъ Цареградомъ и тѣмъ заслужили себѣ такую славу,

Что королѣ слали бунчуки, булави
И, стражами своей признавши границѣ,
Дали имъ пороги за крѣпки фортеци;
Оттоль запорозци зватись заобикли,
А сѣчовіе, что не разъ враговъ сѣкли;
Отъ того времени стали и гетманы
Отъ королей польскихъ, по ихъ волѣ даны.
Жигмунтъ, Баторій въ чести ихъ имѣли
И козацку вольность на вѣкъ утвердили,
Яку честь гетманску войско сѣчовое
Принявши, чинили вѣрно пользу вдвое.

Они защищали отъ враговъ Польшу и все христіанство,

Ганяли якъ зайцовъ татаръ боязливихъ,
Губили якъ волковъ драпѣжнихъ и льстивихъ,

часто вели войны съ Крымомъ, съ турками и тѣмъ сильно раздражали этихъ своихъ сосѣдей:

На се смотря яро очима, кримскій ханъ
А турецкій зубами воскрежеталъ султанъ,

учинили совѣтъ и порѣшили уничтожить кошъ запорожскій. Но эта попытка ихъ кончилась неудачей. Запорожцы,

Принявъ оружіе, храбрствовали в мнозѣ,
Татаръ, янчаръ жаждныхъ кровью напоили,
Трупъ ихъ птицамъ, звѣремъ на снѣдь порубили.

Крымскій ханъ убѣжалъ, прославляя храбрость козацкую.— Скоро затѣмъ послѣдовало нашествіе турецкаго султана на По-

долію. Подъ Хотиномъ поляки терпѣли нужду, были „гладомъ изморены“ и призвали на помощь запорожцевъ,

Смотря запорозци окомъ жалосливимъ
На ту бѣду ляховъ, съ духомъ запальчивымъ,

бросились ночью на турецкій обозъ,

Якъ туча съ громомъ преужаснимъ,
Обливши весь обозъ крвавимъ дождемъ страшнимъ.

Турецкій султанъ принужденъ былъ заключить съ Польшей договоръ.

Въ награду за всѣ эти подвиги, за то, что

Козаки бѣдни кровъ свою за нихъ проливали
Панство ихъ своими грудми защищали,
Ляхи жъ, злобни, горди, за то мужиками
Защитниковъ своихъ з всѣми ихъ племями
Починили, иго на нихъ наложивши
Неволниче; еще жъ и вѣру зломивши
Греческу, унію ввели въ Украину.

Но Богъ не оставилъ запорожцевъ безъ призрѣнія, онъ отомстилъ ляхамъ за все, что претерпѣли отъ нихъ козаки.

Вдхнулъ Богъ, якъ Моисею, по вѣрѣ и роду
Ревность Хмельницкому, чтобъ отдалъ свободу
Подъ игомъ поляковъ стенячой родинѣ
И православну вѣру Украинѣ.
Богданъ ревностью бѣжитъ роспаленный
Въ Сѣчъ запорожскую, и такъ угашенній
Огонь храбрости давно началъ разжигати
Въ козакахъ, промовляя: „Украина мати
Проситъ о ратунокъ, часъ на конь всѣдати,
Вѣру, родъ и вольность мечемъ защищати!“
Козаки, якъ орлы, въ юность обновленни,
Мщеніемъ паляще, якъ стрѣли огненни,
Призвавъ себѣ въ помощь Бога Правосуда,
Да исполнитъ лица обидящихъ студа,
Зъ Богданомъ на враговъ быстро полетѣли
И многія войны зъ ляхами имѣли.

Далѣе идетъ мастерское описаніе богатаго вооруженія польскаго войска, какъ противоположность бѣдности запорожцевъ, которые

Не въ зелѣзни зброи, но въ храбрость убрани,
Силою крѣпкою свишъ препоясани,
Зъ чего вси до бою просто сердце мѣли,

Къ отмщенію враговъ, якъ пламень, горѣли,
Страшни, якъ львы противъ звѣрей боязливихъ,
Всякъ з нихъ смѣли гонитъ ляховъ полохливихъ.

Чтобъ въ войскѣ не было безпорядка,

Запорожци зъ чорню избрали Богдана
Мужа мудра, храбра себѣ за гетмана.

Съ нимъ вступилъ въ союзъ и крымскій ханъ, древній врагъ запорожцевъ.

Послѣдовавшая затѣмъ война между Польшей и козаками описана въ „Героичныхъ стихахъ", какъ мы выше сказали, односторонне. Козаки одержали побѣду у Желтыхъ водъ, подъ Корсунемъ. Здѣсь битва была особенно удачна:

Всѣхъ ляховъ избито, гетмановъ забрано
Въ неволю зъ панами и хану ихъ дано,
Гетманскіе знаки, бунчуки, булавы
Взялъ Богданъ Хмельницкій для козацкой славы,
Войско жъ разграбивши, обозъ пребогатій,
Измѣняли свои лати на шкарлати,
Агумѣ на кунѣ, бурки на мармурки
И другіи военны, дорогіи раштунки
Въ ронди, конѣ, деньги и сребну посуду,
Такъ всѣмъ збогатились козаки отсюду,
Что прежде ихъ ляхи звали харпаками,
Тогда починили знатними панами.

Затѣмъ слѣдовали битвы подъ Пилявою, Збаражемъ, Зборовымъ, наконецъ зборовскій договоръ, который, впрочемъ, имѣлъ силу только очень недолго. Скоро ляхи

Вщали людемъ чинить незносны обиды,
И се имъ нанесло остатніе бѣды.

Война кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ поляковъ:

И где были войска польскіе собраны,
Козаками сбиты, албо розегнаны,
Крѣпки городы, фортецы добиты,
Паны, шляхты, жиды, жолнѣры побиты.
Якъ ляховъ не стало по всей Украинѣ,
Мало на Полѣсю, Подолю, Волинѣ,
Якъ зайци за Вислу гуртомъ утѣкали,
Много жъ ихъ въ неволю татары забрали;
З чего пуста Польща, бывши всѣмъ обфита;
Въ укоризнѣ стала у цѣлого свѣта;
Якъ Богъ отомстилъ ляхамъ гордимъ за обиды,

Смиреннимъ козакамъ далъ славни побѣды,
Тогда запорожскій Марсъ мечъ успокоилъ
И границу по Случъ отъ Польщи устроилъ,
Гдѣ во знакъ поставилъ трофей тріумфальной
Ляхамъ на страхъ, своимъ для памяти славной.

Козацкая слава быстро облетѣла весь свѣтъ. Къ Хмельницкому начали приходить послы и отъ султана турецкаго, и отъ королей шведскаго и венгерскаго. Но Хмельницкій, „учинивши совѣтъ“, отдался со всѣмъ войскомъ „подъ высокую царей россійскихъ державу“, обѣщаясь служить имъ вѣрно:

Украина жъ іго лядзке извергнула,
Подъ россійскимъ кровомъ мирно отдохнула,
Церкви отъ Уніи стали очищенны
И россійской свято присовокупленны.

Ляхи и турки еще разъ сдѣлали попытку завоевать Украину, но „Алексѣй прехрабрый“ не допустилъ ихъ до этого:

„Литва и Русь бѣла устрашилась,
До самихъ Курляндовъ совсѣмъ (?) покорилась,
Смоленскъ з всѣмъ удѣломъ взятъ и побѣжденній
И оттолѣ ляхамъ сталъ невозвращённій.

На Украинѣ всѣ враги были усмирены:

Татаре, якъ щурѣ, въ свои мѣста скрылись,

ляхи заключили миръ; къ этому же были принуждены и турки, послѣ того, какъ козаки овладѣли Азовомъ (?)

Вездѣ жъ запорозци вѣрность оказали,
Въ приступахъ и бою храбро поступали,
Между тимъ бывали облудны гетманы
Въ Украйнѣ, горды и непостоянны,
Якъ Выговскій, Юрась и други подобны,
Вѣроломны, хитры, зловѣрны и злобны,
Войскомъ запорожскимъ чрезъ зрады мутили
И вѣчну погибель себѣ заслужили.
Однакъ запорозци, на се обозрѣвшись,
Въ своемъ постоянствѣ напередъ утвердившись,
Стали служить вѣрно россійской державѣ,
Ревнуючи предкомъ храбрости и славѣ.

Это они доказали и въ турецкую войну „за Августы Анны“, когда турки были побѣждены и Порта должна была просить мира.

Въ заключеніе авторъ касается устройства запорожскаго коша:

Кромѣ сего, кто знать хочетъ ихъ порядки,
И яки въ безженствѣ спасенны обрядки:
Едному почести зъ совѣтомъ ввѣряютъ,
Правленіе; когда жъ хотятъ, отмѣтаютъ;
Судъ у нихъ скоръ, но правъ по дѣламъ бываетъ,
Тимъ зло скореняютъ, страхъ же насаждаютъ;
Разнимъ сокровище трудомъ набиваютъ,
На странныхъ и бѣдныхъ онимъ снабдѣваютъ,
Любовъ, милостиня якъ бы въ нихъ врожденна,
Въ многихъ церквахъ Богу в жертву освященна.
За все жъ слава громка такъ своему люду
Вѣватъ запорожскій кошъ гласитъ повсюду.

Н. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Петра I о полтавской побѣдѣ. Kopia listu naiasnieyszego Cara jego mości do jasniewelmożnego jego mości pana woiewody Bełzkiego, hetmana wielkiego koronnego, z pod Pułtawy, die 27 junij (8 julij) anno 1709 pisanego.

Obiawiamy wmci o bardzo wielkiey y niespodziewaney wiktoryey, ktorą Pan Bog nam przez nieopisane męstwo sołdatow naszych darować raczył z małym woysk naszych krwie rozlaniem, takim sposobem:

Dnia dzisieyszego, narozświtaniu, hardy y gorący nieprzyiaciel attakował kawaleryą naszę ze wszyskim woyskiem konnym y pieszym, ktora choc według należytości trzymała się, iednak musiała była ustąpić, ale z wielką utratą nieprzyiacielską. Potym nieprzyiaciel stanął frontem przeciwko naszemu obozowi, przeciwko ktoremu zaraz wszytkie piechoty nasze z transzamentu wyprowadziliśmy y przed oczyma nieprzyiacielskiemi postawiliśmy, a kawalerya na obodwoch flankach stała. Co widząc nieprzyiaciel zaraz ruszył się y stanął przy lesie; przeciwko ktorego nasi spotykaiąc poszli y tak spotkali, iż go zaraz z pola zbili; chorągwi y dział wiele wzięli, przy tym generała feltmarszała Renszelda wespoł z czterema generałami, to iest: Szlipenbachem, Sztakelberkem, Hamiltonem i Rosenem. Wzięty także pierwszy minister graff Piper z dwoma sekretarzami Helmelinem y Cyderhelmem, przy ktorych kilka tysięcy officyerow y prostych żołnierzy dostało się. O tem fusius wkrotce pisać będziemy, a teraz dla prętkości nie można; y iednym słowem mowiąc: całe nieprzyiacielskie woysko Faetonow koniec otrzymało.

O krolu ieszcze nie możemy wiedzieć, ieżeli tu z nami, albo oycami naszemi znayduie się.

Za rozpłoszonym y rosproszonym nieprzyiacielem posłani z kawaleryą: xiąże iego mość general leytenant Galiczyn i iego mość pan Baur. I tą u nas niesłychaną nowiną w-mci pozdrawiamy. Piotr.

P. S. Przyprowadzono ieszcze x-cia Wittemberskiego, krewnego krola Szwedzkiego.

Переводъ: Копія письма пресвѣтлѣйшаго царя его милости къ ясневельможному его милости пану воеводѣ белзскому, гетману великому коронному, изъ-подъ Полтавы, 27 іюня (8 іюля) 1709 года.

Извѣщаемъ вашу милость о весьма значительной и неожиданной побѣдѣ, которую Господь Богъ благоволилъ даровать намъ, благодаря неописанному мужеству нашихъ солдатъ, и притомъ безъ большого пролитія крови войскъ нашихъ. Дѣло происходило такъ:

Сегодня, на разсвѣтѣ, гордый и пылкій непріятель со всѣмъ войскомъ коннымъ и пѣшимъ атаковалъ нашу кавалерію, которая хотя съ надлежащею стойкостью выдерживала натискъ, но должна была отступить, причинивъ однако въ непріятельскомъ войскѣ большія потери. Послѣ того непріятель обернулся фронтомъ къ нашему лагерю, а мы тотчасъ вывели противъ него изъ ретраншементовъ всю нашу пѣхоту и поставили ее предъ лицемъ непріятеля, кавалерія же расположилась на обоихъ флангахъ. Увидѣвъ это, непріятель тотчасъ двинулся и сталъ у лѣса. Наши вступили съ нимъ въ бой и нанесли такое пораженіе, что онъ былъ прогнанъ съ поля битвы. Взяли много знаменъ и пушекъ, плѣнили генерала-фельдмаршала Реншильда вмѣстѣ съ четырьмя генералами: Шлиппенбахомъ, Штакельбергомъ, Гамильтономъ и Розеномъ (Роосомъ?); взятъ также первый министръ графъ Пиперъ съ двумя секретарями: Гельмелиномъ и Цыдергельмомъ—и съ ними нѣсколько тысячъ офицеровъ и простыхъ солдатъ. Въ скоромъ времени напишемъ объ этомъ пространнѣе, теперь же не можемъ по причинѣ спѣшности. Словомъ сказать—все непріятельское войско постигла судьба Фаетона [1]).

О королѣ еще не имѣемъ свѣдѣній—живъ ли онъ, или переселился къ праотцамъ.

Въ погоню за разгромленнымъ и разсѣяннымъ непріятелемъ посланы съ кавалеріей генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ и Бауръ (Боуеръ).

Поздравляемъ вашу милость съ этой неслыханной новостью.

Петръ.

PS. Привели еще князя виртембергскаго, родственника шведскаго короля.

---

[1]) Намекъ на извѣстный миѳологическій разсказъ о Фаетонѣ, сынѣ Геліоса погибшемъ вслѣдствіе неумѣнія управлять солнечной колесницей.

Письмо это было адресовано польскому коронному гетману Адаму-Николаю Сенявскому, воеводѣ белзскому, который былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ короля Августа и противникомъ покровительствуемаго шведами Станислава Лещинскаго. Петръ лично зналъ его и неоднократно приказывалъ гетману Мазепѣ посылать ему въ помощь козацкіе отряды противъ шведскихъ партизановъ. Въ его интересахъ было какъ можно скорѣе увѣдомить Сенявскаго объ одержанной имъ блестящей побѣдѣ надъ Карломъ XII, такъ какъ онъ зналъ, что это извѣстіе должно было рѣшительно подорвать въ Польшѣ шансы партіи Лещинскаго и укрѣпить положеніе дружественной Россіи партіи Августа.

Что письмо писано въ самый день полтавской побѣды—это явствуетъ изъ самаго его содержанія, не говоря уже объ его датѣ. Петръ еще ничего не знаетъ о судьбѣ Карла, даже не увѣренъ въ томъ, остался ли онъ въ живыхъ, или убитъ. Судя по упоминанію о посылкѣ князя Голицына и Боуера въ погоню за остатками шведской арміи, можно съ точностью сказать, что письмо было написано вечеромъ или ночью 27 іюня: извѣстно, что Петръ въ такой степени увлекся торжествомъ по случаю одержанной побѣды, что не прежде какъ уже вечеромъ спохватился отправить въ погоню за отступившимъ съ поля непріятелемъ.

Съ фактической стороны письмо не прибавляетъ почти ничего новаго къ тѣмъ подробностямъ о полтавской битвѣ, какія уже извѣстны изъ другихъ источниковъ; но оно драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что отражаетъ въ себѣ довольно явственно душевное настроеніе Петра въ одинъ изъ радостнѣйшихъ дней его жизни. Въ каждой фразѣ сквозитъ радостное чувство счастливаго побѣдителя, но нѣтъ ни обычной въ подобныхъ случаяхъ похвальбы, ни кичливости, ни презрительнаго отношенія къ противникамъ. Несмотря на краткость реляціи, Петръ съ замѣчательною правдивостью не забываетъ упомянуть и о томъ, что начало битвы не было особенно благопріятно русскимъ—наша кавалерія должна была отступить, да и самую побѣду онъ откровенно называетъ «неожиданной», какою она и была на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ сдержанныхъ по тону и замѣчательно правдивыхъ реляцій не много найдется въ исторіи.

Настоящее письмо, сколько намъ извѣстно, не было еще издано. Современная копія его отыскана въ бумагахъ Н. Д. Иванишева и, какъ кажется, была получена имъ изъ архива К. Свидзинскаго.

Ор. Левицкій.

Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в.

XVIII-й вѣкъ, особенно въ началѣ и концѣ, былъ для Россіи и временемъ быстраго внутренняго развитія вслѣдствіе реформъ петровскаго и екатерининскаго царствованія, и временемъ ея наибольшаго территоріальнаго распространенія; само собою разумѣется, что быстрое развитіе государственной жизни вызывало много недовольныхъ среди тѣхъ лицъ, сословій и національностей, которымъ приходилось примѣняться къ новымъ условіямъ жизни; разъ зародившееся чувство неудовольствія стремилось перейти въ открытое противодѣйствіе власти, принимая нерѣдко широкіе размѣры. Забота послѣдней о предупрежденіи такого перехода была причиною того, что многіе факты общественной жизни не допускались до всеобщаго свѣдѣнія, а участвовавшія въ нихъ лица ставились въ такое положеніе, при которомъ они не могли оказать воздѣйствія на общественное мнѣніе. Въ наше время нѣкоторые изъ этихъ фактовъ могутъ казаться имѣющими весьма слабое значеніе, но тогда, въ тревожный XVIII вѣкъ, въ моментъ своего совершенія, они были въ глазахъ современниковъ весьма серьезны, важны и опасны для общественнаго спокойствія. Возникавшія по поводу такихъ фактовъ дѣла восходили обыкновенно на высочайшее разсмотрѣніе и служили предметомъ болѣе или менѣе обширной переписки, быстраго обмѣна всякаго рода указовъ, ордеровъ, репортовъ, доношеній, слѣдствій, приговоровъ и проч. до тѣхъ поръ, пока обнаружившееся неудовольствіе не подавлялось вполнѣ. Будучи въ свое время предметами первостепенной государственной важности, эти малоизвѣстные факты, хотя и вызывали переписку въ провинціи, но главнѣйшая ея часть, въ которой разъяснялась самая сущность дѣла, должна была оставаться въ архивахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій сообразно своему содержанію; въ архивахъ же учрежденій провинціальныхъ, даже такихъ, какимъ была существовавшая нѣкогда въ Кіевѣ губернская канцелярія, этотъ главный центръ управленія южной Россіей въ XVIII вѣкѣ, сохранялась лишь часть дѣлъ, поэтому при разборѣ провинціальныхъ архивовъ мы встрѣчаемъ или начало дѣла и не имѣемъ конца, или конецъ дѣла, дающій поводъ къ разнаго рода предположеніямъ о его происхожденіи и сущности. А между тѣмъ эти отрывки указываютъ, какъ мы уже сказали, на важныя событія своего времени. Изъ такихъ отрывочныхъ дѣлъ я изложу четыре, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ никакой внутренней связи между ними

нѣтъ и они отдѣляются одно отъ другаго значительнымъ промежуткомъ времени.

Въ 1749 году въ кіевской губернской и въ малороссійской генеральной войсковой канцеляріяхъ былъ полученъ высочайшій указъ имп. Елисаветы; въ немъ, между прочимъ, говорится, что «обрѣтается въ Казани нѣкоторая женщина польской націи Авдотья Устрицкая, которая, по той причинѣ, что въ ея отечество отпущена быть не можетъ, имѣетъ остаться въ здѣшней имперіи вѣчно; и велено нынѣ съ Казани отпустить ее въ Москву или на Украину, а для пропитанія ей по смерть или по замужество, буде похочетъ, всемилостивѣйше опредѣлено ея императорскимъ величествомъ по сту по петьдесятъ рублевъ на годъ». Дальше въ указѣ сообщаются менѣе важныя подробности о томъ, что деньги (150 руб.) за 1749 г. уже выданы ей въ Казани, а въ слѣдующіе годы должны выдаваться по мѣсту жительства Устрицкой или въ Москвѣ изъ штатъ-конторы или въ Кіевѣ изъ губернской канцеляріи. Послѣдняя, получивъ указъ, немедленно объявила его всѣмъ форпостнымъ командирамъ по западно-русской границѣ, обязавъ ихъ особой подпиской ни подъ какимъ видомъ не пропускать Авдотьи Устрицкой въ Польшу. Мы не находимъ въ дѣлѣ ни малѣйшаго указанія на вину Устрицкой и можемъ лишь догадываться, что она была жертвой тогдашнихъ дипломатическихъ отношеній Россіи и Польши, и притомъ жертвой, дорого цѣнившейся, если судить по тому, сколько назначено было ей «для пропитанія», а назначено ей было немного меньше, чѣмъ на содержаніе всей кіевской академіи, которая по грамотѣ 1742 г. должна была довольствоваться всего лишь 200 руб. Мало разъясняетъ судьбу Устрицкой и разсмотрѣніе отношеній русскаго двора къ польскому въ 1749—1750 гг. Русское правительство въ то время старалось поддержать добрыя отношенія къ Польшѣ, нарушавшіяся часто жалобами православнаго русскаго населенія на гоненія отъ католиковъ. Поэтому русское правительство могло лицъ, особенно громко и настойчиво жаловавшихся на польскіе порядки забирать къ себѣ, давать имъ средства къ безбѣдному существованію, но не выпускать въ Польшу. Хотя Устрицкая, судя по имени и фамиліи, и могла быть польской подданной православнаго исповѣданія, но, принявъ во вниманіе ея полъ и молодой возрастъ (въ указѣ предусматривается возможность выхода ея замужъ), трудно допустить ея причастность къ религіознымъ распрямъ двухъ народностей.

Но если люди «польской націи» порождали въ русскомъ правительствѣ опасенія за свои интересы въ дѣлахъ сосѣдняго государства, то не меньше хлопотъ ему дѣлали и запорожцы, среди которыхъ «шаткость и измѣны» не прекращались и изрѣдка обнаруживались; чаще всего вся измѣна сводилась къ желанію запорожцевъ остаться при старыхъ правахъ и вольностяхъ, и обвиненіе оказывалось извѣтомъ; кажется таковымъ же оказалось и громкое дѣло 1750 г. объ измѣнѣ бывшаго кошевымъ атаманомъ Василія Григорьева Сыча; мы не имѣемъ конца этого дѣла, но сущность его заключается въ слѣдующемъ: харьковскаго полка козакъ Власъ Титаренко еще въ 1748 году отправился на заработки въ Калміусъ, а оттуда прошелъ въ Сѣчь и сталъ работать въ нижне-стебловскомъ куренѣ у куреннаго атамана Грицка Лобура; атаманъ отправилъ Титаренка работать въ своемъ зимовникѣ на уроч. Бузулукѣ.

Въ началѣ октября того же года въ зимовникъ пріѣхали навѣстить атамана запорожцы Василій Бочмакъ, Иванъ Донъ, Яцко Голодный и два неизвѣстные Титаренку по имени; собравшіеся козаки стали спрашивать Бочмака, возвратившагося незадолго передъ тѣмъ изъ какой-то поѣздки, что новаго слышалъ онъ. Бочмакъ, отвѣтствуя, сказывалъ: «слава де Богу, же гараздъ!», только слышалъ, что бывшій войска запорожскаго атаманъ Сычь измѣнилъ и они-де то знаютъ четверо, то есть онъ, Сычь, да брюховецкаго куреня куренной атаманъ Передери, а кто два другіе ихъ «согласники» того Бочмакъ «не выговорилъ и не сказывалъ». Предполагая въ слышанномъ разговорѣ предметъ великой важности, Титаренко немедленно отправился къ стоявшему въ м. Богородичномъ форпостному командиру и объявилъ за собою «слово и дѣло»; тутъ же онъ, кромѣ того слышалъ отъ козака пашковскаго куреня, «что ихъ куренной атаманъ приказываетъ чтобы козаки его куреня ружемъ и протчимъ были во всякой исправности и гдѣ будутъ оные обрѣтаться, чтобъ де только онъ, атаманъ, зналъ»; кромѣ того Титаренко примѣтилъ, что будучи еще лѣтомъ у моря, въ Калміусѣ, слышалъ отъ пріѣхавшихъ туда многихъ запорожцевъ-козаковъ, что бывшій кошевой атаманъ Василій Сычь «далъ позволеніе, дабы запорожцы, а особливо бѣдные, шли подъ поляковъ для воровства и будто за то стоящій подъ Чернымъ лѣсомъ москаль, а кто таковъ и подлинно ль такъ не знаетъ, даетъ жалованья, а бывшій же де брюховецкій куренный атаманъ Передери съ полковникомъ Капнистомъ уже за одно гуляютъ и съ нимъ цукомъ ѣздятъ; и онъ де, Капнистъ, наставлялъ

его Передерія наказнымъ полковникомъ, гдѣ и надъ какою командою, не знаетъ; что услыша многіе изъ запорожцевъ, хотя бы кто имѣлъ заработки и на комъ деньги, но оставя оное, туда шли». Въ этихъ немногихъ словахъ, слышанныхъ Титаренкомъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ, заключается сущность объявленнаго имъ за собою «слова и дѣла» государева. Несомнѣнно, что изъ этихъ отрывочныхъ разговоровъ въ живомъ воображеніи Титаренка создалось представленіе о какихъ-то тайныхъ намѣреніяхъ кошеваго о какомъ-то броженіи среди козачества и приготовленіи къ чему-то важному. Къ сожалѣнію въ имѣющемся у меня дѣлѣ нѣтъ показаній оговоренныхъ Титаренкомъ лицъ, особенно же Сыча и Передерія. Вся длинная переписка въ этомъ дѣлѣ состоитъ изъ репортовъ форпостнаго командира начальнику украинской линіи генералъ-маіору Лукину, которому подчинялся Титаренко, какъ харьковскій козакъ; доношенія объ этомъ Лукина въ сенатъ, указъ императрицы Елисаветы за подписью канцлера гр. Алексѣя Бестужева-Рюмина кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву, которому поручалось произвести разслѣдованіе самому, не посылая свидѣтелей «въ извѣстную коммиссію»; указъ государыни былъ полученъ въ Кіевѣ 29 ноября 1750 г.; съ этого времени изъ канцеляріи посылаются ордеры о доставкѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей въ Кіевъ, заклепавъ ихъ въ ручныя и ножныя желѣза за строгимъ карауломъ, чтобы въ пути «дурна какого надъ собою не учинили». Весьма вѣроятно, что арестованные запорожцы были переданы для допроса и слѣдствія въ ту коммиссію, которая разсматривала дѣло миргородскаго полковника Капниста; передача являлась сама собой необходимой, потому что въ показаніи Титаренка Капнистъ упоминается какъ близко стоявшій къ атаману Передерію. По сообщенію Соловьева и Бантыша-Каменскаго, Капнистъ обвинялся въ намѣреніи отравить только что назначеннаго тогда на гетманство Разумовскаго и въ претензіяхъ на гетманское достоинство, котораго онъ надѣялся достигнуть при содѣйствіи татаръ; доносъ оказался ложнымъ, но слухъ о немъ, дойдя до Запорожья, какъ видно изъ показанія Титаренка, вызвалъ если не броженіе, то разговоры. Дѣло о судѣ надъ Капнистомъ хранится въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ и состоитъ изъ трехъ огромныхъ томовъ; оно было произведено въ особой секретной коммиссіи, назначенной кіев. губернаторомъ Леонтьевымъ; тамъ, намъ кажется, должно искать и результатовъ слѣдствія надъ кошевымъ Сычемъ и атаманомъ Передеріемъ, которые, если и могли быть въ чемъ либо виновны, то лишь въ рас-

пространеніи нелѣпыхъ толковъ о Капнистѣ, да въ большемъ или меньшемъ довѣріи этимъ толкамъ. Руское правительство, всегда недовѣрчиво относившееся къ козацкой вѣрности, считало опасными подобные толки и, вѣроятно, примѣрно наказало всѣхъ оговоренныхъ Титаренкомъ лицъ, хотя самъ Капнистъ былъ оправданъ.

Но если правительство строго наказывало за всякое возбужденіе козацкой вольницы или даже за попытку къ этому, то мы имѣемъ примѣръ, что оно не оставляло безъ награды всякое проявленіе вѣрности къ себѣ и молчаніе о такихъ фактахъ, которые могли подать поводъ къ смутѣ среди козацкой черни.

Такимъ было секретное дѣло о подговорѣ крымскимъ ханомъ запорожцевъ къ соединенію съ нимъ и отпаденію отъ Россіи. Оно возникло по слѣдующему поводу: въ началѣ августа 1762 года кошевой атаманъ Калнишевскій посылалъ въ Каушаны къ крымскому хану Крымъ-Гирею съ письмами, по поводу какихъ-то столкновеній запорожцевъ съ татарами, одного изъ козацкихъ старшинъ Самуила Недзельскаго. Послѣдній, вручивъ письма ханскому переводчику Якубу-агѣ [1]), жилъ на опредѣленной ему квартирѣ три дня въ ожиданіи отвѣта. При свиданіяхъ съ нимъ Якубъ-ага подъ клятвой заявлялъ: «счастливо де ваше войско и все сегобочное поселеніе, что въ Россіи извѣстная перемѣна сдѣлана, а какъ бы де такъ не перемѣнилось, то бъ де государь бывшій запорожскія и всѣ сегобочныя земли хану крымскому жаловалъ, а запорожцы де за Кубань переведены бъ были и уже де обѣщалъ». Въ другой разъ, указывая Недзельскому на приготовленія татаръ къ войнѣ, прибавлялъ: «ханъ въ нинешнюю осень въ холодное время хочетъ погулять и проходитца съ войсками, показать себе». На распросы Недзельскаго, куда ханъ хочетъ идти погулять, Якубъ-ага увѣрялъ только «увидите де вскорѣ». При этомъ переводчикъ прибавлялъ: «щастливо де ваше мѣсто и Божее есть знать тамъ особое призрѣніе, а именно, много де-намъ воспрепятствовала нынѣшняя въ Россіи перемѣна (т. е. вступленіе на престолъ Екатерины) тѣмъ, что земля вся, которою запорожцы владѣютъ уже обѣщана была чрезъ прусскаго короля хану крымскому къ присовокупленію до Крыму и бывшій государь непремѣнно бъ согласился, а ханъ бы за то заслужилъ». Подготовивъ такимъ образомъ слушателя своего, Якубъ-ага сталъ выражаться прямо и откровенно;

---

[1]) Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII стол. (1715—1774 г.), изд. Импер. одес. общ. ист. и древн. Одесса. 1886 г., стр. 392.

«открылъ такови перемѣни»: «его де свѣтлость ханъ примѣтилъ тебе, что ты грамотенъ и въ дѣлахъ довѣренъ, приказалъ, чтобъ ты господину кошевому атаману нинешнему, старшинамъ, атаманамъ и старикамъ запорожскимъ отъ его свѣтлости секретной поклонъ представилъ и объявилъ имъ, что его свѣтлость ханъ желаетъ и совѣтуетъ, дабы запорожское войско по прежнему вступило съ нимъ въ дружбу и присовокупилось до Крыму, а онъ, ханъ, по нинешнимъ своимъ силамъ и обстоятельствамъ съ запорожцами, зная ихъ издревле храбрость, много бъ де здѣлать могъ слави и запорожскому войску великое добро сыскать». Недзельскій, понявъ всю опасность и безполезность предложенія, отговаривался тѣмъ, что онъ въ кошѣ новый человѣкъ, и притомъ «небольшой», не рѣшался вести переговоры такой важности и просилъ, чтобы ханъ изволилъ написать въ кошъ письмо; переводчикъ тотчасъ же пошелъ къ хану; болѣе двухъ часовъ совѣтовались они, какъ поступить. Наконецъ, переводчикъ, возвратясь, сказалъ, что «ханъ предразсудилъ о семъ дѣлѣ послать въ кошъ Запорожскій особо нарочныхъ и черезъ нихъ писать вскорѣ». Послѣ этого Недзельскій былъ отпущенъ «учтиво и ласково» домой. Прибывъ въ кошъ 24 августа, онъ сообщилъ объ этомъ предложеніи хана Кальнишевскому. Кальнишевскій передалъ все отъ слова до слова пограничному съ Турціей коммиссару маіору Чугуевцу; Чугуевецъ сообщилъ кіевскому губернатору Глѣбову; послѣдній тотчасъ же донесъ о такомъ чрезвычайномъ случаѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для сообщенія государынѣ, а самъ распорядился, чтобы послы хана, поставленные въ невозможность сговариваться съ простыми козаками, были приняты, письмо отъ нихъ взято кошевымъ и коммиссаромъ вмѣстѣ и тотчасъ словесно было бы отвѣчено, что «оное ево ханское покушеніе, простирающееся въ противность вѣчно заключеннымъ между Россійской Имперіей и Портой Оттоманской трактатамъ и вѣрноподданнической ихъ къ ея императорскому величеству рабской должности тщетнымъ и презрительнымъ на всегдашнее время имѣетъ оставаться». Затѣмъ губернаторъ предписалъ выслать пословъ съ надлежащимъ конвоемъ заграницу и строго смотрѣть, чтобы на будущее время «подсылокъ» отъ хана происходить не могло, а въ самомъ войскѣ запорожскомъ содержались бы «добрые порядки». Недзельскаго губернаторъ требовалъ къ себѣ для объясненій въ крѣпость св. Елисаветы. Вообще же приказывалъ все это дѣло хранить въ великой тайнѣ; «найвышшемъ секретѣ» отъ товариства.

Изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ между тѣмъ указъ, которымъ одобрялись и утверждались распоряженія губернатора, Недзельскому посылалась отъ государыни въ награду сабля съ надписью «за усердіе», а Кальнишевскому предписывалось отписать съ похвалою за его благородное поведеніе; но все это должно было сдѣлать секретно и не разглашать среди черни. Исполняя этотъ указъ, губернаторъ въ своемъ ордерѣ Кальнишевскому отъ 31 іюля 1763 г. выражается такъ: «понеже сей вашъ поступокъ дѣйствительно доказалъ благоразумное ваше поведеніе и ревностное къ службѣ ея имп. вел. усердіе и справедливо заслуживаетъ апробацію и особливую вамъ похвалу, то въ разсужденіи того рекомендуется вамъ и впредь въ таковыхъ и сему подобныхъ случаяхъ поступать съ равномѣрнымъ усердіемъ и всегда стараться за поступками войска запорожскаго примѣчать и отъ худыхъ предпріятій воздерживать, что не инако, какъ пріобрѣсть можетъ высочайшее ея имп. вел. благоволѣніе; но однакожъ сего ордера въ войскѣ запорожскомъ не показывать и не разглашать, чтобы совсѣмъ объ извѣстномъ обстоятельствѣ козаки не знали». Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ Глѣбовъ приказываетъ кошевому выслать въ Кіевъ Недзельскаго для врученія сабли, но подъ какимъ-нибудь «приличнымъ претекстомъ» «для неизвѣстности козакамъ»; придумать «приличный претекстъ» предоставлялось «на разсужденіе» кошеваго. Но простыя похвалы не удовлетворили Кальнишевскаго. Конечно по его просьбѣ въ сентябрѣ того же 1763 года, когда кошевымъ атаманомъ былъ уже вмѣсто него Григорій Өедоровъ, послѣдній ходатайствовалъ предъ губернаторомъ о назначеніи какой-либо болѣе существенной награды своему предшественнику; но ходатайство не имѣло успѣха. Недзельскій же былъ отправленъ новымъ кошевымъ Филиппомъ Өедоровымъ въ Кіевъ за полученіемъ сабли только 29 января 1764 г., а въ мартѣ губернаторъ донесъ коллегіи иностр. дѣлъ, что сабля Недзельскому вручена и о храненіи тайны подтверждено. Судьба другихъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ очень скоро измѣнилась: Крымъ-Гирей ханъ былъ лишенъ Портой сана за свои широкія стремленія къ самостоятельности въ сентябрѣ того же 1764 года; бывшій при немъ переводчикомъ Якубъ-ханъ возвысился до званія дубоссарскаго гетмана; его расположеніемъ дорожило русское правительтство и въ 1766 году платило ему жалованья по 900 руб. въ годъ; конечно онъ такъ же усердно хлопоталъ теперь о присоединеніи Крыма къ Россіи, какъ прежде старался отторгнуть отъ нея Запорожье.

Къ концу XVIII в. количество лицъ, оказавшихся виновными или подозрѣвавшихся въ какихъ либо тайныхъ замыслахъ, могущихъ нарушить общественное спокойствіе, увеличилось; о нихъ не всегда даже производилось судебное дознаніе, нерѣдко по секретнымъ распоряженіямъ ихъ постригали въ монастыри, отравляли въ темницы и больницы или ссылали въ Сибирь, гдѣ они и оканчивали свою жизнь. Такихъ лицъ, несомнѣнно опасныхъ или только предполагавшихся таковыми, вѣроятно было довольно много потому, что въ началѣ царствованія Александра I явилась необходимость назначить коммиссію для пересмотра уголовныхъ дѣлъ прежнихъ царствованій съ цѣлью отдѣленія виновныхъ отъ мнимо-преступныхъ. 4 октября 1802 г. эта коммиссія представила на высочайшее усмотрѣніе списокъ дѣлъ, по которымъ многимъ осужденнымъ давалось облегченіе или даже свобода; надо думать, что коммиссія 1802 г. не могла почему-либо собрать свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, томившихся въ заключеніи, особенно вѣроятно о такихъ, ссылка или заключеніе которыхъ не сопровождалось производствомъ дѣла на бумагѣ; только вслѣдствіе этого обстоятельства я думаю указомъ отъ 13 января 1807 г. учрежденъ былъ новый комитетъ, который, между прочимъ, отъ всѣхъ губернскихъ административныхъ учрежденій потребовалъ сообщеній «о содержащихся въ монастыряхъ или другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, независящихъ отъ гражданскаго вѣдомства разнаго званія людяхъ, присланныхъ въ оные по дѣламъ особенной важности или по секретнымъ повелѣніямъ, даже въ видѣ безумныхъ или помѣшавшихся въ разсудкѣ». Комитетъ 1807 г. или поздно открылъ свои дѣйствія, или былъ обременъ дѣлами, или дѣйствовалъ медленно, но только свѣдѣнія о такихъ лицахъ потребованы были комитетомъ и отъ кіевскаго гражданскаго губернатора П. С. Черепанова лишь во второй половинѣ 1816 г.; губернаторъ тотчасъ же отнесся съ запросомъ объ этомъ къ кіевскому коменданту и кіевскому митрополиту Серапіону. Изъ отвѣта коменданта видно, что въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ заключеній секретныхъ арестованныхъ нѣтъ; митрополитъ же въ своемъ сообщеніи заявилъ, что такія свѣдѣнія уже потребованы отъ него непосредственно оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода кн. А. Н. Голицынымъ для удовлетворенія предъявленнаго къ послѣднему требованія генералъ-фельдмаршала кн. Н. И. Салтыкова еще въ началѣ 1816 г.; тѣмъ не менѣе, пославъ уже отвѣтъ кн. Голицыну, митрополитъ Серапіонъ сообщаетъ имѣющіяся у него свѣдѣнія и губернатору Черепанову; изъ нихъ мы узнаемъ, что ка-

кая-то дѣвица или женщина, въ силу высочайшаго повелѣнія имп. Екатерины, была пострижена въ монастырь (когда и какой не сказано) подъ именемъ монахини Піоры; впослѣдствіи этой карательной мѣры оказалось недостаточно и по именному повелѣнію государыни монахиня Піора была разстрижена, переименована въ Анну Яковлеву и сослана въ г. Туруханскъ тобольской губ.; тамъ она оставалась до 1802 г., когда коммиссія, пересматривавшая уголовныя дѣла, нашла возможнымъ облегчить и положеніе Анны Яковлевой; она была переведена на жительство, въ качествѣ послушницы, въ Кіево-Фроловскій монастырь и освобождена отъ всякаго надзора. 11 декабря 1803 г. Яковлева доставлена была въ Кіевъ. Излагаемая нами переписка застала ее еще въ живыхъ; отъ роду ей было въ это время (т. е. въ 1816 г.) 65 лѣтъ, слѣдовательно она родилась въ 1751 году; по донесеніямъ игуменьи монастыря Смарагды, Яковлева вела жизнь самую строгую; вслѣдствіе болѣзни и слабости она по большей части находилась въ монастырской больницѣ.

Кто была въ дѣйствительности монахиня Піора, а потомъ Анна Яковлева, за что постигла ее жестокая кара, въ сохранившейся перепискѣ не говорится; мы знаемъ только, что все случилось по именному повелѣнію и по секретному дѣлу; что и не даетъ возможности сдѣлать какихъ либо опредѣленныхъ предположеній. Анна Яковлева, по всей вѣроятности, вскорѣ и умерла во Флоровскомъ монастырѣ, но мнѣ не удалось собрать о ней никакихъ ни воспоминаній, ни преданій.

Указаніемъ на имена этихъ загадочныхъ женщинъ, съ печальной судьбою которыхъ соединяются болѣе или менѣе интересныя, неизвѣстныя намъ событія, и приведеніемъ фактовъ изъ жизни Запорожья я хотѣлъ бы обратить на нихъ вниманіе болѣе счастливаго изслѣдователя и дать ему руководящую нить для отысканія документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на эти темные факты, а также указать на необходимость подбора другихъ однородныхъ дѣлъ для болѣе точной обрисовки и характеристики той или другой эпохи XVIII в.

И. Каманинъ.

Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. Раньше мы напечатали («Кіев. Стар.» 1890 г., май, 364—369) два письма извѣстнаго собирателя письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи А. И. Чепы. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ о своихъ сборникахъ матеріаловъ для исторіи Малороссіи, которые были имъ отданы рано умершему Як. Мих. Марковичу, имѣвшему будто бы намѣреніе писать исторію Малороссіи, и которые погибли послѣ смерти Марковича въ Петербургѣ. Два тома изъ этихъ сборниковъ Чепѣ удалось впослѣдствіи получить и содержаніе одного изъ нихъ онъ сообщилъ пріятелю своему В. Гр. Полетикѣ, въ бумагахъ котораго и найдено оно нами. Приводимъ здѣсь полностью это содержаніе для знакомства съ Чепинскими сборниками, которые, вѣроятно, навсегда погибли для насъ. Слышно, что послѣ смерти Чепы осталось еще собраніе какихъ то старинныхъ бумагъ, хранившихся въ его усадьбѣ, въ с. Чепурковкѣ, пирятинскаго уѣзда, которые будто бы въ недавнее время проданы на вѣсъ мѣстному еврею... **А. Л.**

Реестръ моей книгѣ, возвратившейся изъ пропажи, послѣ покойнаго Я. М. Марковича.

Оглавленіе или сто 11 выписокъ (sic).

А) Экстрактъ изъ польской исторіи Стриковскаго и изъ россійской Эмина, для доказательства о рыцарствѣ и жолнерахъ малороссійскихъ — 1 стр.

Б) Сокращенное увѣдомленіе о Малороссіи, почти сходное съ находящимся въ книгѣ, изданной и напечатанной въ Санктпетербургѣ 1773 года, Василіемъ Вербовскимъ; даже и расположеніе одинаково, яко то: 1) Географическое описаніе—18 стр.; 2) Рѣки; 3) Раздѣленіе; 4) Примѣчательные города; 5) О воздухѣ, болѣзняхъ и плодоносіи, 22 стр.; 6) О воинскомъ и гражданскомъ правительствѣ, 24 стр.; 7) О чинахъ военныхъ, 26 стр.; 8) Объ артилеріи, 27 стр.; 9) О гражданскомъ управленіи, 29 стр. и 10) О приключеніи народа малороссійскаго, 32 стр. [1]). Экстрактъ изъ конституцій, собранныхъ Станиславомъ Кожуховскимъ, чесникомъ земли волынской, 1732 года.

---

[1]) Никакой книги Вербовскаго о Малороссіи, до сихъ поръ мы не знаемъ. Ни Сопиковъ, ни Смирдинъ даже не упоминаютъ имени этого автора..

В) О отборѣ добръ коронныхъ, что сіе до Малороссіи не касается, такъ же о правахъ, волностяхъ и прерогативахъ малороссійскаго народа 1504, 1562, 1563, 1569, 1588, 1590, 1601, 1607, 1611, 1633, 1635, 1638, 1641 годовъ, итого изъ 13-ти конституцій,—38 стр.

Г) О судахъ городскихъ и земскихъ и о трибуналѣ въ Малой Россіи—1569, 1601, 1607, 1616, 1607, 1601, 1607, 1635, 1633, 1590 годовъ итого изъ десяти,—43 стр.

Д) О дессидентахъ 1573, 1587, 1632, 1674, 1717 годовъ итого изъ пяти, 44 стр.

Е) О отнятіи отъ войска малороссійскаго правъ, свободъ и волностей 1635, 1638 годовъ, 45 стр.

Ж) Изъ конституцій, учиненныхъ въ пользу народа малороссійскаго, уже по присоединеніи онаго къ Россіи, 46 стр.

З) Копія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, о уравненіи литовскаго и русскаго шляхетства, и рыцарства съ шляхетствомъ польскимъ 1563 года, іюня 7,—48 стр.

И) Копія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, въ подтвержденіе вышепоказанной 1563 г. июня 7, съ дополненіями 1568 г. іюля 1,—53 стр.

І) Выписка изъ Статута великаго княженія литовскаго роздѣла 3 артикулъ 19 о доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ, 62 стр.

К) Конституція 1654 г. сентября 15, о безопасности честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и черниговскаго, и примѣчаніе на оную, 65 стр.

Л) Гетманскіе статьи о шляхтѣ:

— Хмельницкаго 7162 года 3—66 стр.
— Игнатовича 7177 » 6— стр.
— Самойловича 7180 » 6—67 стр.
— Мазепы 7195 » 4— стр.

М) Примѣчаніе на оные статьи о дворянствѣ и войсковыхъ чинахъ, 68 стр.

Н) Копія привилегіи короля Жигмунта-Августа 1569 года, о присоединеніи княженія кіевскаго до короны польской съ подтвержденіемъ преимуществъ, 70 стр.

О) Универсалъ гетмана Хмельницкаго, побуждающій малороссіянъ къ сверженію ига поляковъ 1648 года, маія 18, списокъ, кажется, исправнѣе другихъ, 81 стр.

П) Универсалъ гетмана Хмельницкаго 1655 года, генваря 15, съ утвержденіемъ запорожскому кошевому и войску, земель, городовъ,

селъ и прочихъ угодій, пожалованныхъ имъ отъ короля Стефана Баторія грамотою 1577 года, августа 20, 92 стр.

Р) Одинадцать вопросовъ, о прежнемъ политическомъ состояніи Малой Россіи, 94 стр.

С) Разсужденіе, по случаю послѣдовавшаго изъ правительствующаго сената въ малороссійскіе казенные палаты указовъ, о отборѣ въ казенное вѣдомство подсусѣдковъ отъ купцовъ, мѣщанъ и другихъ званій людей, неимѣющихъ шляхетскаго права, о правахъ шляхетства, рыцарства, духовенства и козаковъ малороссійскихъ и запорожскихъ, 98 стр.

Письмо графа П. А. Румянцева-Задунайскаго къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, о награжденіи малороссіянъ чинами. (Изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина).

Милостивій государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ.

На сихъ дняхъ получилъ я изъ Правительствующаго Сената указъ о присилки обьясненія о каждомъ особо изъ удостоенныхъ от меня малороссійскихъ чиновникахъ, какіе имъ поручаеми были комисіи и в чемъ состояли заслуги ихъ. Симъ новимъ запросомъ я приведенъ былъ во удивленіе! тѣмъ болѣе что во всѣхъ моихъ представленіяхъ, о сихъ чиновникахъ здѣланнихъ, не проминулъ я изобразить каждого службу и производство, развѣ не сказанно было о томъ при докладѣ оныхъ, и не могъ ожидать, чтобъ в дѣлѣ семъ могли вьстрѣтится какіе либо трудности и препятствія. Ваше сіятельство извѣстны, что чиновники малороссійскіе в прежніе времена пользовались награжденіями в полной мѣри вь службы ихъ, раздаваемыми от гетмановъ, недвижимими имѣніями, приносящими великіе доходи, и чинами в сей землѣ довольно почитаемими, а пребывали большою частію в домовствахъ ихъ, между собою не имѣя они надобности искать сравненія себѣ с россійскими, но теперь по совмѣстной службѣ и обращенію возимѣли ревнованіе о равенствѣ своемъ из соземцами, и я, вступивши по всевысочайшей ея императорскаго величества волѣ в правленіе краю малороссійского, не полагалъ, чтобы причтенно было мнѣ в какую либо неосмотрительность, когда, по исканіямъ некоторыхъ о награжденіи ихъ россійскими чинами, посредствовалъ моимъ свидѣтельствомъ о службы ихъ и ходатайствомъ, но напротивъ того въ долгъ себѣ поставлялъ возъжечь в нихъ вящую охоту къ службы государевой на пользу той, в чемъ

и успѣлъ тѣмъ, что великое множество с крайнею охотою вступають в регулярніе войска и въ онихъ отличаются усердіемъ и способностми, съ другой сторони, и остаючіесь въ тамошнихъ чинахъ, хотя уже и не существують тѣ большіе воздаянія, способомъ коихъ предки ихъ основали фортуны всего потомства своего, усердствують, однакожъ въ службѣ, поставляя цель всѣхъ приобрѣтеній своихъ равенство въ преимуществахъ съ единородцами великороссіянами. Не мню я, чтобъ за полезно признанно было приводить во ослабленіе в сихъ людяхъ любочестіе лутчую и надежнѣйшую подпору службы, ниже противополагаю затруднѣнія въ награжденіи мною удостоенныхъ отнять у меня способы ко ободренію и поощренію моихъ подчиненныхъ. Ежели въ протчемъ поданъ к сему поводъ из сторони представленія моего о бунчуковомъ товарищѣ Голюнкѣ, то в дружеской откровенности скажу вамъ, милостивій мой князь, что служба сего человѣка без сомненія есть менше заслугъ другихъ от мене удостоенныхъ, но за внесеніе въ его пользу ходатайства я убѣжденъ былъ прозьбою Алексѣя Михайловича Обьрескова, которой обявилъ мнѣ надобность свою употребить его, по знанію чужестранныхъ языковъ и обьстоятельствъ краю турецкого, в дела министерскіе. Увѣренъ я, милостивій государь, что вы, зная образъ мислей мнѣ свойственныхъ, всѣ сія израженія примѣте за дѣйствіе моего к вамъ чистосердечія и надѣянія по склонность вашу, что вы, в семъ видѣ ихъ пріемля, не отречетесь милостиво пособствовать всѣмъ от меня удостоеннымъ къ полученію принадлежащого имъ воздаянія; ожидая въ протчемъ дружеской вашей отповиди, з безпределнимъ высокопочитаніемъ остаюсь навсегда графъ Румянцевъ.

1774 года мая 2.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Четыре письма жены полковаго обознаго Евдокіи Сахновской къ мужу. 1743—44 гг. Частная переписка нашихъ предковъ представляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для знакомства съ тѣмъ ихъ внутреннимъ міромъ, который въ другихъ, оставленныхъ ими, письменныхъ памятникахъ остается закрытымъ. Переписка близкихъ людей между собою наиболѣе должна представлять интереса, а переписка супруговъ и того больше. Къ сожалѣнію, письма женъ малороссійской старшины до половины XVIII в. большею частью писаны не ими самими, а домашними писарями, потому что сами «матроны», за весьма

немногими исключеніями, кое какъ читать иногда еще умѣли, а писать—совсѣмъ не умѣли. Изъ достаточнаго количества пересмотрѣнныхъ нами частныхъ писемъ прошлаго вѣка, въ письмахъ женщинъ *собственноручныя подписи* ихъ начинаютъ встрѣчаться лишь со второй половины XVIII в., а собственноручно писанныя письма женщинъ видимъ лишь въ концѣ того вѣка, да и то рѣдко. Тѣмъ не менѣе письма женщинъ, хотя писанныя и не лично ими, имѣютъ не малый для насъ интересъ, рисуя то положеніе, которое они занимали какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. Въ этомъ смыслѣ интересны и печатаемыя здѣсь четыре письма жены черниговскаго полковаго обознаго Евдокіи Михайловны Сахновской, которая, выпроводивъ мужа по его личнымъ дѣламъ въ Петербургъ и оставшись распорядительницею дома и хозяйства, отдаетъ ему въ этихъ письмахъ отчетъ «о домашнемъ поведеніи» и о ходѣ «господарства».

Иванъ Сахновскій среди современной ему старшины, былъ homo novus, который вышелъ въ люди благодаря тому, что женившись на дочери генер. судьи Михайла Забѣлы, сталъ своякомъ такого сильнаго человѣка, какимъ былъ при «правителяхъ» Малороссіи генер. писарь Безбородко. Яготинскій сотникъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ доносѣ на Безбородка, говоритъ, что послѣдній, раздавая полковые и сотенные уряды за деньги и подарки, кромѣ того, сажалъ на эти уряды родичей своихъ, безъ всякой ихъ заслуги, причемъ указываетъ, что Безбородко далъ мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновей его, Григорія и Якима, поставилъ сотниками, перваго въ Ст. Санжары, а втораго въ м. Мену, гдѣ Сахновскіе и жили. По доносу Купчинскаго Безбородко въ ноябрѣ 1742 г. былъ отрѣшенъ отъ писарства и такимъ образомъ потерялъ все то вліяніе, которое давало значеніе и родичамъ его. Померкло значеніе въ Черниговщинѣ и Сахновскихъ, особенно когда въ декабрѣ того же 1742 г., въ Мену назначенъ былъ, по именному указу, сотникомъ Григорій Кузминскій, который, какъ видно изъ этихъ писемъ, сильно сталъ тѣснить Сахновскихъ. Кажется, что эти притѣсненія и были одною изъ причинъ поѣздки стараго Сахновскаго въ Петербургъ. Была надежда, что оттуда поможетъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, мать котораго удостоивала Сахновскихъ своими посѣщеніями и не отказывалась предстательствовать за нихъ предъ старшимъ сыномъ [1]).

А. Л.

---

[1]) См. конецъ четвертаго письма.

1) Любезнѣйшій мой сожителю, мосцѣ пане Іване Сахновскій. Писма ваши съ Питербурха и изъ дороги, числомъ шѣсть, въ цѣлости за печатю вашею, получени, въ которихъ изволите писать о здоровіи своемъ и о поведеніи тамошнемъ, въ чемъ я Создателя своего благодару и желаю вамъ здоровимъ намѣреніе свое исполнить. О домашнемъ поведеніи обявляю вамъ, что какъ я, такъ и дѣтки наши въ добромъ здоровю находятся, а меншіи дѣти наши на ученіе пилнуютъ. Въ домѣ же, въ господарствѣ, за Божескимъ изволеніемъ, состоитъ все благополучно; толко тѣмъ прешкода, что васъ въ домѣ нѣтъ; а въ хуторѣ Нагорновскомъ родилося телятъ 29, между тѣми толко 2, а то болшъ сивихъ и половихъ; лошатъ родилось 11, между которими родилось въ ƨалаƨановского жеребця 2 коники, а въ петрового жеребця 2 лошачки и 2 кобилки; а тѣ разніе масти имѣютъ и росліе лошатка; егнятъ родилось 100, кромѣ тѣхъ, которіе порѣзали и пали. Бондарця въ дорогу кримскую отправила, при которомъ возовъ 14, воловъ старихъ 56, а молодихъ доморослихъ 4, и надежно, что будутъ воли не худіе; другіе же волики, которіе остались въ дому, тѣ работаютъ въ плузѣ и очень къ роботѣ понялись, денегъ Бондарцю дала 100 рублей ровно, тако жъ доволно число провянта на дорогу дано.

Минцю опредѣлили возъ конскій, подъ которимъ лошадей 2, а именно строкатая кобила и зѣкратій [1]) кунь, денегъ 15 рублей, горѣлки куфу, и велѣла ему домовіе дробязки покупить. Солѣ еще осталось непроданой 4 вози, а и тѣ вози, которіе попродани, очень мало заважило; продажа еи нинѣ по 10 алтинъ. Пашнѣ коло хутора Наґурновского и около другихъ селъ, благодареніе Богу, очень хорошѣ и всякіе господарства нашего заводи за милостю всемогущаго Бога состоитъ понинѣ все благополучно и дѣлается такъ, какъ надобно. Скорбѣть вамъ о домовцѣ не надобно, ибо я сама къ тому неусипнихъ своихъ трудовъ прилагаю и стараюсь, чтобъ нѣчего впущено не било. Впротчемъ желаю васъ въ добромъ здоровю и во всякомъ благополучіи вскоростѣ въ домѣ видѣть.

---

[1]) По Миклошичу, *зекръ, зерхъ, зѣрхъ*—caesios oculos habens, т. е. имѣющій синіе или голубые глаза; отсюда можно думать, что зѣкратый конь означаетъ коня съ бѣльмомъ.

Вамъ, любезнѣйшому другу моему, доброжелателная жена Ев. З. Івановая Сахновская об. полк.

1743 году, юля [1]) 3 д. Мена.

2) Любезнѣйшій сожителю мой, мосцѣ пане Іванъ Сахновскій.

Обявляю вамъ о неприятелѣ нашемъ Кузминскомъ, что великіе и незносніе обѣди дому нашему дѣлаетъ и всячески тщится и видираетъ, щобъ на домъ нашъ всякіе злоумишленія (sic). Величковскіе подданіе наши Вакула Горенко и Трофимъ Орелъ въ козаки сотникомъ, злопріятелемъ нашимъ, вписани безъ всякого иску где надлежитъ; тако же и подсусѣдка менского Шрамка отобравъ сотникъ; и всѣ тѣ якъ въ податяхъ на консистентовъ, такъ панщини нѣ вчемъ не дѣлаютъ; при томъ и коваль еще нѣ въ сюмъ, нѣ въ тумъ; да и тѣ панщини не дѣлаютъ и въ податяхъ не пособляютъ. Сини наши, Якимъ и Петро, въ войсковой генералной канцеляріи сходатайствовали указъ, чтобъ тѣ всѣ подданіе наши до окончанія о нихъ слѣдствія общенародніе повиности отбували и панщину по приказу нашому дѣлали, по которому указу посилала я Есипа, чтобъ ихъ къ панщинѣ вигналъ и пограбилъ ихъ билъ; токмо тамошній атаманъ величковскій Чуйко, собравъ зъ собою нѣсколко человѣкъ козаковъ, пришолъ въ шинкъ нашъ, и комору отбилъ; и тѣ грабежѣ поотдавалъ плутамъ Гогамъ съ товарищи и Есипа, буде би не втекъ, тоби убили, похваляючися, что сотникъ приказавъ де наше где поиметъ въ полусмерть прибить, а забивши въ колодки, въ городъ отправить. Огородъ въ величковской нашей поданой Ювги Процихи козакъ Кузма Бунякъ, по приказу сотничомъ, отобравъ и засѣявъ пашнею; въ чомъ и протестъ отъ мене поданъ въ сотеную сосницкую канцелярію. Хату тую, которая осталась по умершомъ подданомъ нашимъ Поддубню, оную жена его безъ всякого права козаку Потапченку продала, а грунтомъ сама завладѣла, въ чомъ протестъ въ сотеную сосницкую и менскую канцелярію отъ меня подани. На сина нашего Якима собравъ билъ команду и хотѣлъ ночу напасть, толко знать его пріятелѣ перебили; атамана бившого Василя въ турмѣ мучивъ, а величковского плетми билъ. Въ протчемъ желаю васъ въ добромъ здоровю видѣть.

---

[1]) Кажется, вмѣсто іюля, нужно читать іюня. По упоминанію о полученіи писемъ, писанныхъ „съ дороги", можно думать, что это есть первое письмо, писанное къ Сахновскому, по отъѣздѣ его изъ дому въ Спб.

Вамъ, любезнѣйшому моему сожителю, доброжелателная жена Ев. З. Івановая Сахновская об(озная) пол(ковая).

1743 году, юля 3 д. Мена.

PS. Писмо инстанцѣялное отъ ея високопревосходителства госпожѣ Разумовской въ семъ ковпертѣ (т. е. конвертѣ) сообщено въ цѣлости.

PS. Сего пожалуйте нѣкому не обявляй, что команду собравъ на сина нашего, ибо совершено еще не довѣдались.

Сего іюля 7 числа матушка его високопревосходителства Алексѣя Григориевича (Разумовскаго) била въ домѣ нашомъ и изволила ночовать. Синъ же нашъ Якимъ отехалъ конвоемъ зъ матушкою его високопревосходителства до Ропска.

3) Вселюбезнѣйшій мой сожителю Іванъ Сахновскій.

Обявляю вамъ, серденко, что я, по милости Божеской, зъ дѣтками нашими въ добромъ здравіи нахожусь, и вамъ, серденко, желаю всякыхъ благополучій и при благополучіи щасливаго въ домъ прибитія. А при томъ извѣствую, яко я сего жъ марта первихъ чиселъ, чрезъ сина полковника нашего Николая Владимеровича, писмо къ вамъ отправила и въ ономъ такъ о домашномъ поведеніи, яко и о своемъ здравіи предъвпомянуть не минула, и содержу заподленно оное писмо вашыхъ рукъ доити можетъ. Противу нинѣшныхъ писемъ вашихъ, отпущенныхъ февраля 18, рада зъ души моей требуемое послать, понеже оніе писма Минця не застали, которій отправился въ неделю, на сами заговѣни, однакъ и чрезъ его толикое число водки и сивухи на трохъ возахъ зъ дачею ему на проходъ шестидесяти рублей денегъ, отпущенъ, точію непомалу скорблю дойшлось оное до вашыхъ рукъ заподлинно или нѣтъ, извѣстія по ся пори не имѣю; и егда оной Минець къ вамъ въ Москву прибилъ и что отъ него приняли, ко мнѣ отписать чрезъ окказѣю прошу. Синъ нашъ Петро зъ Чернѣгова прибилъ, которій ездилъ по дѣлу атамана величковского Савки Чуйка просить апробацѣи зъ дѣла, учиненного сотникомъ березинскимъ Лисенкомъ, якое опорочилъ и апелляцѣю занеслъ билъ атаманъ Чуйко (хотя и не отъ себе, но зъ наущенія сотника Кузмѣнского); однакъ, благодарить Бога, не намъ, но себѣ спортилъ: велено ему платится 24 рубля, по приговору первому и сему въ полковой канцеляріи учиненному, въ которомъ и сіе упомянуто: егда атаманъ Чуйко толикого числа денегъ уплатить не можетъ, а хотя и можетъ, а оскудѣетъ и не изъ чего служби ему козачой отбувать

оскудно будетъ, то даби и другіе такова самоволства дѣлать не дерзали, тамъ же въ селѣ Величковцѣ, по малороссійскомъ обичаю, висѣчь киями, дать ему 60 киевихъ ударовъ; и что онъ впредь того дѣлать не будетъ, взять отъ него подписку, претори и убитки допросить о томъ особливимъ указомъ, а сотнику березинскому Лисенку предложено затѣмъ послѣдней неделѣ съехать и оное окончить твердое обещаніе положилъ. Что Гоженко Есипа господара побилъ, одежу и сѣдла поотбиралъ, велено его вислать въ полковую канцелярію, а забранное имъ все отобрать и намъ отдать, другія наши дела бондарцовъ Дудки, Примака и другихъ, кои бютъ челомъ о козачествѣ, до приезду вашего комисия отсрочила, а якіи имѣются повшехніи тіи помалу очищать начали, и надежда въ Бозѣ, якъ ми прави, такъ дѣла наши могутъ насъ во всюмъ очищать. Впротчемъ желаю вамъ, серденко, душеспасителна окончанія дней великаго поста препроводить и Свѣтлаго Воскресенія Христова дочекать.

Вамъ, серденко, доброжелателная жена Евдокія Сахновская.

1744 году, марта 18 д. Мена.

4) Любезній мой сожителю.

Обявляю вамъ серденко, что по милости всемогущаго Бога въ добромъ зъ дѣтками и внучками и со всѣмъ домомъ нахожусь здоровію, за что создателю моему воздаю благодареніе. При семъ же въ господарствѣ нашемъ вамъ серденко, извѣствую, что все благополучно и радително поводится; толко въ насъ увездѣ жита подлѣйшіе нинѣ прошлоголѣтнихъ; что же изволили ви, серденко, писать, даби я отца своего паки просила прошлоголѣтной трави, то я того жъ времени посилала просить и онъ по милости своей отческой, изволилъ дать толко три частѣ прошлоголѣтной, а отецъ ігуменъ по милости своей Максаковскій далъ мнѣ трави скиртъ на пять. Сѣно наше уже инное пороблено, а инное еще робится, и надѣюсь на милость Божеску, що сѣна станетъ на зиму. Скотъ нашъ въ добромъ смотреніи нинѣ находится. Бондарця въ дорогу выпровадила денегъ ему дала 100 рублей; возовъ зъ нимъ пошло 14, а воловъ 50, а Менцю возъ одинъ да денегъ 15 рублей и куфу горѣлки. Солѣ въ насъ, серденко, возовъ еще чотири стоять, темъ что очень дешева, по полкопи пудъ. Впротчемъ желаю вамъ серденко, зъ дѣтками и внуками, благополучно въ домѣ здоровихъ оглядить.

Вамъ щирозичливая супруга Евдокія З. С.

1743 года, юля. Зъ Мени.

PS. Рада бъ вседушне, даби атестати къ вамъ прислани били, толко сина нашего Якима нетъ въ дому: въ конвояхъ при матушки его високопревосходителства Алексѣя Григориевича Разумовского нинѣ обрѣтается; а скоро прииде, то какъ того старатся будетъ, чтобъ къ вамъ прислать. Матушка его високопревосходителства Алексѣя Григориевича изволили бить въ домѣ нашемъ зъ милими своими дщерями, едучи въ Ропскъ, а ежели возвратится, то я намѣрена просить писма о неоставки насъ, къ Алексѣю Григориевичу [1]).

Надпись на письмѣ: «Любезному моему сожителю его милости обозному полковому чернѣговскому, пожаловать въ Пѣтербурхи».

Расхищеніе церковныхъ древностей на Волыни. Въ одномъ изъ ноябрьскихъ номеровъ (№ 250) «Кіевлянина» за 1890 г., напечатано слѣдующее извѣстіе: «Многіе археологи, посѣщавшіе Волынь, забрали съ собою изъ церквей и монастырей очень цѣнные какъ по времени, такъ и по матеріалу предметы, съ обѣщаніемъ возвратить ихъ обратно въ непродолжительномъ времени, но такъ какъ до сего времени не возвращаютъ, то мѣстная консисторія, по предложенію епархіальнаго преосвященнаго, предписала благочиннымъ доставить свѣдѣнія, какія вещи не возвращены, по какимъ причинамъ, требовали ли настоятели возвращенія вещей и какіе получили отвѣты. Впредь же на будущее время, по сообщенію столичныхъ газетъ, воспрещено давать, безъ особаго на то для каждаго отдѣльнаго случая разрѣшенія, какія бы то ни было вещи».

Объ этихъ расхищеніяхъ давно уже ходятъ слухи, причемъ молва называетъ даже и имена нѣкоторыхъ «любителей», «посѣщавшихъ Волынь и забравшихъ очень цѣнные предметы», какъ въ болѣе раннее время (лѣтъ до десяти, назадъ), такъ и въ позднѣйшее (года три-четыре назадъ). Говорятъ, что даже и Почаевская лавра потерпѣла нѣкоторые ущербы... Повидимому, лучшимъ средствомъ для возвращенія хотя части расхищенныхъ вещей, было бы опубликованіе списковъ забранныхъ вещей, по донесеніямъ благочинныхъ съ названіемъ лицъ, взявшихъ эти вещи...

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г., ноябрь, стр. 333.

Г. П. Данилевскій. (Некрологъ). 6 декабря 1890 г. скончался въ Петербургѣ извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій. Покойный родился въ 1829 г. въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губ., учился въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса Г. П. до 1857 г. служилъ по министерству народн. просвѣщенія. Въ это время онъ не разъ былъ командируемъ министерствомъ въ южную Россію для археологическихъ и археографическихъ изслѣдованій. Сверхъ того покойный, по порученію морского министерства, совершилъ поѣздку на берега Дона и Азовскаго моря для описанія быта и промысловъ тамошнихъ жителей. Выйдя въ 1857 г. въ отставку, Г. П. поселился на родинѣ и втеченіе 12 лѣтъ занималъ различныя общественныя должности. Въ 1869 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ съ прикомандированіемъ къ редакціи «Правительственнаго Вѣстника». Вскорѣ онъ былъ назначенъ помощникомъ редактора, а въ 1881 г. редакторомъ этой газеты и занималъ эту должность до самой смерти.

Литературная дѣятельность покойнаго началась, когда онъ былъ еще на школьной скамьѣ. Первыми его произведеніями были стихотворенія. Съ начала 50-хъ годовъ стали появляться въ журналахъ разсказы его изъ украинскаго быта, собранные впослѣдствіи вмѣстѣ подъ заглавіемъ «Слобожане». Къ тому же времени относятся и его переводы съ малорусскаго «Украинскія сказки». Въ началѣ 60-хъ годовъ были напечатаны и два романа Д—го изъ южно-русской жизни «Бѣглые въ Новороссіи» и «Бѣглые воротились». Украинской исторіи покойнымъ было посвящено много разсказовъ и повѣстей. Крупные его романы: «Девятый валъ», «Мировичъ», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва», «Черный годъ» хорошо извѣстны читающей публикѣ. Сверхъ того Г. П. не мало потрудился и надъ разработкой исторіи просвѣщенія своей родины—Слободской Украины; работы послѣдняго рода собраны въ его сборникѣ «Украинская Старина».

Премія имени Г. Ѳ. Карпова. Въ «Правительственомъ Вѣстн.» напечатано, что вдова извѣстнаго историка Г. Ѳ. Карпова, А. Т. Карпова заявила московскому обществу исторіи и древностей россійскихъ о готовности пожертвовать обществу капиталъ въ 11,500 руб. для основанія въ память Г. Ѳ. Карпова преміи въ 500 р. за лучшія ра-

боты по русской исторіи. Жертвовательница желаетъ, чтобы эта премія выдавалась ежегодно 24 апрѣля, въ день кончины ея супруга, за работы, основанныя на изученіи первоисточниковъ русской исторіи, а въ случаѣ представленія двухъ или нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства, предпочтеніе отдавалось бы тому, которое относилось бы къ малороссійской исторіи, одному изъ главныхъ предметовъ занятій покойнаго Г. Ѳ. Карпова. Общество выразило А. Т. Карповой признательность за пожертвованіе и избрало ее въ почетные члены.

МАКСИМЪ ИЛЛЯШЕНКО

ПОЛКОВНИКЪ ЛУБЕНСКІЙ.

1677 — 1687.

(Къ портрету).

Максимъ Илляшенко въ гетманство Многогрѣшнаго былъ роменскимъ сотникомъ (1669—1672 г.), а затѣмъ, при Самойловичѣ, изъ сотниковъ онъ становится лубенскимъ полковникомъ и занимаетъ этотъ урядъ десять лѣтъ, до 1687 г. Поставленіе Илляшенка полковникомъ прямо изъ сотниковъ можетъ быть объяснено свойствомъ его съ гетманомъ Самойловичемъ, родной племянникъ, котораго гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ, былъ женатъ на одной изъ дочерей Илляшенка. При низложеніи Самойловича на Коломакѣ, низложенъ былъ и Илляшенко, замѣненный Григоріемъ Гамалѣею. Илляшенко, по рожденію, былъ рядовой козакъ изъ с. Коровинецъ, роменскаго уѣзда, и послѣ своего полковничества, сталъ по обычаю XVII в., въ ряды войсковыхъ товарищей. И тѣмъ не менѣе Мазепа даетъ этому войсковому товарищу въ 1689 г. с. Коровинцы, говоря въ универсалѣ, что даетъ эту маетность бывшему лубенскому полковнику за его службы въ чигиринскія войны... Эта гетманская милость, такъ непохожая на манеру дѣйствій Мазепы, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что по проискамъ его же, Мазепы, бывшій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ былъ взятъ сначала въ Москву и затѣмъ сосланъ оттуда въ Сибирь, а жена его, дочь Илляшенка, поѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ Москву,

умерла тамъ, въ августѣ 1688 г. [1])... Очень вѣроятно, что старый лубенскій полковникъ пользовался въ „войскѣ" популярностью и Мазепа нашелъ нужнымъ утѣшить этого популярнаго человѣка въ его потерѣ, которой былъ главнымъ виновникомъ, давъ ему въ „послушаніе" то самое село, изъ котораго Илляшенко былъ и родомъ... Иначе трудно объяснить себѣ такой необычный для Мазепы поступокъ, какъ надѣленіе маетностью человѣка, въ которомъ онъ уже не могъ нуждаться.—Получивъ отъ гетмана универсалъ на Коровинцы, Илляшенко выхлопоталъ въ 1690 г. на это село и царскую грамоту. Вскорѣ затѣмъ Илляшенко умеръ, оставивъ одного сына Осипа и нѣсколькихъ дочерей [2]). Сынъ Илляшенка скоро тоже умеръ, оставивъ одну дочь, у которой потомства не было. Изъ пяти дочерей Илляшенка, двѣ хотя и оставили потомство (Ефросинья, бывшая замужемъ за какимъ то Остапомъ Ласченкомъ и Варвара—жена лубенскаго обознаго Ивана Сохацкаго), но это потомство представлялось людьми настолько незначительными, что Мазепа не затруднился утвержденное за Илляшенкомъ и потомками его, царскою грамотою с. Коровинцы отобрать у этихъ потомковъ и отдать своему племяннику Обидовскому. Во владѣніи наслѣдниковъ лубенскаго полковника остались только тѣ коровинскія земли, которыя принадлежали Максиму Илляшенку по наслѣдству и по куплѣ. Послѣ измѣны Мазепы Коровинцы успѣлъ выпросить себѣ, въ числѣ другихъ „измѣнничьихъ" маетностей, Павелъ Полуботокъ, которому тоже дана была при этомъ на Коровинцы царская грамота. Спустя лѣтъ двадцать послѣ этого одинъ изъ внуковъ Максима Илляшенка, сынъ Остапа Ласченка—Семенъ Ласченко [3]), добившись роменскаго сотничества, рѣшился

---

[1]) Истор. Опис. Моск. Новодѣвичьяго монастыря (М. 1885) стр. 82. Умершая въ Москвѣ Марья Максимовна Самойловичъ похоронена въ этомъ монастырѣ.

[2]) Въ дѣлѣ о родѣ переяславскихъ Илляшенковъ, въ арх. полтавск. двор. собранія, говорится, что ихъ родоначальникъ—переяславскій сотникъ Иванъ Илляшенко († 1727 г.) былъ тоже сыномъ Максима Илляшенка, но это не вѣрно: изъ подробнаго современнаго свѣдѣнія о дѣтяхъ Максима Илляшенка видно, что у послѣдняго былъ только одинъ сынъ Осипъ.

[3]) Родоначальникъ теперешнихъ роменскихъ Ласкевичей.

начать съ Полуботкомъ за Коровинцы судебный споръ, опираясь на царскую грамоту 1690 г., которою это село утверждалось за Илляшенкомъ и потомками его. Начатый Ласченкомъ споръ кончился однакожъ для него неудачно: по рѣшенію 1734 г. сенатъ Ласченку въ этомъ искѣ отказалъ, за пропускомъ давности со времени отобранія Коровинецъ Мазепою для Обидовскаго. Но кромѣ Семена Ласченка были еще наслѣдники Максима Илляшенка—двѣ дочери младшаго брата того же Семена Ласченка—Ивана Ласченка; на старшей изъ нихъ женился переселившійся въ Роменъ полтавскій козакъ Андрей Полетика, который потомъ былъ роменскимъ войтомъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что это былъ незаурядный человѣкъ: получить войтовтво въ богатомъ Ромнѣ чужому человѣку было не легко. Вотъ этотъ Полетика, несмотря на неудачу Семена Ласченка, рѣшился еще разъ поспорить на судѣ съ Полуботками за Коровинцы. Началъ онъ это дѣло отъ имени своей жены и ея родственниковъ въ 1742 г., причемъ, въ доказательство правъ своихъ довѣрителей, сослался на ту же самую грамоту 1690 г., которая была главнымъ доказательствомъ и въ искѣ Семена Ласченка; но это обстоятельство не помѣшало тому же сенату рѣшить на этотъ разъ дѣло о Коровинцахъ (въ 1749 г.) въ пользу наслѣдниковъ Илляшенка, причемъ по вопросу о давности въ рѣшеніи было сказано, что „давность противъ грамотъ великихъ государей причесться не можетъ". Къ этому можно добавить, что, по словамъ Андрея Полетики, на этотъ процессъ имъ было издержано 1750 рублей... Несомнѣнно, что процессъ былъ выигранъ благодаря ловкости Полетики, который прежде рѣшенія дѣла успѣлъ уже захватить около Коровинецъ обширную степь и настолько „утѣснилъ" это село, что часть жителей его принуждена была уйти на слободы...[1]) Затѣмъ Полетика, скупивъ нѣсколько выигранныхъ частей процесса у родственниковъ жены, сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ Коровинецъ. И теперь значительною еще частью Коровинецъ владѣютъ потомки Максима Илляшенка въ лицѣ тѣхъ же Полетикъ, въ родѣ кото-

[1]) См. у Марковича, Дневн. Записки, II, 148.

рыхъ и сохранился прилагаемый здѣсь портретъ этого ихъ предка[1]).

Этотъ портретъ, изображая малозамѣтнаго малороссійскаго полковника к. XVII в., имѣетъ значеніе главнымъ образомъ археологическое. Очень интересна на этомъ портретѣ стрижка волосъ; такой стрижки на другихъ портретахъ того же времени, мы не встрѣчали. Мы видимъ здѣсь, что всѣ волосы на головѣ острижены очень коротко (или быть можетъ выбриты), а надъ лбомъ оставленъ клокъ вершка въ два длиною. Клокъ этотъ ни по своему мѣсту, ни по величинѣ не похожъ на тотъ историческій „оселедецъ", который дольше всего сохранялся у запорожцевъ. „Чубъ" Максима Илляшенка напоминаетъ ту стрижку волосъ, которая существовала въ лѣвобережной Малороссіи еще лѣтъ тридцать - сорокъ назадъ (а можетъ и теперь существуетъ въ захолустьяхъ) у мальчиковъ: имъ коротко выстригали волоса на всей головѣ, оставляя надо лбомъ такой же клокъ, какой видимъ и на портретѣ Илляшенка, носившій непонятное для насъ названіе *леверджета*... Конечно, этотъ чубъ или леверджетъ представляетъ лишь видоизмѣненіе того же запорожскаго оселедца... Интересна на портретѣ Илляшенка и борода. Мы видимъ эту бороду на лицѣ человѣка еще не стараго, имѣвшаго можетъ быть лѣтъ около пятидесяти; значитъ—борода была принадлежностью не только старцевъ, какъ говоритъ Максимовичъ (II, 483) но и людей только зрѣлаго возраста. И теперь мы видимъ въ народѣ—относительно бритья бороды—такой обычай: крестьянинъ зрѣлаго возраста, лѣтъ 40—50, съ осени перестаетъ брить бороду и затѣмъ сбриваетъ ее въ іюнѣ, передъ началомъ сѣнокоса... Послѣ этого, бритье снова продолжается до осени.

А. Л.

[1]) Портретъ Максима Илляшенка, писанный на полотнѣ масляными красками, нынѣ пріобрѣтенъ, вмѣстѣ съ остатками Полетикинскаго семейнаго архива, В. В. Тарновскимъ. Имъ же пріобрѣтенъ и портретъ Андрея Полетики (р. 1692 † 1773).

Библіографія.

С. Т. Аксаковъ: Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 (206 стр.).

Вотъ книга, отъ которой невозможно оторваться: такъ полна она занимательности и вмѣстѣ съ тѣмъ значительности содержанія. Въ полномъ видѣ она является теперь, какъ всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно, впервые; доселѣ было извѣстно лишь начало этихъ замѣчательныхъ воспоминаній, да и то съ сокращеніями, напечатанное покойнымъ И. С. Аксаковымъ въ его «Руси» за 1880 г.; кромѣ того разсѣянныя тамъ и сямъ въ нихъ письма Гоголя были напечатаны въ изданіи г. Кулиша; прочее все является теперь въ свѣтъ, повторяемъ, впервые. Нечего и говорить о важности отмѣчаемой нами книги для историка русской литературы: въ ней ярко и чрезвычайно наглядно и полно отразились два прекрасные литературные образа: самого Гоголя и его глубокаго почитателя и въ то же время довольно значительнаго писателя С. Т. Аксакова, извѣстнаго автора «Семейной Хроники», которую зналъ и Гоголь и «Дѣтскихъ годовъ Багрова внука». Достаточно сказать, что теперь, послѣ появленія книги С. Аксакова, Гоголь, какъ писатель, и еще болѣе какъ человѣкъ, становится несравненно болѣе понятнымъ и яснымъ для насъ, чѣмъ это было прежде, многое, что казалось непонятнымъ въ его характерѣ, что объяснялось нерѣдко вкривь и вкось какъ почитателями великаго писателя, такъ и еще болѣе его врагами, теперь получило совершенно иное, новое освѣщеніе... Правда, и послѣ появленія означенной книги кое что какъ въ характерѣ Гоголя, такъ и изъ особенностей его личной, внутренней жизни, остается все еще безъ достаточнаго объясненія, да, вѣроятно, и останется таковымъ навсегда, чему виною служитъ отчасти необычайная недовѣрчивость

и скрытность Гоголя, которую онъ обнаруживалъ даже по отношенію къ своимъ друзьямъ, даже къ присным...; но, повторяемъ, книга Аксакова много пролила свѣта на особенности какъ міросозерцанія великаго писателя, такъ и свойствъ его личнаго характера, поступковъ по отношенію къ ближнимъ и пр.

Невозможно, разумѣется, передать въ краткомъ отзывѣ всю полноту содержанія такой книги, какъ книга С. Аксакова, заключающая въ себѣ послѣдовательныя, въ строгомъ порядкѣ времени, воспоминанія, полныя какъ чрезвычайно-крупныхъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Гоголя, такъ и мельчайшихъ, часто совершенно незначительныхъ случаевъ, разговоровъ и пр. Добросовѣстный авторъ чрезвычайно любовно и заботливо занесъ въ свою записную книгу все, что только сохранилось въ его памяти или уцѣлѣло въ житейской обстановкѣ касательно подробностей жизни и дѣятельности великаго его друга, огромное, необычное значеніе котораго онъ сознавалъ такъ, какъ рѣдко кто другой изъ его современниковъ. Нужно прочесть всю книгу, чтобы видѣть, сколько трогательной, нѣжной любви къ Гоголю, сколько искренности и чистоты душевной вложилъ авторъ въ свои воспоминанія о великомъ писателѣ. Да, въ этихъ запискахъ все—правда, все—свѣтъ, все заслуживаетъ самаго глубокаго, самаго непререкаемаго довѣрія, и мы еще разъ повторяемъ, что сколько нибудь дѣльное, толковое и обстоятельное жизнеописаніе Гоголя стало возможнымъ лишь теперь, послѣ появленіи этой книги, составляющей сущій кладъ для біографа великаго писателя, такъ какъ она написана его ближайшимъ другомъ, посвященнымъ, какъ только это было возможно по особенностямъ личнаго характера Гоголя, въ самые тайники его непонятнаго духа. (Извѣстно, что первый біографъ Гоголя Кулишъ, издавшій въ 1856 г., т. е. всего лишь чрезъ четыре года послѣ смерти творца «Мертвыхъ душъ» свои «Записки о жизни Гоголя» лично даже не зналъ его). Это тѣмъ важнѣе, что Аксаковъ вообще чрезвычайно трезво смотрѣлъ на вещи, никогда не позволялъ себѣ увлекаться мистицизмомъ своего друга и, при всемъ своемъ благоговѣйномъ отношеніи къ нему, съумѣлъ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ друзьямъ его, сохранить въ себѣ независимость взглядовъ и критическое, тонкое отношеніе ко всей дѣятельности и міросозерцанію его [1]). Не имѣя возможности по-

---

[1]) Такъ, напр., общеизвѣстно, что С. Т. Аксаковъ рѣшительно не одобрялъ той страсти къ назиданію и поученію другихъ, которая такъ развилась въ Гоголѣ

дробнѣе останавливаться на содержаніи книги Аксакова и отсылая читателя къ ней самой, мы не можемъ однакоже воздержаться отъ желанія указать нашему читающему обществу, въ виду истеченія въ текущемъ году пятидесятилѣтія со дня смерти Лермонтова, что Гоголь довольно высоко цѣнилъ огромное дарованіе этого поэта, хотя и понималъ его нѣсколько по своему. На знакомствѣ двухъ великихъ современниковъ въ запискахъ Аксакова есть два указанія: на стр. 35, гдѣ разсказано объ именинномъ обѣдѣ, который устроилъ Гоголь для своихъ друзей 9 мая 1840 г. и на которомъ былъ между прочими и Лермонтовъ, прекрасно читавшій наизустъ Николаю Васильевичу и другимъ, кто тамъ случился, отрывокъ изъ своей новой тогда поэмы «Мцыри»; и на стр. 40, гдѣ авторъ, по поводу только что прочитаннаго имъ въ связи «Героя нашего времени», передаетъ слова Гоголя, которыя онъ «живо помнитъ», что «Лермонтовъ—прозаикъ будетъ выше Лермонтова—стихотворца».

Не можемъ также не отмѣтить слѣдующее любопытное мѣсто изъ записокъ, по поводу смерти Пушкина, впрочемъ уже извѣстное, (13 стр.), раскрывающее кажется, преувеличенный взглядъ Аксакова на основную причину страшнаго перелома, образовавшагося въ жизни и міросозерцаніи Гоголя, какъ извѣстно, именно послѣ этого роковаго событія: «Изъ писемъ Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была эта потеря (гибель Пушкина). Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что *смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа*, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ».

Въ концѣ книги, желая указать особенности чрезвычайно сложнаго и непонятнаго духовнаго склада Гоголя, обращавшагося къ разнымъ лицамъ и разными, соотвѣтственными имъ, сторонами своего характера, такъ что онъ «съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ», авторъ прямо заявляетъ, что Гоголь можетъ быть узнанъ только тогда, когда въ распоряженіи русской литературы окажется возможно болѣе записокъ о Гоголѣ, составленныхъ его друзьями, пріятелями и вообще лицами бывшими съ нимъ въ какихъ либо

во 2-ю половину его жизни и зачатки которой онъ замѣтилъ еще въ 1843 г. (См. 113 и 115 стр. „Исторіи“).

отношеніяхъ. Такія записки, «будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, освѣтили бы многія, до сихъ поръ неясныя для иныхъ стороны жизни Гоголя», потому, конечно, что хотя иные изъ друзей и пріятелей и хорошо знали Гоголя, но, какъ справедливо говоритъ авторъ, знали его, такъ сказать, по частямъ. Къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, эта мысль благороднаго друга Гоголя доселѣ еще не можетъ считаться исполненною, и количество явившихся воспоминаній о Гоголѣ и другихъ матеріаловъ о немъ далеко еще не соотвѣтствуетъ всей полнотѣ ея, хотя въ самое последнее время замѣтки А. Данилевскаго, О. Смирновой, статьи Шенрока и пр. и подаютъ надежду на исполненіе симпатичной идеи Аксакова по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Въ заключеніе не можемъ не сказать, что во всей міровой литературѣ немного найдется примѣровъ такой безкорыстной, чистой и идеальной дружбы, соединенной, можно сказать, съ благоговѣніемъ, хотя и независимымъ, какъ дружба С. Т. Аксакова къ Гоголю, нагляднымъ выраженіемъ которой и является отмѣченная нами книга. Вотъ напримѣръ, какъ тепло написаны заключительныя строки книги, въ которыхъ указывается великое общественное значеніе хорошей внутренней біографіи Гоголя, которая была бы основана какъ на записяхъ о немъ друзей и вообще лицъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ его, такъ и въ особенности на всей огромной перепискѣ (нужно сказать, что Аксаковъ приблизительно полагалъ число писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ въ нѣсколько сотъ): «Какое наслажденіе для мыслящихъ читателей прослѣдить, разсмотрѣть въ подробности духовную жизнь великаго писателя и высоконравственнаго человѣка! Сколько борьбы въ примиреніи художника съ христіаниномъ, сколько подвиговъ послушанія и сколько ошибокъ, увлеченій зыбкаго человѣческаго ума, никогда однако же не помрачавшихъ чистоты душевной, открыла бы такая біографія! Сколько умилительнаго и поучительнаго нашли бы въ ней даже такіе читатели, которые чужды литературнаго направленія! Да исполнится когда нибудь это желаніе, безъ сомнѣнія раздѣляемое многими, и да будетъ оправданъ и оцѣненъ Гоголь по достоинству, какъ художникъ и какъ человѣкъ!»

А. Степовичъ.

Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губ. Состав. А. П. Леонтьевъ. Херсонъ. 1890 г.

Составитель, носящій званіе дѣйствительнаго члена Импер. русск. геогр. общества, подъ чертою повторяетъ приведенное заглавіе въ переводѣ на французскій языкъ, что для насъ кажется немного странно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ претенціозно. Другую, еще большую странность нашли мы въ предисловіи къ настоящему труду, гдѣ г. Леонтьевъ заявляетъ: «.... я *глубоко убѣжденъ*, что въ выпускаемомъ «указателѣ» найдется *много* недостатковъ, *ошибокъ* и *пропусковъ*; за указаніе ихъ впередъ приношу благодарность» и т. д. Рѣшительно не понимаемъ, какъ рѣшился г. Леонтьевъ обращаться къ читателямъ съ подобной просьбою, не потрудившись самолично освободить свой трудъ отъ недостатковъ, и не приводя для того никакихъ оправданій.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго указателя. Перелистывая его, мы находимъ въ немъ слѣдующіе отдѣлы: 1) богословіе; 2) правовѣдѣніе; 3) законы, сборники (?), уставы, правила, проекты, отчеты и проч. разныхъ правительственныхъ мѣстъ и частныхъ учрежденій; 4) исторія, археологія и нумизматика; 5) политическая экономія, статистика, торговля; 6) географія, этнографія, путешествія, картографія; 7) естествознаніе: общая часть, антропологія, біологія, ботаника, зоологія, минералогія, геологія, геогнозія, палеонтологія, химія, физика, метеорологія, математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена; 8) военныя и морскія науки; 9) сельское хозяйство: общая часть, обработка, посѣвъ и уборка, удобреніе, орошеніе и водоснабженіе, сельско-хозяйственныя машины и орудія, растеньеводство, луговодство, травосѣяніе и сорныя травы, садоводство, огородничество, виноградарство, лѣсоводство, животноводство, шелководство, пчеловодство, сельско-хозяйственныя общества, съѣзды, выставки, опытныя поля и станціи; 10) строительное искусство, технологія, промышленность; 11) педагогика. Въ концѣ находимъ алфавитный указатель съ двумя удивительными примѣчаніями, а именно: 1) что *многіе* номера алфавитнаго указателя авторовъ идутъ на одинъ номеръ выше или (!) ниже соотвѣтствующихъ номеровъ текста и 2) что въ текстѣ встрѣчаются ошибки въ именахъ авторовъ, которыя рекомендуется исправлять (o sancta simplicitas!) при помощи указателя (не вѣрнаго!). Самый планъ книги также привелъ насъ въ изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, неудивительно ли, что по классификаціи

дѣйствительнаго члена импер. русск. геогр. общ. А. Н. Леонтьева, математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена очутились въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ качествѣ естественныхъ наукъ? Не удивителенъ ли принятый имъ порядокъ отдѣловъ, по которому между естественными науками и сельскимъ хозяйствомъ втиснуты военныя и морскія науки, а педагогика поставлена въ концѣ, вслѣдъ за строительнымъ искусствомъ, технологіей и промышленностью. Не удивительно ли, наконецъ, что всѣ перечисленные отдѣлы имѣютъ отношеніе къ херсонской губерніи, и что есть на свѣтѣ какое то херсонское богословіе и какая то херсонская политическая экономія? Въ крайнемъ случаѣ, можно бы подумать, что г. Леонтьевъ желалъ дать каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ херсонской губ., но этому противорѣчатъ указанія на книги, изданныя въ Петербургѣ, Парижѣ, Аѳинахъ, Кіевѣ и пр. городахъ (см. №№ 4, 23, 24, 36 и 32 перваго отд.). Если бы даже предположеніе это было вѣрно, то почему же нѣтъ отдѣловъ философіи, всеобщей исторіи, психологіи, логики, изящной словесности, по которымъ также печаталось кое что въ херсонской губерніи? Намъ думается, что авторъ недостаточно обдуманно отнесся къ вопросу о томъ, что именно «относится къ херсонской губ.»? Какое, напр., отношеніе къ херсонской губ. имѣетъ Сборникъ мѣстныхъ въ Бессарабіи узаконеній по предметамъ гражданскаго права (№ 165)?

Переходя затѣмъ къ отдѣламъ IV и VI (исторіи и географіи), наиболѣе близкимъ къ задачамъ «Кіевской Старины», мы замѣтимъ, во первыхъ, что, къ сожалѣнію, мы не нашли въ нихъ никакихъ указаній на статьи въ мѣстныхъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ, какова, въ частности, и «Кіевская Старина», и довольно мало указаній на матеріалы и статьи въ Зап. одесск. общ. ист. и древн. Пересмотръ мѣстныхъ газетъ за все время ихъ существованія—трудъ нелегкій, но крайне необходимый для указателя, подобнаго разбираемому нами.

Далѣе, встрѣчаемъ довольно много сочиненій безъ указанія года и мѣста изданія, а иногда и автора, хотя послѣдній извѣстенъ (см. №№ 498, 528, 536, 553, 671, 688, 689, 1041, 1069, 1070, 629—весьма извѣстное изслѣдованіе проф. Латышева); находимъ указанія неполныя и небрежныя; кому можетъ быть, напр. полезно такое указаніе: «Исторія Россіи. Соловьева. Москва»?... (№ 550) или какъ вамъ понравится № 617, подъ которымъ стоитъ: «Записки одесскаго общ. ист. и древн., т. 1—5 съ VI литогр. лист. Одесса. 1843—1865»,

какъ будто послѣ 1865 года не было издано еще 10 томовъ Записокъ, о которыхъ въ «Указателѣ» нѣтъ извѣстій. Точно такой же неполнотой, могущей повести къ недоразумѣніямъ, отличаются №№ 619, 621, 703 (оттискъ изъ XIV т. Зап. од. общ. ист. и др.). Небрежностью же слѣдуетъ объяснить и то, что сочиненіе Клауса «Наши колоніи» (опыты и матеріалы ио исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи) очутилось въ VI отдѣлѣ «Указателя». Отмѣтимъ затѣмъ ошибки и неправильности: № 497 напечатанъ въ «Сборн. херсонск. земства» и отдѣльно не выходилъ, №№ 554 и 555—одно и тоже сочиненіе и изданіе (Ист. о козак. запорож. князя Мышецкаго), № 599 и 602—два изданія одного и того же труда. Одно и тоже сочиненіе указывается иногда два раза; такъ случилось съ соч. гр. Уварова «Изслѣдов. о древн. южн. Россіи», повтореннымъ въ одномъ и томъ же отдѣлѣ (№№ 541 и 697) и съ соч. Руссова «Русскіе тракты», названнымъ въ IV и въ VI отд. (№№ 536 и 1030) съ неправильнымъ указаніемъ разныхъ годовъ изданія. Въ то же время находимъ въ «Указателѣ» много лишняго. Таковы въ IV отдѣлѣ (исторія, археологія и нумизматика) №№ 494 (С. Глинки «Опис. пересел. армянъ), 570 (В. Б. Антоновича Ист. литовск. Руси), 642 (Пирогова Собр. литературн. статей), 657 (О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ), 660 (Некрасовъ, Отзывъ о комедіи «Свищи»), 667 (Леонарда «Соціальная боль»), 674 (Чествованіе памяти Тургенева въ «Новой Школѣ»), 700 (Дашкевича «Болоховская земля»); особенное же пристрастіе г. Леонтьевъ имѣетъ къ Бессарабіи, которой посвящены №№ 508—513 въ IV отд.; и №№ 1062—1065 въ VI отдѣлѣ; никакого отношенія къ херсонск. губ. не имѣютъ и №№ 1119, 1120, 1121, 1122, 1137: всѣ эти указанія, конечно, получены изъ вторыхъ рукъ. Излишними же признаемъ и указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отд., иногда лишенныя даже свѣдѣній, гдѣ эти карты и атласы искать.

Общее впечатлѣніе Указателя г. Леонтьева неблагопріятное: работа мало обдуманная и неряшливая; правда, найдутся свѣдѣнія, которыя могли бы пригодиться, но какъ имъ довѣриться, въ виду общей неудовлетворительности «Указателя»? Самъ г. Леонтьевъ налагаетъ руку на свой трудъ, на первыхъ же страницахъ изрекая надъ нимъ справедливый, хотя и наивно-строгій судъ свой. И за такую книгу онъ хочетъ еще получить 2 р.! (Стр. IV+208+9+1 нен.). Это ужъ какъ будто дороговато... **В. Я.**

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Черниговъ 1890. 186 стр.

Малороссійское шляхетство образовалось главнымъ образомъ изъ войсковой старшины, вышедшей изъ среды рядоваго козачества, съумѣвшей всякими правдами и неправдами собрать въ своихъ рукахъ поземельныя владѣнія, богатства, и тѣмъ занять привилегированное положеніе. Юридическихъ основаній для такого положенія не было. Даровать ихъ могла только русская государственная власть. Русское же правительство даже не признавало малороссійскую старшину за шляхетство. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указъ сената изъ временъ Елизаветы, которымъ запрещалось принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ на томъ основаніи, что въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ [1]).

Естественно было, поэтому, стремленіе шляхетства слиться съ великорусскимъ дворянствомъ, чтобы удержать за собою всѣ привилегіи и то имущественное положеніе, которое выработалось уродливой малороссійской жизнью конца XVII и начала XVIII вв. Особенно сильно это стремленіе выразилось въ эпоху екатерининской коммиссіи; и это тѣмъ болѣе понятно, что не задолго предъ тѣмъ шляхетству грозила бѣда, и оно, если не сознавалось, то должно было чувствовать, что не имѣетъ никакихъ юридическихъ основаній для своего существованія.

Въ приложеніи къ «Спискамъ» (стр. 176—186) напечатанъ любопытный, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстный указъ Петра III гетману Разумовскому, которымъ предписывалось «всему малороссійскому шляхетству прислать въ герольдію списки съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ и показаніемъ полученныхъ тѣмъ шляхетствомъ отъ польскихъ королей и отъ россійскихъ государей грамотъ».

Большинство малороссійскихъ дворянъ было новѣйшей формаціи, послѣ Хмельницкаго, и не могло, конечно, представить ни привилегій польскихъ королей, ни грамотъ русскаго правительства. Въ то время изъ малороссовъ только очень немногіе поступали на русскую службу и дослуживались до чиновъ, дававшихъ право на дворянство.

Чрезвычайно любопытнымъ, поэтому, является отвѣтъ шляхетства на указъ Петра III.

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи стр. 104.

Шляхетство указываетъ на договорные «пункты» Хмельницкаго, много разъ подтверждавшіеся русскимъ правительствомъ и въ послѣдній разъ, даже очень недавно, при назначеніи Разумовскаго въ гетманы. «Пункты» утверждали за малороссами всѣ права и привилегіи, данные королями польскими, великими князьями литовскими—право избирать «старшихъ на уряды судовые, земскіе и гродскіе», владѣть маетностями, судиться и быть подъ царскою рукою «по своимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ *въ вольностяхъ шляхетскихъ*». Въ доказательство такихъ привилегій приводится грамота Яна Казимира, выданная запорожскому полковнику Кириллу Андреевичу на мѣстечко Кременчугъ, «въ которой оного полковника и прочихъ малороссіянъ написано шляхетными и утверждено имъ и обывателямъ кременчуцкимъ права, вольности и слобода отъ всѣхъ поборовъ». Судится малороссійскій народъ «шляхетскимъ правомъ статутомъ, каковымъ и въ Польщѣ шляхта судится»; «за бой, безчестіе и гвалтъ» малороссамъ какъ въ полковыхъ и генеральномъ судѣ, такъ и въ сенатѣ присуждается «навяжка шляхетская».—Это одно доказательство шляхетскихъ правъ.

Другое заключается въ заслугахъ малорусскаго народа. Въ 26 артикулѣ Статута «напечатано пріобрѣтеніе шляхетства за явніе и знатніе рицерскіе службы мужествомъ оказанніе противу непріятелей». Малороссійскій же народъ всегда вѣрно служилъ русскому правительству и въ черкасскіе походы, въ шведскую и въ турецкую войну. Это доказываютъ грамоты Ѳедора Алексѣевича, Петра I, наконецъ Елизаветы. «По которимъ службамъ, говорится въ отвѣтѣ, видимъ малороссійской старшины и козаковъ рыцерство въ правѣ статутѣ напечатанное, а потому и по предъизображеннимъ утвержденнимъ Малой Россіи правамъ, свободамъ и вольностямъ доказательно и шляхетство малороссійскаго воинскаго званія народу, ибо какъ кромѣ шляхетства и дворянства никто особыхъ правъ, свободы и вольности имѣть не можетъ, такъ и народу, находячемусь при своихъ правахъ, свободахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ не имѣть шляхетства, а именоваться и быть простородними, ни съ которыми обыкновеніями не согласно».

Малороссы, наконецъ, могутъ пріобрѣтать въ Великороссіи деревни, а тамъ «покупать деревень, кромѣ дворянъ никто не можетъ».

Изложивъ предварительно эти шаткія юридическія основанія своихъ правъ, шляхетство заявляетъ, что требуемыхъ указомъ грамотъ и привилегій оно представить не можетъ. «Хотя, говоритъ оно,

въ Малой Россіи фамиліи разніе отъ польскихъ королей привилегіи на шляхетства имѣли, а паче множественнымъ числомъ и едва не всѣ старшины малороссійскіе изъ роду той шляхты, которые въ Малой Россіи православнаго исповѣданія обрѣтались, такожъ и выходцовъ съ Польши шляхти жъ поселившейся жительствомъ въ Малой Россіи, но понеже объ оной обрѣтающейся въ Малой Россіи и посля вышедшей съ Польщи шляхтѣ — кто она именно по фамиліямъ была, списка нѣтъ, и оная чрезъ все мимошедшее время съ начала присоединенія Малой Россіи подъ Великороссійскую державу съ 1662 (?) году, чему уже болѣе ста лѣтъ, служили подъ рейментомъ гетманскимъ обще зъ малороссіянами при едныхъ правахъ и вольностяхъ рядовыми козаками и чиновниками во всемъ... какъ малороссіяне, а между тѣмъ были войны и разоренія Малой Россіи, какъ то шведская и турецкая, то въ тогдашнее время и привилегіи, въ кого зъ фамилій а на городы и мѣстечка малороссійскіе такъ какъ и на Кременчукъ на урядахъ имѣлись и списки о шляхетствѣ, ежели были, могло пропасть да и имѣть оныхъ списковъ по вышеписанной малороссіянъ и шляхты едности и общемъ ползованіи высокомонаршею милостію при однихъ правахъ и вольностяхъ, нужды не было, зачѣмъ теперь и повѣленныхъ привилегіи на шляхетство по фамиліямъ развѣ самаго малого числа, представить не можно, а доказуютъ все малороссійское воинскаго званія шляхетство вышеизображенніи обстоятельства и привилегія короля польскаго Яна Казимира».

Скоро затѣмъ послѣдовавшая перемѣна на русскомъ престолѣ отсрочила на нѣсколько десятилѣтій разборъ малорусскаго шляхетства.

Въ 1785 году была издана Жалованная грамота дворянству, распространенная и на малорусское шляхетство и такимъ образомъ слившая его съ великорусскимъ дворянствомъ.

По грамотѣ этой въ каждой губерніи требовалось составленіе дворянской родословной книги. Предварительные списки дворянъ, владѣвшихъ въ уѣздѣ недвижимой собственностью, были поручены уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Такимъ образомъ явились и «Списки черниговскихъ дворянъ». Обнимаютъ они не всю губернію, а только уѣзды конотопскій, коропскій, кролевецкій, глуховской, погарскій, мглинскій, суражскій, новомѣстскій и сосницкій. Эти только списки издатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

Составлены они по одной формѣ: «1) имя и прозваніе дворянина, въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ или вдовъ; 3) много ли дѣтей

мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лѣта; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ или вновь пожалованныхъ или въ приданное полученныхъ обоего пола душъ крестьянъ нынѣ состоитъ и во сколькихъ селахъ или деревняхъ; 5) въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянинъ или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина и 7) въ какой именно службѣ или отставкѣ». Въ коропскомъ уѣздѣ показаны сверхъ этихъ свѣдѣній происхожденіе предковъ, а также, кто изъ дворянъ имѣетъ дипломъ на чинъ.

Къ нѣкоторымъ изъ фамилій издатель присоединилъ небольшія примѣчанія, касающіяся ихъ происхожденія или содержащія въ себѣ біографическія свѣдѣнія о выдающихся ихъ членахъ. **Н. В.**

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ Университетѣ. I. (Посвящается 25 лѣтію Им. новороссійскаго университета). Одесса 1890 г.

Въ 1889 г. при И. новороссійскомъ университетѣ открылось историческо-филологическое общество, въ составъ котораго вошли всѣ преподаватели истор.-филол. факультета этого университета и еще нѣкоторые профессора, а также и многіе одесскіе ученые и любители. Первымъ предсѣдателемъ общества избранъ былъ извѣстный ученый Ѳ. И. Успенскій. Судя по отчету, находящемуся въ книжкѣ, заглавіе которой приведено нами выше, общество въ первомъ же году проявило оживленную дѣятельность, читанные рефераты касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, причемъ общество не оставило безъ вниманія и исторію Южной Руси; наконецъ общество, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромныя средства (какой либо субсидіи оно не получаетъ), въ прошломъ году издало I выпускъ своей Лѣтописи. Совершенно естественно, что общество этотъ свой трудъ посвятило 25-лѣтію И. новороссійскаго университета, которое исполнилось именно въ 1890 году; не менѣе понятно и то, что въ I вып. Лѣтописи, кромѣ устава общества и отчета за первый годъ дѣятельности, напечатаны труды, посвященные знаменитому славнсту В. И. Григоровичу, бывшему долго профессоромъ новороссійскаго университета и безъ сомнѣнія самому крупному ученому ист.-филол. факультета въ этомъ университетѣ, причемъ позднѣйшая дѣятельность этого ученаго была, какъ извѣстно, цѣликомъ посвящена изученію Новороссіи.

Проф. Успенскій напечаталъ въ Лѣтописи воспоминанія о Григоровичѣ—свою актовую университетскую рѣчь 1 мая 1890 года,—къ которой приложены хорошій портретъ Григоровича и списокъ его трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ, составленный тоже однимъ изъ профессоровъ. Проф. Успенскій сдѣлалъ весьма многое для разъясненія личности В. И. Григоровича, его идей, и убѣжденій, причемъ ему посчастливилось найти дневникъ Григоровича съ чрезвычайно интересными воспоминаніями о пребываніи его въ Римѣ въ $18^{40}/_{41}$ году.

Какъ ни важны новооткрытые проф. Успенскимъ факты для біографіи Григоровича, но нельзя умолчать и о томъ, что извѣстный славистъ А. А. Кочубинскій, хотя и мимоходомъ, въ примѣчаніи къ статьѣ «Наука не политика», напечатанной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 239 и слѣд.) и посвященной разбору Русско-Славянскаго календаря, заподозрилъ достовѣрность пребыванія Григоровича въ Римѣ въ $18^{40}/_{41}$ г., сопоставивъ другіе извѣстные факты изъ его біографіи, съ этимъ пребываніемъ совершенно несогласные. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ такъ и остался не выясненнымъ, вѣроятно потому, что былъ затронутъ лишь въ газетѣ.

Вторая статья лѣтописи—В. Н. Мочульскаго: «Описаніе рукописей, пожертвованныхъ В. И. Григоровичемъ новороссійскому университету». Рукописей этихъ 64, причемъ 54 на разныхъ славянскихъ языкахъ; онѣ, вмѣстѣ съ пожертвованными имъ же книгами, составляютъ особый—Григоровичевскій отдѣлъ университетской библіотеки. Между Григоровичевскими рукописями есть нѣкоторыя величайшей важности, поэтому описаніе В. Н. Мочульскаго, сдѣланное согласно общепринятымъ правиламъ, является весьма кстати. Хотя нѣкоторыя рукописи уже описаны были раньше, и дѣло описанія другихъ подготовилъ самъ Григоровичъ, сдѣлавъ на своихъ рукописяхъ обильныя замѣтки, но и при всемъ этомъ трудъ В. Н. Мочульскаго весьма почтенный и, благодаря ему, можно познакомиться наконецъ съ тѣмъ, что находится въ драгоцѣнномъ Григоровичевскомъ собраніи. Не останавливаемся подробно на этомъ описаніи, такъ какъ рукописей, которыя касались бы исторіи или литературы Южной Руси, мы здѣсь почти не находимъ.

А. М.

Случайная библіографія. [1]

Księga smierci albo krzyż Chrystusow. Przez Lazarza Baranowicza, archiepiskopa Czernihowskiego. Новгородъ-Сѣверскій. 1676. 4° min. 66 лист.

Сочиненіе Л. Барановича, заглавіе котораго мы выписали, совершенно неизвѣстно библіографамъ. Проф. Сумцовъ въ своемъ изслѣдованіи объ І. Галятовскомъ только лишь называетъ его [2]) рядомъ съ другимъ, ненайденнымъ еще, произведеніемъ Барановича «Księg'ою rodzaju», поставивъ при нихъ знакъ вопроса [3]). Въ своей же монографіи объ Л. Барановичѣ онъ ничего не говоритъ объ этихъ книгахъ, совершенно какъ бы исключая ихъ изъ числа произведеній нашего писателя. Названное нами сочиненіе Барановича подарено въ библіотеку кіевской духовной академіи гр. Гр. Ал. Милорадовичемъ [4]), и первое извѣстіе о немъ далъ проф. Петровъ [5]). «Księga smierci» написана [6]) и издана Л. Барановичемъ въ 1676 г. in 4° (малое) въ его новгородъ-сѣверской типографіи на польскомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ 66 листиковъ. На первой страницѣ находится ея пол-

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ открываемъ особый отдѣлъ библіографіи, въ которомъ будемъ говорить о книгахъ русскихъ и нерусскихъ, преимущественно старыхъ и болѣе или менѣе малоизвѣстныхъ, но разумѣется имѣющихъ предметомъ своимъ южнорусскую исторію во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. *Ред.*

[2]) Іоанникій Галятовскій. Кіевъ. 1884 г., стр. 63.

[3]) Первое указаніе на эти два произведенія Барановича мы находимъ въ посвященіи ему Галятовскимъ „Фига“.

[4]) Эту книжку и нѣсколько другихъ сочиненій Лазаря Барановича и Галятовскаго гр. Милорадовичъ пріобрѣлъ въ Черниговѣ, у еврея-букиниста, купившаго эти книги въ 1884 г., въ числѣ другихъ, *на вѣсъ*, въ тамошней духовной семинаріи. Тутъ, между прочимъ, было нѣсколько экземпляровъ книги Лазаря Барановича—Żywoty swiętych, (Кіевъ, 1670), Лексиконъ Памвы Берынды... Тутъ же была и извѣстная книга *Legenda Aurea* (I. de Voragine), въ венеціанскомъ изданіи 1485 г. Очень вѣроятно, что эту послѣднюю книгу внесъ въ библіотеку старинныхъ „черниговскихъ латинскихъ школъ“ еще Лазарь Барановичъ, для котораго она могла служить однимъ изъ источниковъ для его книги—Żywoty swiętych.—*Ред.*

[5]) Извѣстія церковно-археолог. общества при кіевск. духовн. акад. 1889 г. стр. 17.

[6]) Szostá kśiężeczká | siedmdżieśiat szostego |
Ze na świát wyszlá | wielbie wszechmocnego,
Jego to sprawá.... Ks. sm. 95 стр.

Въ Кіевск. Дух. Акад. Księga smerci означена № 286.

ное заглавіе: «*Księga smierci, albo krzyż Chrystusow ná ktorey żywot nasz umarł, ale śmierć samą życ nauczył, przez jaśnie w Bogu przeoświeconego jego mości oyca Łazarza Baranowicza z Bożey łaski archiepiskopa czernihowskiego, nowgorodzkiego y wszytkiego Siewierza smiertelnego smiertelnym podana. Z typographiey archiepiskopskiey w Nowogrodku Siewierskim zostającey. R. P. 1676*».

На второй страницѣ приведены два псалма: «Strach smierci przypadł na mię» и «Posluszny był aż do smierci». Первый изъ этихъ псалмовъ ясно обнаруживаетъ поводъ и цѣль произведенія. Вступивъ уже въ послѣдній періодъ жизни, когда человѣкъ начинаетъ помышлять о смерти, Л. Барановичъ естественно пришелъ къ мысли написать «Księgą smierci». [1]), чтобы воспѣть крестныя страданія Спасителя и избавленіе отъ смерти чрезъ нихъ рода человѣческаго.

Подобный сюжетъ, говоритъ Л. Барановичъ [2]), воспѣтъ имъ и въ «Lutnie», написанной имъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Но то было другое время: Барановичъ былъ еще бодръ, въ немъ сильнѣе бился пульсъ общественной жизни, и онъ въ своемъ произведеніи отозвался на всѣ тѣ вопросы, какіе поднимались въ южно-русскомъ обществѣ. Теперь же онъ исключительно занятъ своей темой, лишь изрѣдка бросая замѣчанія относительно насущныхъ вопросовъ минуты: у него за спиною смерть, и ему некогда слѣдить за волненіями жизни. Всѣ его мысли сосредоточены на прославленіи благости Спасителя, который своею временною смертью спасъ людей отъ вѣчной погибели. Интересно посмотрѣть на тѣ пріемы, которыми пользуется для этого авторъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ риѳмоплетствомъ, съ схоластикой. Перемѣшивая прозу со стихами, авторъ на пространствѣ 66 листиковъ кружится около одной мысли, что чрезъ крестную смерть Спасителя мы избавились отъ вѣчной смерти. При этомъ онъ пользуется всякимъ поводомъ, всякимъ случаемъ изъ исторіи крестныхъ страданій, чтобы написать или вирши, или разсужденіе. Такъ, буквы таблицы, прибитой ко кресту Спасителя, псалмы, относящіеся къ событію крестныхъ страданій, всевозможныя поговорки, подходящія къ данному положенію—все это даетъ обильный матеріалъ для виршъ и прозы. Затѣмъ на 26 листикахъ тянутся вирши, которыя можно

---

[1]) Nim śmierć nadeszlá, jużem smierći księgą
Wydáł od smierći bym już y wźiał ćięgę ibid.

[2]) Jesli tu mało Krzyżow | pátrz w mey Lutnie |
U tam Krzyżyki Pana pieją smutnie. Ks. sm. 7 стр.

назвать алфавитными: на буквы въ алфавитномъ порядкѣ подобраны большею частью латинскія слова, смыслъ которыхъ подходитъ къ событію крестныхъ страданій, и на нихъ написаны вирши. Пишутся эти вирши, раздѣленныя по срединѣ стиха крестомъ, окруженнымъ латинскимъ словомъ, напр.

Acre Dość ostro Nawylot rany	A c—|—R e	Krzys mi się postavił | w rękach | nogach spravił [1]).

Остальная часть книги написана таже на какіе нибудь псалмы или поговорки, или самимъ авторомъ придуманныя заглавія, напр.

Pan wzdrawia ucho,
Nie puczcza glucho [2]),

гдѣ разсказывается о томъ, какъ Іисусъ Христосъ исцѣлилъ ухо Малху.

Послѣднія вирши могутъ служить также нагляднымъ примѣромъ того схоластическаго пустословія, до какого доходили южно русскіе виршеплеты въ XVII в. Барановичъ говоритъ, что мы имѣемъ обыкновеніе закладывать за ухо перо. Малхъ же, лишившись уха, не могъ бы уже этого дѣлать и, только благодаря исцѣленію, получилъ возможность опять пользоваться такимъ удобнымъ помѣщеніемъ пера [3]).

Но рядомъ съ этимъ проскальзываютъ въ «Księg'ѣ smiercі» и нѣкоторыя интересныя черты. Прежде всего мы точно можемъ опредѣлить время, когда Л. Барановичъ получилъ санъ епископа: девятнадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ [4]), получилъ я санъ пастырскій, а еще до сихъ поръ ничего хорошаго не сдѣлалъ. Дата эта подтверждается и посвятительной грамотой, приведенной прот. Страдомскимъ въ Жур. мин. нар. пр. 1852 г. LXXV. Обязанности своего пастырскаго сана Барановичъ ставитъ очень высоко и требуетъ, чтобы пастырь душу свою полагалъ за овцы свои [5]). Фраза эта въ устахъ Барановича имѣетъ дѣйствительный, реальный смыслъ, такъ какъ вся его жизнь прошла въ борьбѣ за живые интересы народа, изъ котораго онъ вышелъ. И даже въ этомъ старческомъ произведеніи

[1]) Księga smierći стр. 13.

[2]) Ibid. 76.

[3]) Ibid 76. Издана „Księga smerći“ безъ особыхъ картинъ, если не считать образа Купятицкой Богоматери и 2-хъ крестовъ, на одномъ изъ нихъ находится глава Спасителя, на другомъ сердце.

[4]) Lat temu dźiewiętnáśćie ják krzyż noszę z łoty
Pasterski | a pasterskiey nie wypełniam cnoty. стр. 7.

[5]) Стр. 41.

мы видимъ, какъ дороги были Барановичу его овцы. Онъ и въ этомъ произведеніи не забываетъ тѣхъ золъ, какія причинили евреи его родному краю и, вспоминая, какъ жиды мучили Христа, говоритъ, что отъ нихъ была хорошая школа и для русиновъ [1]). Вспоминаетъ онъ и вѣчныхъ, непримиримыхъ своихъ враговъ—турокъ и, подобно тому какъ въ «Lutnie», посылаетъ на нихъ «громы небесные», называетъ ихъ проклятыми (93), говоритъ, что отецъ ихъ діаволъ (94) и умоляетъ славянскіе народы дружно воевать съ заклятымъ врагомъ христіанства.

Разсказавъ о томъ, какъ птицы, перелетая черезъ моря, помогаютъ другъ другу, онъ прибавляетъ: «Tak orła polskiego orzeł moskiewski przeciwko turkow ratuie» [2]). Его завѣтный идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы отнять Палестину у турокъ, освободить патріарха изъ турецкой неволи [3]) и вообще изгнать турокъ изъ Европы [4]). Дважды, говоритъ Барановичъ [5]), въ землѣ турецкой родятъ и плоды, и хлѣбъ, а вы не хотите достать себѣ такой плодородной земли, которою, кромѣ того, лѣнивый мусульманинъ пренебрегаетъ! И его рѣчь звучитъ здѣсь очень сильно! Онъ побуждаетъ къ войнѣ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ [6]), давая тѣмъ подтвержденіе той любопытной черты южно-русской жизни XVII в., что и духовныя лица принимали участіе въ войнахъ, смѣняя нѣсколько разъ рясу на боевые доспѣхи [7]).

---

[1]) Chrześćanom inna od żydowskich szkoła 43.

[2]) Księga śmierci 92.

[3]) 127.

[4]) 93. Такимъ образомъ, тотъ „восточный вопросъ", который волновалъ русское правительство въ теченіи XVIII в. и занималъ умы передовыхъ русскихъ дѣятелей, какъ напр. Потемкина, достался въ наслѣдство отъ XVII в. изъ южной Руси.

[5]) Dwakroć płodne winnice w rok owoc dawają |
Dwakroć się na swych drzewach jabłka dostawają
Dwakroć oracz stokratne z roley żniwo zbiera |
Pásterz owiec swych źimie w chlewy nie zawieza.
Na tak żyzną czemu się nie kwapisz Polàku
Ziemię? y nie pomagasz czemu mu Rusaku?
Wszak y patryarchowie w Turca w niewoli |
Pasterze są to twoi | czy cię nie boli?
Chrześcianie nadzię mieycie w swoim Bogu |
Cynthia Othomańska na doł spuści rogu.

[6]) 94.

[7]) См. „Кіевск. Стар." 1888 г., VII и Лѣтопись Грабянки 18².

Къ своимъ сосѣдямъ полякамъ Барановичъ относится безъ задорной вражды. Играя словами и придавая латинскому слову «praelum» значеніе литературной борьбы, а «praelium»—войны вооруженной, онъ бросаетъ глубокій взглядъ на тѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть, и говоритъ, что «praelum»—т. е. литературная борьба между поляками и русскими повела къ кровавой вооруженной войнѣ, что во время литературной борьбы много было написано книгъ во славу и честь Христа и его Матери, но что въ послѣднее время только лишь и слышно о борьбѣ вооруженной. Такая борьба «dokuczyła» уже и русинамъ, и полякамъ, и писатель молитъ о томъ, чтобы наступилъ наконецъ покой [1]).

Краеваго южно-русскаго элемента въ Księg'ѣ smerći почти нѣтъ, если не считать одной поговорки: Obiecał kożych Pan y slowo grzieie [2]) (III) и намека на то, что Л. Барановичу былъ извѣстенъ апокрифъ «О древѣ крестномъ» въ южно-русской редакціи. Составляя свои алфавитныя вирши, Л. Барановичъ по поводу Адама пишетъ слѣд.:

Za drzewo ná tym Być drzewie | wtorym	A D—|—A M	Adamowi było Adamem złożyło (13).

или

Cave. Strzeż grzechá | grzech mię na Krzyż ostry wsadził |
Drzewem Adam źwiedziony | jam drzewem poradźił (22).

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность проф. П. В. Владимірову, который доставилъ мнѣ возможность пользоваться книгой Л. Барановича.

М. М.

---

[1]) Praelum, Prasá papierowá |
Praelium bitwa Mársowá
. . . .
Nasze Praelum Praelio wstępować musi |
Praelium dokuczyło Polakam y Rusi.
Praelo by się woleli Chrzescianie báwić |
Od Chrześcian Praelium rácz Panno odstawić
To bysmy księgi rożne na twą cześć y spore
Pisali | a wielbili cię przedwieczną Corę.
Wczyń pokoy.... стр. 130.

[2]) Казавъ панъ кожухъ дамъ, та слово его тепле.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы, № 12.—Русская Мысль, № 12.—Русская Старина, № 12.—Историческій Вѣстникъ, № 12.—Сѣверный Вѣстникъ, № 12.

Вѣстникъ Европы XII. 1890. А. Н. Пыпина: «Послѣдніе труды Н. И. Костомарова». Краткое изложеніе автобіографіи Костомарова, напечатанной въ послѣдней книжкѣ его трудовъ: «Литературное наслѣдіе», вышедшей въ текущемъ году (стр. 788—82).

В. Шенрока: «Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому»—разборъ письма Гоголя къ Жуковскому въ связи съ его «Авторской исповѣдью» (594—613).

Русская Мысль XII. 1890. Въ отдѣлѣ библіографіи: краткое содержаніе посмертнаго сборника трудовъ Н. И. Костомарова: «Литературное наслѣдіе» (стр. 563), рецензія на книгу: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова», гдѣ помѣщена біографія Н. В. Гоголя (стр. 563—564); Отзывъ о книгѣ Н. В. Воскресенскаго: «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (Историческій очеркъ). Томъ первый (стр. 564—565); содержаніе писемъ Н. В. Гоголя къ Плетневу, помѣщенныхъ г. Шенрокомъ въ ноябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника (стр. 591--593).

Русская Старина XII. 1890. В. И. Шенрока. «Николай Васильевичъ Гоголь» (окончаніе). Приведено еще 7 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 655—664).

Историческій Вѣстникъ XII. 1890. *М. Городецкій.* «Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію». Путевыя впечатлѣнія и наброски изъ путешествія автора въ Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ и Одессу (стр. 763—793).

Д. Эварницкій. «Музей А. Н. Поля». Краткая біографія извѣстнаго дѣятеля А. Н. Поля, скончавшагося 26 іюля 1890 г. и оставившаго богатѣйшую коллекцію древностей (стр. 794—7981).

Въ отдѣлѣ библіографіи—краткая замѣтка о книгѣ «Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890» (стр. 822—824).

Въ отдѣлѣ смѣси: Краткій некрологъ Ивана Петровича Новицкаго извѣстнаго знатока исторіи и этнографіи юго-западнаго краа, талантливаго публициста «Кіевлянина» и дѣятельнаго сотрудника «Кіев. Стар.» (стр. 853—854).

Редакція „Кіевской Старины“ покорнѣйше проситъ лицо, у котораго находится Воспоминанія Пашкова о харьковскомъ университетѣ доставить ихъ въ редакцію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.